

*К 130-летию со дня рождения
Мариэтты Сергеевны Шагинян*

М.С. ШАГИНЯН О ПРОБЛЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Материалы круглого стола», проведенного в рамках
«Шевченковской весны», и V Шагиняновских чтений

17 марта, 6–7 апреля 2018 г.

Чалтырь – Ростов-на-Дону
Фонд образования и науки
2018

УДК 82-1/-9

ББК 84

Ш 15

ISBN 978-5-907125-10-0

М.С. Шагинян о проблемах образования и воспитания. Материалы «круглого стола», проведенного в рамках «Шевченковской весны», и «V Шагиняновских Чтений». 17 марта, 6–7 апреля 2018 г. – Чалтырь – Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2018. – 211с.

В сборнике публикуются сообщения участников «круглого стола», проведенного в рамках «Шевченковской весны», по книге Мариэтты Сергеевны Шагинян «Тарас Шевченко». В сборник также включены доклады и сообщения школьников и преподавателей школ и вузов Ростовской области, сделанные на V Шагиняновских чтениях, которые были посвящены 130-летию со дня рождения М.С. Шагинян. В них рассматриваются исследуемые ею проблемы образования и воспитания молодежи, которые сохраняют актуальность и в наши дни и могут быть полезными для всех, кто связан с педагогической деятельностью.

ISBN 978-5-907125-10-0

Сборник издан при финансовой поддержке Ф.З. Хачатурян

© *Фонд науки и образования, 2018*

**Материалы «круглого стола» о книге
М.С. Шагинян «Тарас Шевченко»,
проведенного в рамках
«Шевченковской весны». 17 марта 2018 г.**

Т.О. Осипова

**МОНОГРАФИЯ М.С. ШАГИНЯН О Т.Г. ШЕВЧЕНКО –
НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЛИ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА?**

Отечественная биографическая литература отличается удивительным разнообразием: это и книги, где документальность соседствует с лирическими раздумьями автора, и произведения с ярко выраженным беллетристическим началом, и биографии, сочетающие в себе научный и художественный подходы к предмету исследования.

Одно из почетных мест в истории биографической прозы занимает произведение М.С. Шагинян «Тарас Шевченко» (1946), отразившее подлинно новаторский подход автора к такому сложному жанру как литературная биография, эта работа сыграла и существенную роль в осмыслении писательницей философско-эстетических проблем личности.

Создавая образ великого Т.Г. Шевченко, М.С. Шагинян стремилась показать его на фоне исторической эпохи, раскрыть связь героя с обществом. Примечательно высказывание писательницы: «Правильно наметить путь к подаче живого образа – значит верно найти ...пуповину, на которой он исторически держится в мире» [3, VIII, 295]. Это стало основным принципом в создании образа великого Кобзаря.

Анализируя эстетические взгляды Т.Г. Шевченко, М.С. Шагинян подчеркивала, что они были определены его чувством общности с передовыми идеями своего времени. В частности, она подробно характеризовала его отношение к Н.Г. Чернышевскому, в лице которого поэт впервые встретил законченный тип революционера-материалиста.

М.С. Шагинян принадлежит к категории писателей-исследователей, для которых творчество выдающейся личности составляет основное содержание ее биографии. Например, вчитываясь в повести Т.Г. Шевченко, в эти, по ее словам, «простейшие житейские драмы, с приближением к мелодраме», она не просто указывала на их политическую заостренность. Ей удалось раскрыть общественное значение такого явления, как «Тарас Шевченко» через, казалось бы, обыденную и бытовую тему «покровки» – соблазненной москалями деревенской девушки: «Шевченко вдохнул в нее всю силу своей революционной ненависти к николаевскому режиму. Он ударил ею в лицо ему...» [3, VIII, 316].

Интерес к образу Т.Г. Шевченко не был случаен для М.С. Шагинян. Знакомство с ним началось с прочтения дневника поэта, где он «удивительно глубоко и близко нашему времени размышлял о вопросах искусства и естествознания» [3, VIII, 7]. М.С. Шагинян показала уникальность личности Т.Г. Шевченко: основоположник национальной литературы, проявивший способности не только в словесности, но и в живописи, естествознании. Все это позволило ей сделать следующий вывод: «...творец в самых разных областях искусства; воинствующий реалист, всегда жизненно-практичный, крепко любящий правду, сумевший всюду сказать свое новое слово» [3, VIII, 294]. Например, в главе «Аральская экспедиция» М.С. Шагинян писала об увлечении своего героя геологией, ботаникой, зоологией. Т.Г. Шевченко в его отношении к природе сравнивается ею с двумя великими художниками слова и учеными одновременно: Гёте и Ломоносовым, которые обладали редким свойством: «мыслить и познавать природу с помощью художественного образа» [3, VIII, 448].

Произведение М.С. Шагинян удачно сочетает в себе строгую документальность и ищущую мысль автора, а также проникает в глубины великого характера, способного тонко чувствовать личность героя.

В свое время Н. Эйдельман указывал на это усиление в биографической литературе субъективно-авторского начала, названного им «субъективным художественным даром» [2, 5]. Подобные мысли неоднократно высказывала и М.С. Шагинян.

В частности, отвечая на вопросы корреспондента «Литературной России», она утверждала: «Создание живого исторического образа в искусстве происходит не от архивных документов и не от произвольного художественного воображения; ...никакие документы не склеят его живой художественный образ. Нужно верное, правдивое чувство, руководящее творческим процессом, нужен дар любви» [3, VII, 406]. При этом М.С. Шагинян отнюдь не игнорировала документов, смело вводя их в ткань произведений, как правило, с целью подтверждения собственных гипотез. Например, письмо двоюродной сестры Н.Г. Чернышевского, свидетельствующее о том, что встреча Т.Г. Шевченко с ее братом состоялась между 2 и 22 сентября 1859 г., позволило М.С. Шагинян полнее охарактеризовать мировоззрение поэта в последние годы жизни, в частности, показать отказ «от всех иллюзий, которые еще были у Шевченко по поводу его либеральных и националистических друзей» [3, VIII, 490].

Работы М.С. Шагинян о Т.Г. Шевченко представляют собой сложный сплав научного и художественного подходов к предмету исследования. Например, наряду с глубоко научным анализом творчества Т.Г. Шевченко, она ввела в повествование чисто художественные элементы: пейзажные зарисовки, яркие детали, описание внешности героев и т.д. Достаточно вспомнить удачно найденный прием «столкновения» портретов, с помощью которого ей удалось охарактеризовать один из самых тяжелых периодов жизни поэта – между маем 1848 и апрелем 1849 – когда молодой Тарас Шевченко «с его легкими кудреватыми бачками вокруг круглого бритого лица» стал «лысым батшкой с огромной бородой» [3, VIII, 419].

Однако художественный элемент может быть внесен в произведение не только посредством беллетризации повествования. Жизнь великого человека обладает большой выразительностью, реальный факт в данном случае несет в себе эстетическое начало, приобретает способность эмоционально воздействовать на читателя. И. Андронников писал по этому поводу: «Если бы другой старик ушел из дома, простудился и умер дорогою, – говорили бы, что причиной тому семейные неурядицы и старческие явления. Но поскольку в слове «Толстой» заключен мир представлений, гений Толстого, личность его, его книги, иска-

ния, ошибки, победы – человечество называет это уходом Толстого и даже теперь отирает слезы, читая о том, как Толстой умирал на чужой станции...» [1,221-226]. Таким образом, факт приобретает самостоятельное художественное значение. Поэтому воссоздание трагической судьбы Т.Г. Шевченко, родившегося «в крепости», прошедшего тяжелый путь арестов и ссылок, под пером М.С. Шагинян становится искусством.

Произведение М.С. Шагинян глубоко оригинально в жанровом отношении. Оно не похоже на блистательные романы Ю. Тынянова, представляющие собой сплав реального и вымышленного. Не похоже оно и на книги А. Виноградова, действие которых развивается в соответствии со становлением личности героев. Работа М.С. Шагинян – это научно-художественное исследование, в центре которых находится сам автор, шаг за шагом воскрешающий своего героя из небытия.

Книга Мариэтты Сергеевны Шагинян о Тарасе Григорьевиче Шевченко, как и ее работа о Гёте, явилась важным этапом в поисках писательницей своего героя, реальной исторической личности, мыслителя и творца одновременно. Проблема универсальности и многообразия его деятельности стала здесь основной. Она подчинила и строгий отбор фактов, и композицию произведения. Не случайно, здесь избран не хронологический, а проблемный принцип повествования, при котором подробно исследуются разнообразные аспекты деятельности великого творца.

Литература

1. Андронников И. О биографическом жанре // И. Андронников Избранные произведения: в 2-х т. Т. 2. М., 1975.
2. Бурсов Б., Эйдельман Н. Душевные импульсы. Диалог // Литературная газета. 1975. № 49.
3. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9-т. М., 1971-1975.

Н.И. Стопченко, Е.В. Косьяненко

ПОРТРЕТ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО В МОНОГРАФИИ М.С. ШАГИНЯН

*«Бессмертие Шевченко-поэта в том,
что он выковал для народа язык, способный к глубоким,
исторически правдивым, тончайшим обобщениям...»*

М.С. Шагинян

Из своего обильного многожанрового писательского наследия М.С. Шагинян особо выделяла научную монографию «Тарас Шевченко», в которой «портрет» родоначальника украинского литературного языка «сделан с великой любовью». И ее женское чувство, душевная деликатность большого мастера-сердцевода и психолога впечатляюще формируют перед нами *живой образ* Кобзаря-поэта, мыслителя и многогранного художника, в духе европейского Ренессанса одаренного талантами в различных сферах искусства, но, к сожалению, не успевшего выразить в них себя до конца.

Побудительным импульсом, обратившим взоры М.С. Шагинян на юбилей Т.Г. Шевченко (1939), *гипотетически* предполагаем мы сегодня, был ее настойчивый интерес не только к разносторонним творческим дарованиям Поэта, весьма близкими ей. Внимание ее не в меньшей мере привлек Т.Г. Шевченко-человек с его потрясающе трагической судьбой, вызвавшей в ней глубокое сострадание и вместе с тем всепоглощающую исследовательскую идею. Маризэтта Сергеевна Шагинян почувствовала в Поэте родственную душу, которая, как и она от армянского народа, вынужденно «ответвилась» от своего украинского, «проросла» его веточкой» в России...

И ей стало жизненно важно «воссоздать образ поэта *не как выдуманную схему, а с предельной правдой*, отбросить гипноз того вечного батьки с запорожскими усами, в знаменитой мерлушковой шапке». Она профессионально убедительно разобралась в его несчастной доле бывшего крепостного, сумевшего прорваться к свободе и высотам творчества, писать на двух языках, стать великим Кобзарем во благо своего народа и его куль-

туры. Бросается в глаза стремление автора монографии всесторонне собрать и сберечь социокультурные реалии Пушкинского века в национальной культуре.

Сюжетным стержнем всей книги о Кобзаре-художнике является развитие смелой авторской мысли о *человеческом* и *творческом величии* даровитого малоросса, одолевшего свою трагическую судьбу и проявившего редкостный многогранный талант художника-реалиста с материалистическим мировоззрением, высоко оцененным многими современными деятелями русской культуры, особенно Н.А. Некрасовым, И.С. Тургеневым, Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, К.П. Брюлловым. Автор глубокого исследования не просто горячо и заинтересованно прослеживает драматические зигзаги судьбы Поэта, она основательно проникает в духовную жизнь его земляков и многообразные связи с современниками, тогдашнее состояние литературы и искусства.

Как логическое следствие, автор во многом новаторской и оригинальной по своему содержанию научно-художественной биографии Т.Г. Шевченко была удостоена ученой степени доктора филологических наук (1944). По признанию самой М.С. Шагинян, изучение жизни и творчества великого поэта Украины *методически* и *методологически* помогло ей успешно справиться с работами о И. Гёте, Г. Низами, Я.А. Коменском, В. Блейке и с целой плеядой армянских литераторов-классиков. Данное обстоятельство позволяет видеть в ней *проводника всечеловеческой культуры*. Большой успех пришел к ней благодаря обращению преимущественно к «человеческой» стороне их деятельности, *духовному облику* национальных кумиров, к психологии научного творчества, философским истокам и последствиям художественных и научных открытий.

Под ее пером все написанное о Т.Г. Шевченко обладает не только интеллектуально-познавательной, но и *эстетической ценностью*, призвано сочетать увлекательность изложения с *научной достоверностью* в раскрытии существовавших проблем, образность повествования с документальной точностью жизненного материала. Благородный, вдохновенный талант русско-армянской писательницы в монографиях о Т.Г. Шевченко и дру-

гих выдающихся деятелях мировой культуры справедливо был отмечен высокой наградой – орденом Дружбы народов.

Исследование определяет подвижнически действенную роль М.С. Шагинян-автора, побывавшую во всех шевченковских местах, связанных с судьбой украинского гения, настойчиво и целеустремленно собирающую достоверную малоизвестную и неизвестную для литературной науки и массового читателя информацию из разных источников о его жизни и творчестве, постоянно расширяя фронт своих поисков. Обладая глубоким художественно-философским мышлением, она объяла лучшие духовные и творческие силы двух братских народов, понимая вместе с тем, что они *исторически единый народ*, понимал это и сам Кобзарь, находясь в дружеских отношениях со многими деятелями русской культуры и завещая публиковать свои вирши без перевода на русский язык.

«Еще живя у Брюллова, студентом Академии (три полученные им медали), – фиксирует автор исследования, – Шевченко полюбил Глинку, даже боготворил его *за поиски народности*, за обращение к народному мелосу. Музыка любил он страстно, особенно пение. Глубоко почитал Даргомыжского, познакомился с ним и потом часто встречался. Потребность в музыке была у Шевченко постоянной». Он часто воспринимал музыкальное и живописное искусство слитно, называя Моцарта и Бетховена представителями «слышимой гармонии».

По-своему глубоко М.С. Шагинян осмыслила его покоряющие творения, совершив кропотливый анализ его мастерства и *постигнув профессиональные секреты*, какими брал он за сердце своих слушателей и читателей разных поколений. Она скрупулезно анализировала письма, дневники, материалы национальных библиотек и хранилищ, государственных и частных архивов. Автор извлекала из них *правду*, в том числе *горькую* и *малоизвестную*, о его неприкаянной судьбе всегда одинокого скитальца по городам и весям Украины и России, давала глубокую научно-художественную *летопись* его незаурядной личности и богатейшего многожанрового творческого наследия. «В киргизских степях Шевченко *вырос как художник*, – справедливо заверяла она нас, – и его сепии и акварели, вывезенные

оттуда, неизмеримо *выше* академических картин до ссыльного периода».

Безусловно, искорку, разгоревшуюся под полуденным солнцем Арала, Т.Г. Шевченко приобрел в родных украинских степях, откуда он вынес любовь к светотени, блестящее по-рембрандтовски разрешение световых задач, особенно в пейзаже и в интерьерах. Но и портретистом он был превосходным. Под конец жизни Т.Г. Шевченко стал выходить за рамки живописи в смежные пластические искусства. Когда в Новопетровском укреплении снова усилился для него запрет рисовать, он попробовал себя в новой сфере – в скульптуре.

Диапазон опыта и профессиональных наблюдений М.С. Шагинян-писателя и ученого позволяют охватить все главные события судьбы и творчества Т.Г. Шевченко и социокультурной жизни России его времени. Реальное прошлое Поэта органично сочетается с текущей современностью многоопытного Автора, придавая *особую выразительность* драматическим событиям в его судьбе и масштабное звучание его лиры на Украине и в России.

Она выработала свой оригинальный прием как в данном исследовании, так и в своих последующих монографиях. Автор нередко *вводит читателя* в свою творческую лабораторию, предлагая быть ее единомышленником, доверяя ему и свой покоряющий *азарт исследователя*, ход тонких рассуждений и новые, неожиданно открывшиеся факты из жизни и творчества великого Художника, что и составляет основное содержание всех восьми глав книги. Интереснейшие умозаключения по разным поводам, проницательные решения, веские аргументы, убедительные доводы и доказательства составляют *художественную ткань* исследования.

Читающий мир знает Т.Г. Шевченко-поэта, начинает узнавать его и в качестве художника, – размышляла М.С. Шагинян, тонкий интеллектuala. И продолжала: «А мы почти не слышали о нем как о драматурге, певце, актере, декламаторе, гравере. Между тем он был и знатоком театра, и превосходным музыкантом редчайшего, по чистоте и правильности, вкуса... Он пытался попробовать себя в опере... Тарас Григорьевич был потрясающим чтецом собственных стихов и лучшим исполнителем укра-

инских песен. Под конец жизни Т.Г. Шевченко стал выходить за рамки живописи, в смежные пластические искусства». Путеводным ориентиром для исследователя было искреннее признание Кобзаря: «История моей жизни составляет часть истории моей родины». М.С. Шагинян, аналитически глубоко познав его жизнь, полную драматизма и высокого творческого горения, *открыла для мира настоящего Т.Г. Шевченко...*

Органично используя *связь времен* как структурообразующий принцип на всем протяжении историко-биографического повествования, М.С. Шагинян правомерно перебрасывала мостик из девятнадцатого века в век двадцатый. Не только глубокая научность, широта и четкость мысли в монографии М.С. Шагинян, но и многоликая *тесная связь с актуальными задачами ее современности* и внутренняя полемичность мастерски переданы в художественном обрамлении.

На сегодняшний день огромное художественное наследие Т.Г. Шевченко основательно изучено с *весьма существенным вкладом* исследования М.С. Шагинян. У нее впечатляюще точный, зоркий взгляд и неугасимая жажда познания духовного мира, стремление собрать и сберечь ценные реалии времени в национальной культуре, характерные детали и подробности событий, пронизательно осмыслить и зафиксировать все перипетии в жизни Кобзаря, не дать исчезнуть или потеряться фактам культурно-исторического процесса. Пущены в обращение его глубокие мысли об искусстве, политике, науке и природе. И это странное сходство «каторжного портрета», о котором говорила многомудрый автор монографии, с *типовым портретом человека эпохи Возрождения*, с галереей мужей-борцов, поднявшихся на рубеже своего века и заглянувших через него в век будущий – уже не кажется нам сегодня ни натяжкой, ни странностью...

М.С. ШАГИНЯН О МНОГОГРАННОМ И ГЛУБОКОМ СМЫСЛЕ ТВОРЧЕСТВА Т.Г. ШЕВЧЕНКО

М.С. Шагинян подобно искусному «реставратору» из разорванной и во многих местах уничтоженной картины, кропотливо собрала воедино пласты и осколки жизни и творчества Т.Г. Шевченко. В своей монографии «Тарас Шевченко» она вовлекает читателя глубиной исследования и проникновения в его жизнь и творчество, выявляя яркие грани незаурядной личности поэта и, по праву, – талантливого *самородка*, творца образа народа и украинского литературного языка, давшего на века перспективу развития многогранной украинской культуре.

С первых страниц чтения монографии М.С. Шагинян происходит вхождение в личностный пласт эмоциональной памяти через проникновение автора в образы, легкость и, в тоже время, лаконичность, простоту и глубину стиха, смысловую наполненность картин, созданных поэтом. Например, в моей памяти невольно всплывает образ Украины, ее природы и живой образ Т.Г. Шевченко – творца и мыслителя, поэта-Кобзаря, драматурга, прозаика и художника, чья жизнь неразрывно связана с родным краем и народом, его тяжелой крепостнической долей. «Думы мои, думы мои» – всецело посвящены судьбам и историческим событиям родной Украины, пронизаны необыкновенным состраданием, болью и нежной сыновней любовью.

Обращаясь к поэтическому наследию Т.Г. Шевченко, М.С. Шагинян, выявила «секреты» «большого эмоционального действия на слушателя», которое на протяжении столетия было предметом внимания литературоведов, критиков, биографов, переводчиков Т.Г. Шевченко. Она отмечала, что разобрать, какими профессиональными средствами оно достигается, – очень трудно [1,11] и убедительно настаивала на том, что самобытность поэтики Т.Г. Шевченко заключается в особенностях его таланта и «народности». Поэт «часто меняет соотношение ритмов, начинает стремительным, перебивает тягучим» [1,21], или наоборот: начинал с «журбы» (кручины), заканчивал «весільним», – что создавало ему одному присущий ритмиче-

ский колорит, по точному определению М.С. Шагинян, ударающий «слушателя по сердцу», создавая неповторимые и незабываемые образы: слепого поэта-певца, постигшего людскую душу, одинокого и бесприютного, веселящего и повествующего исторические события Перебенди, гайдамаков, «красуні» Оксаны, несчастной и трагичной судьбы Катрины, «Лілеї», Наймички, Марии, матери – трепетно и нежно любящей, оставшейся в одиночестве оплакивать своих детей, простейшей правды бытия народа. В образах женщины виден образ родной Украины, без которой поэт не мыслил своей жизни. Поэтому такое сильное воздействие оказывает творчество Тараса Григорьевича на читателя, ибо оно захватывает сердце и мысли переживанием событий и судеб людей.

Т.Г. Шевченко вошел в мою жизнь с раннего детства. Вижу как наяву: мой отец, вечером, после трудов праведных, достает с полочки, завернутую в «рушничок» книгу. В ответ на детский вопрос слышу ответ: «Поговорю з одною розумною людиною, з нашим Кобзарем». Благоговейное отношение отца к творчеству поэта, к стихам, поэмам, драматургии сопровождает меня всю жизнь, как и собственное проникновение в наследие поэта, соприкосновение с гранями его творчества, «встречами» с его судьбой на протяжении всей жизни...

Читая М.С. Шагинян, то, как она осмысливала неповторимые особенности стиха Тараса Шевченко, в памяти всплывают с детства знакомые картины:

Садок вишневый коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть,
Співають ідучи дівчата,
А матері вечерять ждуть.
Сім'я, вечерея коло хати...

С этими строками эмоциональная память возвращает в те далекие вечера, когда запах цветущих вишен и вечерние мелодии становятся ощутимыми, а нехитрая «вечерея» возле хаты – видимой, спокойной, объединяющей. М.С. Шагинян весьма тонко, с позиций литературоведа, произвольно позволила открыть

ценностно-смысловую глубину творчества поэта через *Любовь* к народу, родной природе, земле и *красоту* образного языка, передающего единство трепетного состояния природы и человеческих переживаний.

В моей юности поэмы «Катерина» и «Лілея» потрясли не меня одну. *Поэт* негодовал, выражая необыкновенное сострадание к жизни простых людей, в котором проявилась высочайшая *Любовь* к народу, трагической судьбе крепостной женщины. В «Гайдамаках» Тарас Шевченко развертывал исторические полотна, пронизывая болью событий, философствовал, ...мечтал, плакал, не оставляя равнодушным читателя.

В поэтическом слове он сливался душой с красотой родной природы. Он ее слышал, видел, чувствовал; она была в его душе, а он сам – ее органичное созвучие. Картины природы во всех ее состояниях усиливают восприятие разносторонности создаваемых им образов и событий. На фоне ее *Красоты* – несчастная доля крепостных становится ощутимой трагичной безысходностью:

Летим...
Дивлюся, аж світає,
Край неба палає,
Соловейко в темнім гаї
Сонце зустрічає.
Тихесенько вітер віє,
Степи, ланы мріють...
І все то те, вся країна
Повита красою,...

И на фоне зримо восстающей красоты, в одно мгновенье я окунаюсь в глубину переживаемой боли поэта:

Душе моя убогая, ...
Хіба ти не чуєш людського плачу?...
Он глянь, – у тім раї, що ти покидаєш,
Латану свитину з каліки знімають,
З шкурою знімають....

(Шевченко Т.Г. «Сон» // Т.Г. Шевченко Кобзар).

М.С. Шагинян называла подлинным искусством поэта, наполнившего полнокровной жизнью язык, кружевной тонкостью, простотой *художественного обобщения без груза метафор или сложных символов* [1,24]. Именно «*обобщающая глубина*» позволяет переживать вместе с поэтом и «входить» в глубину смысла, становиться сопричастным с образами.

...Мы знаем Т.Г. Шевченко как поэта; но он был еще и художником, скульптором, архитектором, драматургом, театралом, декламатором, остро переживающим сценическое слово. Из шевченковской драматургии до нас дошел только лишь «Назар Стодоля», но известно, что Тарас драматизировал «Гайдамаков», «Москалеву криницю» и другие поэмы, пытался сам играть в них. С Шевченко-драматургом познакомил меня отец. Во время передач по радио спектаклей «Наймичка», «Назар Стодоля» и др. поэм – для него не существовал окружающий мир: он тайком смахивал скупую мужскую слезу...

Кроме того, в своей монографии М.С. Шагинян открыла Т.Г. Шевченко и как «превосходного» музыканта, певца, обладавшего незаурядной и природной музыкальностью и «редчайшего, по чистоте и правильности, вкуса» [1,39-42]. Бархатный баритон, необыкновенная художественно-поэтическая чувствительность, позволяли Тарасу передавать колорит мелодичности украинских песен. Он был лучшим исполнителем народной песни и романса, – так считали современники. Эта грань таланта поэта возвращает меня в картины украинской ночи, густым и высоким вербам вдоль извилистой речки Серебрянки, верхушки которых выступали над туманом... А вверху – звездное небо с ярко сияющей луной и густой бархатный баритон поющего старшего брата, наполняющего это пространство необыкновенными красками мелодий народных песен:

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
Додолу верби гне високі,
Горами хвилю підійма...

(Т.Г. Шевченко «Причинна» // Там же, с. 13).

Эти строки, передающие необыкновенную красоту и силу природы, в исполнении хора им. Веревки невольно поднимают с кресел людей в залах; они стали народным гимном Украины.

Несмотря на признание великого таланта поэта и художника в обществе образованных и авторитетных людей, с которыми он был близок, простым народом, и даже в кругах состоятельных людей, где поэт стал «неким символом», *своим* он так и не стал. Т.Г. Шевченко непросто было привыкнуть к новой среде. Он физически ощущал свое одиночество...

В ссылке он с тоской и болью говорил о своей судьбе:

І виріс я на чужині,
І сьвию в чужому краї;
То одинокому мені
Здається – кращого немає
Нічого в бога як Дніпро
Та наша славная країна...

(Т.Г. Шевченко «І виріс я на чужині» // Шевченко Т.Г. Кобзар. Київ. Изд-во худ. лит. «Дніпро». 1980, с. 401).

Из неразрывного единства своей жизни с жизнью народа он впитал и черпал ценностные смыслы Любви, Красоты, Добра и Знания (Истины). Именно эти ценности являются ядром личности Т.Г. Шевченко, определив его внутренний мир и восприятие окружающей действительности, стали смыслом и основанием его непоколебимых позиций в творчестве, жизненных устоях. Он оставался верен себе до конца своих дней, не испытал, к великому сожалению, человеческого счастья, которого без всякого сомнения, был достоин.

Наследие поэта дает возможность и в настоящее время почувствовать судьбу народа в период крепостного права, наложившего отпечаток на его сознание, традиции на долгие годы и поколения.

Вернувшись из ссылки на свою родную землю, поэт величаво-задумчиво смотрел на «Дніпро и кручі», смотрел на родную и близкую его сердцу и сердцам многих людей, почитавших при

его жизни и до сих пор почитающих глубину его души и многогранного таланта...

Литература

1. *Шагинян М.С.* Тарас Шевченко. Ростов-на-Дону, 2018.

М.С. ШАГИНЯН О НАРОДНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Тридцать два года в общей сложности Мариэтта Сергеевна Шагинян работала над книгой о классике украинском культуры – Тарасе Григорьевиче Шевченко. Это одна из лучших книг о нем. В своей монографии М.С. Шагинян представила живой образ «Творца и мыслителя», с любовью и глубоким проникновением описала основные события в его жизни и творчестве. Общепринятым считается наполненность его произведений народным духом, ярким выражением чаяний и забот украинского народа.

Не случайно, М.С. Шагинян, раскрывая секрет «его большого эмоционального действия на слушателя», назвала его творчество постине народным. По словам многих, «Шевченко абсолютно народен, и, наконец, у Шевченко нет стиха, подобно которому нельзя было бы найти в сборниках записей украинских народных песен». Действительно, его стихи были близки ритмике и мелодии украинских народных песен. Он с детства впитал в себя, свое сознание, свою кровь, в каждую клеточку своего существа боль и мудрость, радости и печали своего народа.

Вместе с этим М.С. Шагинян не ограничилась таким пониманием народности творчества поэта. Она замечала, что «разные люди вкладывали в слово «народность» совершенно *разное* содержание» [1,248]. В целях прояснения смысла этого понятия она обратилась к суждениям А.С. Пушкина, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского по этому поводу. По ее мнению, «в поисках точного определения Пушкин пытается расширить понятие «народность», прибавляет к «языку и теме» образ мыслей и чувствований, обычаи, поверия и т.д. [1,249]. Эта мысль получила развитие в статьях Н.А. Добролюбова. «По Добролюбову, – писала М.С. Шагинян, – вовсе не только исторический опыт народа и его прошлое определяет степень народности художника, а живое бытие народа в настоящем. Если художник сейчас живет с народом, выражает его *современные* нужды и стремления, выражает от себя, но за целый народ, тогда и только он народен».

В подтверждение своих слов она повторила высказанные в свое время суждение Н.А. Добролюбова. У Т.Г. Шевченко «весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслями, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан» [1,250].

Но только на этом М.С. Шагинян не остановилась, а продолжила расширять и углублять понимание народности творческой личности. Со ссылками на Н.Г.Чернышевского она подчеркивала, что «...жить стремлениями своего народа и выражать их в искусстве – значит в какой-то мере пробивать ему дорогу в будущее – вот как бы триединая формула связи художника с породившим его народом» [*Там же*]. К такому выводу пришла М.С. Шагинян, послуживший для нее методологическим принципом анализа творчества Т.Г. Шевченко, который сохраняет актуальный и поучительный характер в наши дни, помогает отличить подлинную народность художника от ее имитации.

К числу важнейших составляющих народности Т.Г. Шевченко по праву следует отнести родной язык. «Молодой, гибкий, самостоятельный, созданный Т. Шевченко, язык стал орудием украинской культуры, ее будущим», – писала М.С. Шагинян. [1,251]. Она подвергла критике упрощенный подход в понимании народности языка поэта, утверждая, «что язык у Т.Г. Шевченко с народом *общий*, что поэт не «брал у народа» и не переносил к себе, а запел на том самом языке, на каком народ уже пел и сам он говорил и думал с детства» [1,252].

После достаточно основательных аргументов в защиту этого тезиса М.С. Шагинян заключила свою мысль словами: «Поэтика Шевченко не может быть выведена ни из фольклорности как таковой, ни из голого мастерства как такового, а является плодом непрерывного творческого расширения народной речи, полученной с молоком матери...» [1,253]. Заслуга Т.Г. Шевченко в творчестве языка бесспорна. Язык его вырастал «из борьбы за выражения смысла, из борьбы за расширение языка, из потребности сказать то, что требуется сказать, что должно и можно сказать на родном языке, хотя бы объем его и сопротивлялся этому вначале» [1,254].

С таких вот установок о *народности творчества* Т.Г. Шевченко ведется в книге описание его трудной судьбы и творческих взлетов. Так, при характеристике художественных особенностей поэтического наследия Кобзаря М.С. Шагинян снова обращалась к его народности «И бессмертие Шевченко-поэта, – писала она, – в том, что он выковал для народа язык, способный к глубоким, исторически правдивым, тончайшим обобщениям при помощи самых простых средств и несложных, казалось бы, выражений» [1,260-261].

В другом месте книги М.С. Шагинян развивала мысль о народности языка поэта. «Всякий народный язык, не нарочито народный, а тот на котором действительно, по мере нужды, говорят меж собой в народе» [1,321]. Преимущество этого языка состоит в том, что он близок своим словарем, своими особенностями – реальным отношением людей, богат своей конкретикой, выражает основные людские потребности.

Далее М.С. Шагинян раскрыла диалектику народного и литературного языка. «Всякая новая прививка народного языка литературному, – подчеркивала она, – через творчество гениальных поэтов, есть в то же время и демократизация литературного языка, освежение и приближение его к жизни, к истоку общественных отношений». И тут же она заметила, что «всякое превращение народного языка в литературный совершается отнюдь не проектно, а в борьбе, и притом в борьбе не за одно лишь бытие народа» [*Там же*].

Т.Г. Шевченко весьма строго относился к языку своих поэтических произведений, подолгу размышлял над каждым словом и не допускал каких-либо поправок со стороны.

Подлинный поэт, писатель, художник, по своему призванию – есть глаза, уши и душа своего народа. Он раньше, чем кто бы то ни было увидит, услышит и прочувствует радости и горести, риски и разрывы в жизни большинства простых людей. Он ярче сумеет выразить их мысли и чувства на своем языке, понятном, доступном для каждого.

Таким и был Тарас Григорьевич Шевченко. Для него творчество было и самовыражением, и служением своему народу. В каждом стихотворении, картине, рассказе он неповторимо, по своему, с любовью рассказывал о народной жизни во многих ее

проявлениях. С глубоким пониманием он описывал и горе матери, потерявшей сына, и переживания опозоренной перед всеми девушки, и тягостные раздумья закабаленного подневольного, постоянно унижаемого от произвола господ.

Красноречивым подтверждением народности художественных произведений Т.Г. Шевченко могут служить слова представителей разных народов, высказанные на его 120-летнем юбилее. «Он раскрыл им общечеловеческое в национальном, он вошел в их социалистическое «сегодня» родным братом, «батькой, своим, любимым...» [1,267].

Народность творчества Т.Г. Шевченко, – по утверждению М.С. Шагинян, – проявлялась в полной мере в драматургии, музыке, живописи. В книге со всей дотошностью рассматриваются принципы и приемы, привычки, которыми он руководствовался, каков был его рабочий день, что за техника лежит в основе его мастерства.

Т.Г. Шевченко представлен многогранным талантливым творцом. И каждая грань его таланта была наполнена народным духом. «Творец в самых разных областях искусства; воинствующей реалии, всегда жизненно практичный, крепко любящий правду, гениально прозорливый, сумевший всюду сказать свое новое слово; и в то же время сохранивший простую мужицкую хитринку, умение заметить в людях и обстоятельствах смешные, раздутые, показательные стороны» [1,294].

В книге отмечено еще одно важное его качество – то, «насколько тесно он связан (не только идейно и общественно, но и пластически, в жесте, манерах, способах самовыражения) со своей средой во всем, в каждом своем проявлении, даже в сопротивлении этой среде» [1,294-295].

Самая тесная связь его жизни и творчества, – подчеркивала автор книги, – выражалась в психологической неустойчивости. «Человеческое достоинство Шевченко страдает не только потому, что он, крепак стал свободным, а семья и народ его оставались крепостными и сам он подобен белой вороне в среде черного помещичьего воронья» [1,297].

Народность творчества Т.Г. Шевченко в книге описана в разных измерениях, обоснованно и убедительно. М.С. Шагинян

внесла серьезный вклад в понимание народообразующего таланта великого украинского поэта.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Тарас Шевченко // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1975.

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ Т.Г. ШЕВЧЕНКО В МОНОГРАФИИ М.С. ШАГИНЯН

Как известно, крупные поэты представляют собой особый культурный слой. Их судьбы, особенно трагические (достаточно вспомнить лермонтовское: «Что без страданий жизнь поэта? // И что без бури океан?»), неизменно привлекают внимание современников и потомков, давая обильную пищу для биографических исследований. Когда же роль биографа берет на себя собрат по литературному цеху, сам представляющий крупное явление в литературе, то от такого «союза» выигрывают оба.

Мариэтта Сергеевна Шагинян, посвятившая личности и творчеству Тараса Григорьевича Шевченко специальную монографию, поставила перед собой задачу «дать читателю живой образ Шевченко – творца и мыслителя» [1,245]. Весь текст исследования дышит любовью к его герою. Включившись в осуществлявшиеся в течение многих десятилетий после публикации «Кобзаря» «поиски секрета его большого эмоционального действия на слушателей» и, стремясь внести свой вклад в «закрепление того первого слова, каким как будто дается его разгадка», она подчеркивала, что этим словом является «народность» [1,248]. Обрушившись с резкой критикой на понимание «народности» Т.Г. Шевченко Н. Костомаровым и П. Кулишем, для которых «его поэзия как бы безликое выражение всего того, чем был украинский народ «самобытен», она недвусмысленно встала на сторону Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского, заложивших «первый камень «поэтики Шевченко» [1,253]. Н.А. Добролюбов, отмечала она, «блестяще развил тезис Пушкина» и пришел к пониманию того, что «не только исторический опыт народа и его прошлое определяют степень народности художника», но «живое бытие народа в настоящем». Еще более точной, по мнению М.С. Шагинян, явилась предложенная Н.Г. Чернышевским «триединая формула связи художника с породившим его народом», заключающаяся в том, чтобы «знать его прошлое, жить с ним в настоящем и продвигать его в будущее».

При этом «орудием украинской культуры, ее будущим» стал «молодой, гибкий, самостоятельный, созданный Т. Шевченко язык» [1,250-251]. М.С. Шагинян продемонстрировала влюбленность в поэтику языка Т.Г. Шевченко и, давая его характеристику, прибегла к соответствующей мелодике речи. «С каждым стихотворением, – писала она, – Шевченко совершенствует для народа его оружие культуры – язык, делает нежную, мягкую, «семейную» речь поселянина, приспособленную к нехитрому сельскому обиходу, отточенной и острой, разрешает в пределах этой речи драматические и социальные коллизии, разворачивает исторические полотна, философствует, издевается, мечтает, плачет, мнет ее, как глину в руках, доказывает ее тонкость, жизненность, способность для борьбы, для любой передачи на любой «волне» [1,253-254]. «Бессмертие Шевченко-поэта в том, что он выковал для народа язык, способный к глубоким, исторически правдивым, тончайшим обобщениям при помощи самых простых средств и несложных, казалось бы, выражений» [1,260-261].

«Народность» Т.Г. Шевченко выступает лейтмотивом всей книги М.С. Шагинян. Воспроизводя впечатление, оставшееся у А.П. Елагиной от встречи с Т.Г. Шевченко на обеде у профессора Максимовича в Москве («Простой, добродушный, умный мужик»), М.С. Шагинян обратила внимание на то, что «слово «мужик» было в то время у славянофильствующей московской публики, собравшейся на обеде, лучшим определением народности [1,303]. При этом затрагивавший ту же тему известный русский литературовед и этнограф А.Н. Пыпин, отмечая, что Шевченко «вовсе не думал ограничивать себя ни чисто бытовыми сюжетами, ни горизонтом народного мировоззрения», поскольку «его не раз влекло в круг идей, далеко превышающих это мировоззрение», подчеркивал, что тот, «даже витая в своих гуманистических мечтаниях, остается поэтом по преимуществу народным» [2,79]. Не могла М.С. Шагинян пройти и мимо неоднозначного, нередко критического отношения «писательской братии» к произведениям Т.Г. Шевченко, написанным на русском языке, для которых был характерен «стихийный произвол знаков» и которые представляли собой «не то старческие, не то старинные каракульки». «Тот, кто видел рукописи Шевченко, –

подчеркивала она, – знает, что поэт писал... подчас с фантастической орфографией, и притом не только по-русски, а иногда и по-украински... Запятых он обычно не признавал или расставлял их произвольно, большие буквы неожиданно ставил в середине фразы и, вдобавок, не в имени существительном, а в глаголе» [1,304]. Сам Т.Г. Шевченко признавался: «...трудно мне одолеть великороссийский язык, а одолеть его необходимо. Он у меня теперь, как краски на палитре, которые я мешаю без всякой системы...» [1,306]. Позднее, накануне столетнего юбилея поэта, это дало основание издателям черносотенной газеты «Киевь» поместить в ней заметку со следующей характеристикой поэта: «Был человек весьма малограмотный, невежественный, не подозревавший о существовании знаков препинания и совершенно неспособный по своему внутреннему убожеству» [3,182]. В то же время в своем стихотворении «На смерть Шевченко» Н.А. Некрасов назвал его «Русской земли человеком замечательным», а И.Е. Репин позднее вспоминал: «Мы, люди шестидесятых годов, любили их одинаково – и Шевченко, и Некрасова. И на стене своей комнаты вешали их портреты рядом» [3,171,180-181].

Отмечая, что «господствующей чертой личности Шевченко было сознание себя сыном своего народа», М.С. Шагинян настаивала на том, что именно отсутствие возможности «заговорить о своем народе силами живописи, с полотна ратовать за его дело» привело Т.Г. Шевченко к осознанию необходимости взяться за перо и стать поэтом [1,334]. Сам Т.Г. Шевченко отмечал в своем «Дневнике»: «Я хорошо знал, что живопись – моя будущая профессия и мой насущный хлеб, и вместо того, чтобы изучать ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, каким был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто ни гроша не заплатил и которые, наконец, лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю. Право, странное это неугомонное призвание» [4,234-235].

Исходя из тезиса о том, что любовь нельзя отнести к разряду личной собственности, исследование же «любви больших людей, творцов» представляет собой «огромную, важную, бесконечно обогащающую» биографическую задачу, решение которой слу-

жит ключом «к разгадке... социальных, политических, жизненных идеалов» поэта [1,347], М.С. Шагинян подробно останавливалась на имевших место в различных периодах жизни Т.Г. Шевченко влюбленностях и следующих за ними разочарованиях. Ниспровергая утвердившийся в шевченковедении стереотип, согласно которому «любовь и женщина не играли в его (Шевченко – *Е.П.*) жизни решающей роли» [1,347], М.С. Шагинян убедительно показала, что «первая пережитая Тарасом Шевченко любовь» к сельской девушке Оксане Коваленковой «дала основной образ его поэзии». Позднее, – отмечала М.С. Шагинян, «этот тип роковым образом будет нравиться Тарасу Шевченко в женщинах, заставляя его искать в них ту, «настоящую», – подругу, жену, утешительницу, какой в детстве мерещилась ему Оксана» [1,349]. М.С. Шагинян акцентировала внимание на появившейся у Т.Г. Шевченко в определенный момент жизни, а точнее – после того, как он пережил несчастную любовь к замужней Ганне Закревской, «тяге к семье, браку, своему дому, своей «дружине», и притом «дружине» из возможно более близкой ему, родной среды, – тяге, постепенно становящейся острой душевной потребностью [1,350-351]. «Над всеми личными увлечениями, – писала она, – встает теперь одно желание – создать семью, найти настоящую, близкую женщину, такую, чтоб знала и понимала его, свою, из своего круга» [1,388]. Это становится лейтмотивом его последующей жизни. Однако «крестьянский инстинкт построить семью» [1,391] оказался бессилен, все попытки реализовать это желание успеха не имели. Не способствовала их осуществлению и вызванная влюбленностью в провинциальную актрису Екатерину Пиунову смена идеала, в итоге которой, как отмечала М.С. Шагинян, «прежний образ любимой, как старшей в любви, наставницы, воспитательницы, Музы – переходит в виденье «Миньоны», возлюбленной-дочери, которую хочется вырастить, воспитать».

Наконец, стремление вступить в брак становится у Т.Г. Шевченко навязчивым. Теперь «ему даже «все равно» с кем связать свою судьбу. «Была бы дивчина, простая, молодая, добрая, «гарна дивчина» из родных мест, которой бы он, старый, понравился, – а там и одружиться, да поскорей, да купить хату на Украине и сделать явью все, о чем пелось в стихах, о чем писалось

в повестях, – тихую жизнь душа в душу, деревню со ставком и греблей, с зеленым гаем, с вишневым садиком, с пасекой, с огородом» [1,396].

Это стремление напоминает тот идеал, который с помощью Воланда реализовали булгаковский Мастер и его подруга, и который у многих литературных критиков заслужил обидный эпитет: «мещанский». Однако для творца, большая часть жизни которого прошла в страданиях, именно такой жизненный эпилог мог бы рассматриваться как заслуженная награда. «Он заслужил покой!», по нашему мнению, к бунтарю Тарасу Шевченко приложимо в еще большей степени, нежели к булгаковскому герою.

Тем не менее, как известно, ему суждено было окончить свои дни в тяжелой личной «недоле».

Литература

1. *Шагинян М.С.* Тарас Шевченко // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1975.

2. *Аксенова Е.П.* Т.Г. Шевченко и национальный подъем украинского народа во взглядах А.Н. Пыпина // Славяноведение. 2014. № 6.

3. *Задорожнюк И., Лаврик Э.* «Русской земли человек замечательный». К 200-летию юбилею Т.Г. Шевченко // Свободная мысль. 2014. № 2.

4. *Бороздина П.А.* Т.Г. Шевченко и русская культура // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 3.

М.С. ШАГИНЯН О РОЛИ АРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Жизни и творчеству великого поэта, основоположника современной украинской литературы и украинского литературного языка Тараса Григорьевича Шевченко посвящена обширная литература, которая приобрела статус специальной литературоведческой отрасли – шевченковедения [1]. Значительный вклад в изучение творческой судьбы Т.Г. Шевченко внесла М.С. Шагинян своей монографией «Тарас Шевченко», которая была опубликована в Москве в 1941 г. и защищена как докторская диссертация в 1944 г., но автор продолжала над ней работать больше 30 лет [2,502]. В предисловии к этой книге она писала: «Задача моей работы – дать читателю живой образ Шевченко – творца и мыслителя» [3,254]. Будучи яркой творческой индивидуальностью, органически сочетавшей художественный и научный способы постижения действительности, М.С. Шагинян успешно разрешила эту проблему. На основе тщательных архивных разысканий, анализа имеющейся литературы, поездок по местам жизни и работы Т.Г. Шевченко, автор сумела исследовательски и художественно убедительно воссоздать образ великого поэта, охарактеризовать основные этапы его жизни.

Представляется, что шестая глава монографии М.С. Шагинян «Тарас Шевченко», которая озаглавлена «Аральская экспедиция», является одной из самых насыщенных оригинальными научными открытиями и художественными обобщениями.

В 1847-1857 гг., т.е. десять лет своей непродолжительной жизни, поэт провел в ссылке солдатом в Оренбургском батальоне, расположенном в Орской крепости. На приговоре Т.Г. Шевченко Николай I дописал: «Под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать» [4]. Но и в ссылке Тарас Григорьевич, преодолевая все препятствия, продолжал писать и рисовать. Жизнь в Новопетровском укреплении, где он отбывал ссылку и служил солдатом, для Т.Г. Шевченко – человека, поэта, художника, – была тяжелым испытанием. В дневнике он писал о «горьком опыте», о «всех родах унижения и поругания», кото-

рым он подвергался в ссылке. Он ненавидел «шагистику и ружистику», которые в то время были характерны для военной службы [5,424-448]. Но в начальный период ссылки Тарасу Григорьевичу Шевченко повезло; его направили в должности художника в аральскую экспедицию по ходатайству ее начальника, лейтенанта флота Алексея Ивановича Бутакова (май 1848 – апрель 1850 гг.). Эта экспедиция преследовала цель: изучить и дать научное описание Аральского моря. Результаты ее работы получили международное признание [5,423-424].

В эти двадцать три месяца Т.Г. Шевченко вместе с экспедицией дважды преодолел пустыню, дважды проплывал Аральское море, зимовал на острове Кос-Арал. Работа в этой экспедиции была физически изнурительным, рискованным занятием. Парусные шхуны, на которых участники экспедиции исследовали Аральское море и его окрестности, оказались непригодными для плавания по тогда совершенно неизведанному морю: штормы, лихорадка, нехватка пресной воды, вооруженные нападения хивинцев и каракалпакцев. Члены экспедиции не раз были на краю гибели [5,434-441]. Важнейшее значение Аральского периода в творческом развитии Т.Г. Шевченко, несмотря на все трудности жизни и работы в экспедиции, заключалось в том, что он получил в ней возможность вернуться к творческой работе – к кисти и перу [5,443].

М.С. Шагинян отмечала, что самые добросовестные биографы Т.Г. Шевченко, труды которых она проштудировала, уделили недостаточное внимание этому периоду его жизни. В частности, никто до нее не потрудились изучить материалы Аральской экспедиции [5,415,418-419]. М.С. Шагинян проанализировала и впервые ввела в научный оборот материалы доклада А.И. Бутакова об этой экспедиции в Русском географическом обществе и его дневник, в котором описывалось день за днем плавание по Аральскому морю [5,245,436-442].

М.С. Шагинян поставила перед собой исследовательскую задачу: выяснить, «чем была для Шевченко эта экспедиция, что она ему дала в смысле художественном, научном, в смысле мировоззрительном и жизненном, чем он обязан ей как человек» [5,419]. Писательница отмечала, что во всех работах экспедиции деятельное участие принимал Т.Г. Шевченко, прежде всего, как

художник. «Бутаков и работники экспедиции многому научили Шевченко, ну и у него многому научились» [5,445]. Он активно принимал участие в «описи» Аральского моря, его «точный, изящный карандаш», по выражению М.С. Шагинян, объемно фиксировал геологическое строение берегового рельефа, все виды приаральской фауны и флоры, ему удавалось «передать во всей конкретности» характер изображаемых предметов и явлений [5,444]. На основе изученных материалов и документов Маризтта Сергеевна писала о том, «с каким большим уважением и восхищением относился к работе Шевченко Бутаков, да, вероятно, и весь экипаж эскадры». Т.Г. Шевченко открывал членам экспедиции красоту казалась бы однообразного, сурового, прозаического мира, который они изучали [5,445].

Отмечая вклад Т.Г. Шевченко в научное изучение Аральского моря, М.С. Шагинян пристальное внимание уделила проблеме влияния аральского опыта на художественное творчество поэта в его живописной и литературной ипостасях, его личность. Она настаивала на необходимости изучать его эскизы, рисунки, акварели Аральского периода во взаимосвязи. «По главам, – от рисунка к рисунку, – писала она, – разворачивается в них целый философский роман о природе Кос-Арала» [5,450]. Т.Г. Шевченко развивал свою способность «мыслить и познавать природу с помощью художественного образа» [5,448]. Экспедиция, – отмечала М.С. Шагинян, – как бы снимала перед ним с природы все случайное и неоправданное, он узнавал логику и закономерности там, где раньше мыслились чудо или случаи необыкновенного сочетания красок» [5,449].

Аральский период для Т.Г. Шевченко был плодотворным этапом развития его поэзии. В это время он создал цикл автобиографической лирики, поэмы «Варнак», «Марина», «Сотник», «Петрусь», поэтический цикл «Цари», многочисленные лирические стихотворения, повесть «Близнецы», в которой отражены мотивы и сюжеты, связанные с работой в экспедиции. Особенно плодотворной оказалась зимовка 1848/1849 гг. в маленьком форте на острове Кос-Арал, где у Т.Г. Шевченко оказалось больше времени для творчества. Здесь он написал множество песен – плясовых, колыбельных, любовных. «Именно на Арале,

– отмечала М.С. Шагинян, – крепнет и становится совершенным его четырехстопный ямб, во всей его оригинальности, – непохожий ни на ямбы Пушкина, ни на ямбы Баратынского» [5,443].

Опыт работы в Аральской экспедиции обогатил Т.Г. Шевченко как человека не только перенесенными тяжелыми опасными испытаниями, но и общением с замечательными людьми. «С первых дней экспедиции, – писала М.С. Шагинян, – Тарас Шевченко оказался в кругу деятельных и образованных офицеров генерального штаба, из лучших людей своего времени. Что они действительно были из лучших, доказывают факты: с Бутакковым (позднее – контр-адмиралом) ссыльный Шевченко сошелся близко и дружески; с Пospelовым, командиром шхуны «Николай», он перешел на «ты». Блестящий молодой ученый, штабс-капитан генерального штаба Макшеев предложил Шевченко свою войлочную кибитку на все время пути» [5,425]. Эти факты, приведенные писательницей, красноречиво свидетельствовали о том, что попытки некоторых современных поэту литературных критиков обвинить его в русофобстве не имели никаких оснований.

Подводя итоги своего изучения аральского периода жизни и творчества Т.Г. Шевченко и полемизируя с предшествовавшими ей шевченковедами, которые не уделяли ему должного внимания, М.С. Шагинян пришла к важному обобщению: «Вот почему обойти Аральскую экспедицию в биографии поэта – значит не увидеть одно из самых счастливых обстоятельств его жизни, школу, окончательно сформировавшую Шевченко-мыслителя, Шевченко-реалиста [5,420].

Из изложенного выше, как мне представляется, можно сделать вывод: несомненной исследовательской заслугой М.С. Шагинян, ее вкладом в шевченковедение является ее глубокое, содержательное определение важного значения работы Т.Г. Шевченко в Аральской экспедиции, в развитии его как художника, поэта, человека.

Литература

1. Т.Г. Шевченко и его время: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения

Т.Г. Шевченко (С.-Петербург, 24-26 ноября 2014 г.). СПб, 2015; С.А. Венгловский Т. Шевченко. Парадоксы судьбы. СПб, 2014 и др.

2. Период работы над монографией М.С. Шагинян определила датами 1941-1973 гг. (*Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1975. С. 502*).

3. *Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1975.*

4. Шевченко Т.Г. // Новая Российская энциклопедия. Т. XVIII (2). М., 2017. С. 9.

5. *Шагинян М.С. Тарас Шевченко // Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1975.*

АПЕРЦЕПЦИЯ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ ЧЕРЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

Десять лет своей непродолжительной жизни (с 1847 по 1857 гг.) Тарас Григорьевич Шевченко вынужден был провести в ссылке рядовым гарнизонным солдатом Орской крепости Оренбургского линейного батальона. «Местоположение здесь грустное, однообразное, – писал он в своих письмах, – обнаженные серые горы и бесконечная киргизская степь... Много есть любопытного в киргизской степи... Какой стройный народ, какие прекрасные головы!.. Если бы мне можно было рисовать, сколько бы я вам прислал новых и оригинальных рисунков. Но что делать! А смотреть и не рисовать – это такая мука!» Еще большей «заклятой нудьюгою и лыхом» для него были «ненавистные шагистики и ружистики» [2,242,251].

Но 5 марта 1848 года в Оренбург прибыли лейтенант флота Бутаков и прапорщик Пospelов, в распоряжение которых были направлены две роты (в том числе и Тарас Шевченко), выдвинутые к низовью Сыр-Дарьи, где тогда утверждалась российская власть. Под командованием А.И. Бутакова этот отряд, преодолев значительную часть киргизской степи, приступил к обустройству Раимского укрепления, строительству двух шхун, которые называли «Константин» и «Михаил», и небольшого Кос-Аральского форта, предназначенного для помещения складов и людей нарождавшейся сыр-дарьинско-аральской флотилии.

М.С. Шагинян отмечала, что «Алексей Иванович Бутаков – прирожденный организатор и путешественник. Характера он был самого простого, хотя и дисциплинированного». Он, еще «задолго до экспедиции, обратился к двум знатокам Закаспийского края», профессору Г.П. Гельмерсену и адмиралу Ф.Ф. Беллинггаузену «с просьбой снабдить его подробными инструкциями, как собрать геологическую и ботаническую коллекцию». С помощью полученных инструкций образованный унтер-офицер из польских ссыльных, Фома Вернер «коллекционировал образцы горных пород, измерил углы залегания и толщину характерных пластов по берегам, выкапывал для гербария с кор-

нями и цветами все виды аральских растений»... «Геологические образцы были отправлены в музей Горного института, и Г.П. Гельмерсен составил по ним описание, посланное им на немецком языке к барону А. Гумбольдту, – писал А.И. Бутаков в своей докладной записке, – а 75 экземпляров приаральской флоры были отправлены к г. Фишеру, тогдашнему директору императорского Ботанического сада» [3,201-203].

До середины XIX в. Аральское море оставалось «совершенно неисследованным, воды его бурны и опасны для плавания, климат капризен и переменчив, берега и острова почти неизвестны, часть островов и вовсе не открыта, на них не ступала нога человеческая. Неизвестны были ни режим моря, ни степень судоходности впадающих в его рек, ничего не знали и о растительности Арала. И бутаковская экспедиция, – констатировала М.С. Шагинян, – заполнила все эти белые пятна, превратила их в живое, точное, научное описание, доказала постепенное понижение уровня Арала, составила *первую карту Аральского моря*» [3,200].

Дисциплинированный командир А.И. Бутаков не мог составлять свой экипаж небрежно, из случайных людей. Участников трудной аральской экспедиции он подбирал, – предположила М.С. Шагинян, – «должно быть, по одному». В экипаж были назначены «два первоклассных военных топографа, Рыбин и Христофоров»; были там надежные метеорологи. Унтер-офицер Вернер исполнял сразу две должности: и геолога, и ботаника. Кроме своих медицинских обязанностей фельдшер Истомин был еще подштурманом у Бутакова и замечал по хронометру его наблюдения. Низший состав экспедиции тоже не уступал командному: «Все удалось нам, как нельзя лучше, – вспоминал в 1853 году А.И. Бутаков, – при неутомимом, исполненном самоотвержения, усердии всех наших сподвижников. Невзирая на риски, ...на все лишения, удары о мели и подводные камни, мы возвратились от трудов наших в полной целостности и с полными комплектами здоровых команд. Вообще говоря, для подобных экспедиций никто не может сравниться с русским человеком, он сметлив, расторопен, послушен, терпелив и любит приключения – мудрено обескуражить его, он смеется над лишениями, и опасности имеют в глазах его особенную прелесть» [1].

Экспедиции требовался художник, на эту должность и был назначен Тарас Шевченко, для «малеваний» которого по его заказу были приобретены в Оренбурге все необходимые «снаряжения художнические» (бумага, кисти, карандаши, краски).

В первом плавании, которое пришлось на два летних месяца 1848 года, военно-научными экипажами двух шхун производилась общая рекогносцировка моря, промеривалась глубина, определялись широты; там, где позволял берег, производилась инструментальная съемка, были открыты совершенно новые острова. Производя астрономические наблюдения, Бутаков нанес на карту почти все астрономические точки, с точностью совпадавшие с данными инструментальной съемки, проделанной топографами. Экспедиция собрала довольно полный материал по геологии и ботанике. Во втором плавании (с 5 мая по 22 сентября 1849 года) «опись» Аральского моря была закончена. А между двумя плаваниями были еще научно-экспедиционная зимовка на Кос-Арале и насыщенная творчеством зима в Оренбурге с приведением в порядок гидрографических и художественных работ. «Чтоб Тарас Шевченко мог поскорей докончить свой альбом, Бутаков в Оренбурге исходатайствовал ему в помощники другого ссыльного, хорошо умевшего рисовать, – Бронислава Залесского» [3,224].

За двадцать три месяца, необычайно насыщенным творчеством, которые Тарас Шевченко провел на военном корабле в организованном коллективе среди постоянного общения с культурными и образованными людьми, он многому у них научился. Как «художник Шевченко должен был без конца воспринимать и восхищаться» красотой природы; как «мыслитель он должен был без конца познавать» ее. От Фомы Вернера он многое узнавал о геологии и ботанике, от старых моряков – о рифах и бурях былых плаваний. Топографы говорили с ним о широтах и долготах, нивелировке и провешивании; гидрологи – о промере моря, его течениях и глубинах; метеорологи – о климате, средних данных своих «кривых», об осадках и «розе ветров». Кроме всего этого Бутаков и Пospelов вели с ним разговоры о становлении русской географии и о своих предшественниках – о Ф.Ф. Беллингсгаузене и Г.П. Гельмерсене, о К.Г. Бэре и молодом его

ученике Н.Я. Данилевском. И всю эту русскую научную экспедицию окружала новая, невиданная сторона: «пески Кара-Кумы, розовые соленые озера, миражи, степные пожары, яркая синева пустынного Арала, степи, усыпанные блестками кварца, текли реки – издалека, из снеговых гор, из сказочного Бедашана с копиями дивных рубинов, из неведомого Памира» – предмет эмпирического исследования «лучших людей своего времени», – живописала Мариэтта Сергеевна, не забыв при этом напомнить читателю, что с 1847 года, со времени издания на русском языке «Космоса» А. Гумбольдта, началась его «эпоха влияния на всё естествознание», и при этом «еще не угасло сиянье гётевского заката, оваянного гениальным натурализмом, где эстетическое отношение к природе оплодотворяло науку» [3,202,205].

В одну из зимовок Т.Г. Шевченко, по-видимому, познакомился с идеями гумбольдского произведения и полюбил их. Недаром, спустя девять лет после экспедиции в письме своему другу Б. Залесскому он писал: «Ботанике и зоологии необходим восторг, а иначе ботаника и зоология будет мертвый труп между людьми. А восторг этот приобретает только глубоким пониманием красоты, бесконечности и гармонии в природе» [2,302]. К концу второго плавания Тарас Шевченко уже научился отличать друг от друга объекты минерального мира, стал разбираться в биологических видах флоры пустыни, т.к. десятки растений классифицировались при нем по родам и семействам, и это научило его понимать *типическое*. Из собранных окаменелостей он узнавал о разнообразии почв; на съемке слышал о кривизне земли и тайнах проवेशиванья, что обогащало его познания по перспективе. В Раиме, знакомясь на метеорологической станции с законами движения ветров, происхождением и качеством облаков, он научился «читать небо, как более или менее известную книгу» [3,227].

Из экспедиции Тарас Шевченко привез множество рисунков. Занесенное в отчет Бутаковым эмпирическое предложение о «глинистых столпообразных возвышенностях 200-300 футов высоты, обрывистых к югу, пологих к северу» подкреплялось десятками зарисовок береговых скал, «очень похожих друг на друга, но они разные». Как участник «описной экспедиции» Тарас

Шевченко тоже «описывал» новый для него мир «во всех деталях увиденного и пережитого, стараясь передать его общий строй, присущий ему характер, разлитый везде и всюду, – в пустынных берегах, в кровавых ветреных закатах, в горных грядках, в растениях и животных. Суровое единство мира, с которым он познакомился, трудная борьба за жизнь – растения, животного и человека, – желание передать увиденное так, как оно есть, прозрачно-правильно, предельно-точно, все это придает рисункам и картинам Шевченко аральского периода особенное совершенство... Он тщательно набрасывает кусты саксаула, куян-сукжа, ржаники, гребенщика», но в кустарнике вдруг «прячет убегающего сайгака, любопытно поворачивающего голову» [3,223].

Отношение к природе в рисунках Тараса Шевченко теперь не просто лирическое, но и познавательное. Художник Т.Г. Шевченко стал смотреть на природу глазами геолога, метеоролога, ботаника и зоолога. Небо им рисуется с абсолютной точностью, как «кухня погоды»: «...на нем встречные массы воздуха, создающие циклоны, перистость, слоистость, волнистость, барашковость облаков, совершенно точно указывающие движение ветра, – отмечала М.С. Шагинян. – Закаты, говорящие о пыльной буре, о косых дождях». И землю Тарас Шевченко рисовал, как геолог. Его интересовали «именно те места побережья, где дается возможность показать в геологическом разрезе особенности залегания, слоистость почвы. Когда он изображает горную гряду, то вырисовывает ее так», что можно даже пальцем «отделить одну гряду от другой», т.е. его изображение есть «почти графическое воплощение всей горной системы» [3,228].

Но как неожиданно начинает поражаться зритель, когда он рассматривает шевченковские ботанические и зоологические рисунки. Вот, скажем, дерево, растущее на камнях. Эти камни даны им на различных уровнях залегания, да и корни дерева показаны в разных вариантах борьбы с ними. Почти все его корни обнажены; Т.Г. Шевченко показал, как дерево выискивает влажные слои, а влага пробирается к корням и дерево борется с каменной стихией, в конце концов, побеждая ее, создавая себе слой органической почвы, в котором только и может существовать.

Вот еще два характерных рисунка, – верблюда и жука. Сперва Т.Г. Шевченко нарисовал голый череп верблюда, а рядом тот

же череп, но уже одетый плотью. «Голова эта мало похожа на лошадиную», но предварительно увидев верблюжий череп, похожий на лошадиный, в раздетом виде, у зрителя «невольно возникает ассоциация с лошадьё», и он начинает думать, строить догадки: «не есть ли верблюд древнейшая разновидность фенакодуса¹, приспособившаяся для жизни в таких условиях, в которых лошадь не могла выдержать?» А вот рисунок жука. Его Тарас Шевченко берет в увеличенном размере и кладет на землю среди кустиков кактуса. Спрашивается, для чего нужно было увеличивать размер жука? Оказывается, чтобы «обратить внимание зрителя на удивительное сходство извилин рогов жука и по окраске, и по пятнам, и по зигзагам – с извилинами ветвей этого кактуса», т.е. художник обращал внимание зрителя «на закон приспособления к среде обитания» [3,229].

Изучая одиннадцать рисунков Тараса Шевченко в харьковской картинной галерее с общим названием «Дерево среди камней», М.С. Шагинян разглядела в них то, что «он апперцепирует² законы природы через художественный образ, что он пытается обобщать все наблюдаемые им факты на фоне одной центральной, близкой ему мысли». И этой центральной мыслью, лежащей в основе шевченковских обобщений, М.С. Шагинян считала «развитие органического мира в его борьбе с неорганическим». Так, в растительном царстве его художественный образ дает возможность понять, как «органический мир отхватывает кусок за куском от мертвой материи и соками своего тела преобразует эту материю в органику. В мире животном он видит борьбу через приспособление к среде» [3,230-231]. Но именно эта апперцепция законов природы через художественный образ и призвана натолкнуть зрителя, всматривающегося в его картины, на важную мысль о *переделке природы*, на великую идею *преобразующего* отношения к природе.

¹ *Фенакодус* (*Phenacodus*) – род вымерших древних копытных млекопитающих отряда кондилартр. Длина тела около 1,5 м, высота около 0,6 м. Рл общему виду фенакодус был похож скорее на хищное млекопитающее, чем на копытное. Чепел, как древних хищных.

² *Апперцепцией* называют свойство человеческого восприятия, отражающее его зависимость от прошлого опыта и установок индивида.

Члены научной экспедиции (и особенно офицеры) с большим уважением относились к рисункам Т.Г. Шевченко. «Мир, раздробленный в глазах исследователей на ряд частных сводок, на цепь происшествий, которые сухо заносятся в «шканечный журнал», надоедая своим однообразием, – весь этот цифровой мир вставал из картин и рисунков Тараса Шевченко с невиданной силой и прелестью. Причем именно «однообразие» и начинало говорить глазам и сердцу через художественный образ», – подчеркивала М.С. Шагинян, – как красота и единство, как «неповторимая индивидуальность. Заговорили краски и оттенки: надоевший песок, ржавчина камышей, ветряные закаты, воспринимавшиеся в жизни, как «вечно одно и то же, глазам тошно», – стали *колоритом*. Заговорили линии: облака и небо, качанье растений, наклон одежды, взлет волос заменили осточертевшую метеорологическую сводку и «несносные баллы», обычный термин силы ветра, – *образом* самой стихии». Каждому члену экспедиции на зимовке было дорого вспоминать о пережитом летнем опыте, но матросы вряд ли могли бы воведать кому-то другому, в чем же прелесть этого пережитого ими опыта? Летом «они медленно плыли вдоль извилистых, пустынных берегов, вступали на плоские, илом нанесенные острова, вспугивали тучи бакланов, следили в бинокль за очертаниями этой суши, – пески, колючки, камыши, видели этот камыш и в устье Сыр-Дарьи. И вдруг, узнавая все это в рисунках, начинали чувствовать: да ведь это красота!» – красиво «загнанное в золото песков ярко-синее одинокое море, глаз купается в одиночестве красоты», в том, что им самим довелось впервые открывать и описывать в эмпирическом исследовании, – эту невидаль и неизвестность [3,223-224].

И сам Тарас Шевченко остаток ссыльной жизни (а это еще целых семь лет!) не только не мог забыть опыта, пережитого в Аральской экспедиции, но и продолжал его развивать. Под начальством штейгера Козлова вместе с Б. Залесским они предлели вторую экспедицию из Новопетровского укрепления, – восхождение на Кара-Тау, горный хребет на полуострове Мангишлаке. А после этой экспедиции Тарас Шевченко с разрешения начальства вместе с Б. Залесским отправились на ближайшую гору Ханга-баба, а потом еще дважды (уже самостоятельно) вновь возвращался туда: «С того времени, как мы расстались с

тобой, я два раза был на Ханга-бабе, пересмотрел и перещупал все деревья и веточки, которыми мы с тобою любовались...» (Письмо к Б. Залесскому от 1854 года, январь). Через два года он опять посещал Ханга-бабу, «обошел все овраги, поклонился, как старым друзьям, деревьям, с которых мы писали, и в самом дальнем овраге – помнишь, где огромное дерево у самого колодца обнажило свои огромные старые корни? Под этим деревом я долго сидел, ...вспоминал наш каратауский поход со всеми его подробностями» (Письмо к Б. Залесскому от 25/IX 1855 года).

Не могла не отметить Мариэтта Сергеевна появления в глущом Новопетровском укреплении членов научной экспедиции Карла Бэра (причем дважды – в 1853 и 1854 годах) с целью первых поисков нефти в устье Эмбы, о чем Тарас Шевченко лично знал «от старика Бэра» и от ученого-ихтиолога Николая Яковлевича Данилевского, с которым «страстно сдружился». При первом его приезде в Новопетровское он провел с ним три дня, при втором – целых два месяца: «Такое явление, как Д<анилевский> в нашей пустыне может вскружить и не мою голову. В продолжение его пребывания здесь я почти с ним не разлучался... Он во всех отношениях прекрасный человек; жаль только, что он ученый, а то был бы настоящий поэт», – писал Т.Г. Шевченко к Б. Залесскому от 9 октября 1854 года, восклицая в этом же письме: «Во всех отношениях человек необходим для человека...».

Итак, именно опыт Аральской экспедиции позволил художнику познакомиться с людьми, «умными и благородными», образованными, с широкими интересами. Дух немецкого ученого А. Гумбольдта и русского – Н.Я. Данилевского, познание природы, любовь к ней, расширение наслаждения красотой – познавательным чувством закономерностей мира, пристальное взглядывание в жизнь и умение размышлять над жизнью неорганического, растительного, животного и общественного миров, встречи и беседы с замечательными людьми [3,225-226], – все это помогало Т.Г. Шевченко сохранить живыми свой дух и свою познавательную пылкость к такому объекту исследования, как природа.

Литература

1. Вестник императорского Русского географического общества. 1853, кн. I, отдел VII.
2. *Шевченко Т.Г.* Дневник. Избранные письма // Т.Г. Шевченко Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1977.
3. *Шагинян М.С.* Тарас Шевченко. Ростов-на-Дону, 2018.

М.С. ШАГИНЯН О МЕСТЕ И РОЛИ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Т.Г. ШЕВЧЕНКО

М.С. Шагинян, характеризуя Т.Г. Шевченко как художника, отмечала, что он был так полно и совершенно наделен творческим даром, «что дар этот прорывался в нем и как песня, и как поэма, и как краска, и как скульптурный слепок, и как театральная «дия» [1,271], что позволило ему в разных сферах искусства «сказать свое новое слово» [1,286].

Сюжет о месте природы в творчестве Т. Шевченко основывается в книге преимущественно на анализе его живописного наследия, прежде всего – комплекса рисунков и акварелей, сделанных художником во время Аральской экспедиции 1848-1849 годов и в период ссылки в Новопетровском укреплении. Считая «его сепии и акварели, вывезенные оттуда, неизмеримо выше академических картин доссыльного периода» [1,276], М.С. Шагинян подходила к ним не просто как художественный критик, в роли которого она весьма успешно выступала еще в 1910-х годах на страницах газеты «Приазовский край».

С точки зрения М.С. Шагинян, «эти альбомы и рисунки нельзя воспринимать разрозненно. Они требуют последовательного и полного изучения, их смысл раскрывается в самой их серийности, в их связи. *По главам – от рисунка к рисунку – разворачивается в них целый философский роман о природе Кос-Арала*» [1,440] (*курсив мой – Н.С.*). Эта примечательная оценка логически обоснована историко-философским анализом комплекса акварелей и рисунков, к которым М.С. Шагинян подошла как к уникальному массиву визуальных источников, использованных ею наряду с другими группами документов в процессе создания научно-художественной биографии Т.Г. Шевченко.

Характеризуя отношение Тараса Григорьевича к природе, М.С. Шагинян опиралась на эстетический принцип, сформулированный самим художником в его дневниковых записях: «Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающей его природой, насколько природа ограничена своими

вечными неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красавицы природы, он делается... нравственным уродом, подобным Корнелиусу и Бруни» [1,329].

Т.Г. Шевченко, по характеристике автора его биографии, «любил повторять правило своего учителя Брюллова: «не копируй, а всматривайся» [1,439]. Подчеркивая, что Карл Брюллов учил своих учеников понимать и любить натуру, М.С. Шагинян его самого, тем не менее, называет «метафизиком природы», на картинах которого последняя предстает «неподвижной, стоячей, позирующей». Т.Г. Шевченко же еще в стенах Академии художеств сумел пойти дальше своего учителя, чему, по мнению М.С. Шагинян, напрямую способствовал его поэтический дар: «...но вот, в великолепном окружении брюлловских картин, в замечательной его мастерской, он вдруг запел, забросал бумажные лоскутки каракульками своих поэм и стихов, из него стихийно вырвалась песня....В песнях был воздух, пейзаж, чувство, социальная воля к действию, – движение пришло к нему вместе с темой. Но поэтическая разрядка обокрала живописца в Шевченко и до самой его смерти оставалась как бы тем ближайшим каналом, по которому прорывалась его социальная эмоция» [1,273-274].

В рисунках и картинах аральского периода, отличающихся, по мнению М.С. Шагинян, особым совершенством, художник возвысился до стиля. «Заговорили краски и оттенки: надоевший песок, ржавчина камышей, ветреные закаты, воспринимавшиеся в жизни, как «вечно одно и то же, глазам тошно», – стали *колоритом*. Заговорили линии: облака и небо, качанье растений, наклон одежды, взлет волос заменили осточертевшую метеорологическую сводку и «несносные баллы», обычный термин силы ветра, – *образом* самой стихии» [1,436].

По умению познавать природу с помощью художественного образа М.С. Шагинян поставила Т.Г. Шевченко в один ряд с мастерами Возрождения, М.В. Ломоносовым и И. Гете, и, на ее взгляд, участие Т.Г. Шевченко в экспедиции на Арале, общение со специалистами метеорологами, геологами, ботаниками, зоологами, военными топографами и проч. еще более способствовало развитию этого умения. «Экспедиция как бы снимала перед

ним с природы все случайное, неоправданное, он узнавал логику и закономерности там, где раньше мыслились чудо или случай необыкновенного сочетания красок» [1,440].

Описывая вклад Т.Г. Шевченко в научные материалы Аральской экспедиции, М.С. Шагинян дала замечательные по проницательности и образности характеристики отдельные группы его рисунков и акварелей.

Приведу некоторые из них. Так, она подчеркивала: «Почти все названия, встречающиеся в отчетах экспедиции, отмечены специальным рисунком Тараса Шевченко. Он берет именно те места побережья, где дается возможность показать в геологическом разрезе особенности залегания, слоистость почвы». А вот образное описание неба шевченковских акварелей: «Его небо нигде не безразлично и не оторвано от земли. Это – небо, определяющее собой погоду в разное время и в разных местах... Мы видим в нем встречные массы воздуха, создающие циклоны, перистость, слоистость, волнистость, барашковость облаков, совершенно точно указывающие движение ветра; видим закаты, говорящие о пыльной буре, о косых дождях».

Среди прочих характеристик – запоминающееся описание группы рисунков аральской и мангышлакской флоры: «Дерево растет на камнях, эти камни даны различного залегания, и дерево дано в разных позах борьбы с ними: почти все его корни обнажены, и показано, как оно выскивает слои, где имеется некоторый процент влаги и органики, как оно пробирается в них корнями, подобно змее, как борется с каменной стихией и в конце концов побеждает ее, само создает себе слой органической почвы, в котором оно сможет жить» [1,441].

М.С. Шагинян отмечала, что для Т.Г. Шевченко было характерно не только познавательное, но и деятельное, преобразующее отношение к природе. «Мы знаем, что в пустыне Новопетровского укрепления он помог вырастить сад-огород, боролся за этот сад-огород на песке и камне, в течение ряда лет выпестовал его. Больше того: он оставил нам художественный бюллетень его роста. Имеется целый ряд шевченковских зарисовок этого огорода во всех стадиях его развития – от первых ростков на земле до роскошного, яркого, тенистого сада с крошечной фигуркой человека, помещенной для масштаба» [1,443].

Литература

1. *Шагинян М.С.* Тарас Шевченко // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1989.

**Материалы V Шагиняновских чтений
школьников «М.С. Шагинян о проблемах
образования и воспитания».
с. Чалтырь, 6 апреля 2018 г.**

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

От имени правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» разрешите приветствовать участников пятых Шагиняновских чтений!

Символично, что именно в год 130-летия со дня рождения Мариэтты Шагинян, именно в Ростове-на-Дону, происходит процесс нового знакомства с великим наследием и творчеством публициста, писателя и выдающегося мыслителя своего времени – Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Идея проведения Шагиняновских чтений принадлежит видному представителю науки, писателю и общественному деятелю Н.С. Авдулову. Именно исследования Николая Степановича, без преувеличения, внесли значительный вклад в переосмысление наследия нашей великой соотечественницы.

Долгая творческая жизнь, прожитая Мариэттой Шагинян, была наполнена большими и очень важными историческими событиями, о которых она всегда писала горячо и заинтересованно. «...Уютный, маленький Нор-Нахичевань. Это был обособленный город, отделенный куском голой степи и мелкорослой искусственной рощей, называемой «Балабановской», от крупного портового Ростова-на-Дону...», – так вспоминала Мариэтта Шагинян о Нахичевани, о том месте, где сегодня расположен музей Русско-армянской дружбы, и где сегодня проходят чтения.

Еще раз разрешите поздравить вас с этим событием в жизни армян Дона и пожелать всем участникам пятых Шагиняновских чтений творческой и плодотворной работы.

Депутат Законодательного собрания РО,

Председатель правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»

**А.А. Сурмалян
6 апреля 2018 года**

**М.С. ШАГИНЯН:
«ШКОЛА ПРИЗВАНА УЧИТЬ МЫСЛИТЬ»**

В богатом и многообразном литературном наследии М.С. Шагинян проблемы образования и воспитания занимают важное место. Эти проблемы ее постоянно интересовали, волновали, служили предметом глубоких размышлений и ярких поучительных описаний. Она придавала им общественное, гражданское звучание, открывала самые разные грани сложнейшего образовательного и воспитательного процесса. В ее художественных произведениях, очерках, статьях утверждалась ценность знания, способность каждого человека самостоятельно мыслить, вера в прогресс, в возможность воспитания нового человека, в формирование подлинно человеческих отношений. Откликаясь на злободневные вопросы своего времени, она неизменно погружалась в познание мотивов рождения мыслей и чувств, поступков и поведения людей. Во многих случаях из любых жизненных ситуаций М.С. Шагинян извлекала ценные педагогические уроки, осмысливала их с разных сторон, под разным углом процесс духовного роста человека. Мыслила она масштабно, нестандартно, свободно, смело, без каких-либо условностей и стереотипов. Дух сомнения и вопрошания, конструктивной, созидательной критики и творческого поиска сопровождал ее всю жизнь. Не случайно, журналист И. Жуков в «Комсомольской правде» в дни 90-летия М.С. Шагинян признавал, что главным героем ее книг является мысль. Ее «мысль», – утверждал он, – смело ориентируется в жизненном разномыслии – социальном, философском, этическом, педагогическом, эстетическом, и стрелка ее компаса всегда знает верное направление пути – «куда», что совсем не исключает творческих испытаний и напряжения». По собственному признанию М.С. Шагинян – «это удивительно верно и удивительно точно». «Он (журналист), по ее мнению, – взял мысль не вообще, а в ее судьбе. Судьба мысли, ее движение – и не просто движение, а развитие через «ошибки» и «трудности», «сложно» и «драматично», целенаправленно к истине» [1,523].

По праву, М.С. Шагинян была общепризнанным крупным мыслителем своего времени. Ее мысли были производными не только от того, что она видела, слышала, читала, но и от накопленного жизненного опыта, напряженных усилий собственного ума. По свидетельству современников, она мыслила постоянно, всегда и везде: и когда сидела за письменным столом, и когда прогуливалась, и днем, и ночью. Она не скользила по поверхности явлений, а углублялась в их сущность, в переплетения связей и отношений. В ее мыслях можно обнаружить анализ и оценки прошлого, неискривленный взгляд на настоящее и устремленность в будущее. Она постоянно размышляла о тайнах рождения нового, радостях труда, о человеческих достоинствах и слабостях, о мастерстве учителя и умственном взрослении ученика. Она высоко ценила самостоятельно мыслящих людей, дорожила их суждениями, училась у них.

Главное призвание школы она видела в том, чтобы *учить самостоятельно мыслить*: «Ведь главная заслуга учителя – пробудить в ученике такой интерес к предмету, чтоб ученик захотел узнавать о нем дальше и дальше; и главная заслуга школы в том, чтобы выпускать не зубрил, на завтра, забывающих выученное вчера, а людей с зажженным интересом к познанию, умеющих самостоятельно читать книгу и работать над ней» [2,593].

В разных выражениях и по разному поводу М.С. Шагинян неизменно напоминала о ценности мыслительной деятельности учителя и ученика, о сложностях и трудностях научиться мыслить, мыслить самостоятельно. Школа должна готовить «людей мыслящих», «пробуждать в детях способность самостоятельного мышления». «Уча мыслить самостоятельно, – писала она, – воспитываешь глубокого человека, способного и сильно чувствовать и сильно хотеть» [1,104]. Она не ограничивалась призывом «никогда не твердеть мозгом», а искала методы, технологии, приемы, развивающие интеллектуальные способности ученика, много внимания уделяла изучению методов проблемного обучения, рекомендовала более заинтересованно относиться к опыту учителя-новатора по математике из Калмыкии. Ее размышления о путях развития способностей мыслить были созвучны с мнениями передовых учителей, ученых и философов своего времени.

Так, выдающийся советский философ Э.В. Ильенков в глубоко обоснованной статье «Школа должна учить мыслить» писал: «Надо организовать процесс усвоения знаний, процесс усвоения умственной культуры так, как организует его тысячи лет лучший учитель – жизнь. А именно: так, чтобы ребенок постоянно был вынужден тренировать не только (и даже не столько) память, сколько способность самостоятельно решать задачи, требующие мышления в собственном и точном смысле слова, – «силы суждения», умения решать, подходит данный случай под усвоенные ранее правила или нет, а если нет, то как тут быть?»

Решение задач – вовсе не привилегия математики. Все человеческое познание есть не что иное, как непрекращающийся процесс постановки и разрешения все новых и новых задач, вопросов, проблем, трудностей. И само собой понятно, что лишь тот человек понимает научные формулы и положения, кто видит в них не просто фразы, которые ему надлежит зазубрить, а прежде всего – с трудом найденные ответы на вполне определенные вопросы. На вопросы, естественно вырастающие из гущи жизни и настоятельно требующие ответов» [3,165].

Они оба: и М.С. Шагинян, и Э.В. Ильенков жили и творили в то время, когда был высоким спрос на людей мыслящих, умных, творчески одаренных, способных вносить в свою жизнь, в общее дело что-то новое, лучшее, прогрессивное. Они оба не терпели консерватизма, косности и окостенелости, как в мыслях, так и в делах. Наблюдая, изучая, обобщая опыт лучших учителей, творческую деятельность в передовых школах М.С. Шагинян приходила к выводу о необходимости: «строить обучение у ребят на развитии самостоятельного мышления, на умении схватывать проблемы и быть ими захваченными – словом, ко всему, что углубляет и, углубляя, облегчает для учащегося усвоение учебного процесса, а для учителя ведение этого процесса, поскольку сам он неизбежно становится мыслящим, находящим удовольствие в мышлении, по-настоящему образованным педагогом» [1,534]. В то же время об этом же по-своему писал Э.В. Ильенков. «Искалечить орган мышления гораздо легче, чем любой другой орган человеческого тела, а излечить очень трудно. И один из самых «верных» способов уродования мозга и интеллекта – формальное заучивание знаний. Именно таким спо-

собом производятся глупые люди, то есть люди с атрофированной способностью суждений, люди, не умеющие грамотно соотносить усвоенные ими общие знания с реальностью, а потому то и дело попадающие впросак» [3,158].

По утверждению М.С. Шагинян, благоприятным условием формирования мыслительных способностей может быть изучение истории человеческой мысли по тому или иному предмету: «Человек всегда, хотя и знал и ступенчато знал истину, она была найдена давным-давно и на разных этапах своего развития он этой ступенью знания связывал себя с потомками, прошлое с будущим, создавая духовное содружество благородных умов человечества» [1,25]. «Мне нравилось, – писала она, – следить за системой мышления» [1,39], а также ставить вопросы, ответы на которые можно дать лишь усилиями «работы собственного мозга». Такую же позицию по данному вопросу занимал и Э.В. Ильенков. В названной статье он писал: «Готовая словесно-терминологическая и зафиксированная научная истина, отделенная от пути, на котором она была обретаена, превращается в словесную шелуху, сохраняя, однако, все внешние признаки истины. И тогда мертвый хватает живого, не дает ему идти вперед по пути науки, по пути истины. Истина мертвая становится врагом истины живой, развивающейся. Так получается догматически окостеневший интеллект, оцениваемый на выпускных экзаменах на «пятерку», а жизнь – на «двойку» и даже ниже» [2,171].

В статье Э.В. Ильенкова содержится много и других суждений о путях развития умственных способностей, созвучных размышлениям М.С. Шагинян и не утеревших ценность и актуальность. Приходится только сожалеть о том, что эти суждения забыты в наши дни, что в пылу образовательных реформ упускается то самое главное, что должно характеризовать работу учителя школы – *учить человека мыслить, развивать способности жить и творить своим умом*. Ведь суждения М.С. Шагинян и Э.В. Ильенкова опираются на глубокое понимание природы человеческого мышления, на достижения педагогической мысли и богатый опыт одаренных учителей.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.
2. *Шагинян М.С.* О создании компендиума // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1973.
3. *Ильенков Э.В.* Школа должна учить мыслить! // Э.В. Ильенков Об идолах и идеалах. М., 1968.

ПЕРЕПИСКА М.С. ШАГИНЯН И С.В. РАХМАНИНОВА

Мариэтта Сергеевна Шагинян – писательница и поэтесса – была тем человеком из немногих, кого Сергей Васильевич Рахманинов допустил в свой внутренний мир, с которой был искренним, простым, умным, веселым; одним словом, настоящим. Еще не будучи знакомой с С.В. Рахманиновым, М.С. Шагинян в феврале 1912 года написала ему письмо. Композитор ответил немедленно и затем в течение 1912 года направил ей восемь писем. В своих воспоминаниях М.С. Шагинян отмечала: «...прежде чем рассказать о встрече и дружбе с Рахманиновым, длившейся пять лет (с февраля 1912 года по июнь 1917), я должна познакомить читателя с той особенной обстановкой, которая подготовила и определила весь, не совсем обычный, характер этой дружбы» (*Из воспоминаний М.С. Шагинян*).

В среде, в которой росла Мариэтта Шагинян, на музыку не смотрели только как на изолированный «вид искусства», которым одни занимаются профессионально, а другие в определенные часы и дни наполняют свой досуг. Музыка считали неотъемлемой частью всей культуры, причем такое понимание росло и углублялось у них с каждым возрастом. В детстве оно выражалось в том, что музыка в школе была *обязательным предметом*. М.С. Шагинян вспоминала: «В городских семьях последних лет XIX века и первых XX всегда кто-нибудь играл на рояле или на скрипке и «музицировал» по вечерам вместе с гостями, тоже игравшими и приносящими свои инструменты. Мать моя была хорошей пианисткой, тетка – отличной певицей, учившейся у известного преподавателя пения итальянца Л.И. Джиральдони, а кузины и кузены все обучались игре на каком-нибудь инструменте. Средняя школа развила этот постоянный интерес к музыке» (*Из воспоминаний М.С. Шагинян*).

Московская гимназия Л.Ф. Ржевской, в которой Мариэтта до восьмого класса была «пансионеркой» (при гимназии был интернат), славилась своей постановкой музыкального образования. Так, Мариэтта Шагинян еще девочкой несколько раз в не-

посредственной близости слушала С.В. Рахманинова. Вечерами вместе со своими воспитателями они вели задушевные беседы о жизни крупных композиторов, о влиянии музыки на характер, выравнивании ею острых сторон характера, животворном действии на здоровье и нервы. Все это и составляло «резервный фонд» воспитания, западало, подчас бессознательно, в душу, наслаивалось на другие поучительные услышанные речи и впоследствии неожиданно возникало вдруг в памяти во всей их ясной осмысленной глубине.

В студенческие годы из «обязательного» предмета образования и воспитания музыка уже превратилась в потребность. М.С. Шагинян вспоминала: «...получив в школе знание музыкального языка и умение постигать логику его развития, воспитав свой слух и музыкальный вкус, мы просто уже не могли обходиться без музыки, следили за концертами, за новинками, старались не пропустить ни одного крупного заезжего исполнителя, хорошо понимали и горячо обсуждали особенности и характер исполнения разных пианистов и дирижеров, спорили о направлениях в музыке. Эта потребность молодежи в музыке учитывалась и организаторами концертов, выделявшими для студентов дешевые места» (*Из воспоминаний М.С. Шагинян*).

В 1910-х гг. в русской музыке было три наиболее известных крупных композитора: Александр Николаевич Скрябин, Николай Карлович Метнер и Сергей Васильевич Рахманинов. С.В. Рахманинов находился в те годы в зените славы. Концерты каждый раз сопровождались потрясающими овациями, многие «рахманисты» ездили за ним из города в город, чтобы присутствовать на концертах. Публика часто до глубокой ночи сторожила его у подъезда, не давая ему выйти, а из большой наемной кареты, увозившей обычно С.В. Рахманинова домой, администратору приходилось иной раз вытаскивать забившихся в нее фанатичных поклонниц.

Часто после семинаров по философии Мариэтта Сергеевна Шагинян и ее друзья собирались «пофилософствовать о музыке». Именно тогда она и услышала впервые о «трагическом неуспехе» Первой симфонии С.В. Рахманинова. Еще не понимая целиком всей трагедии С.В. Рахманинова, но чувствуя ее инстинктом, она играла Второй концерт. «Такое изливание красоты

и правды – и такой душевный мрак музыканта! Мудрено ли, что мне захотелось написать ему, донести это отношение к нему молодежи, веру в него – живого, нужного для подлинной русской культуры».

Когда исполнилось пятнадцать лет со дня провала симфонии, которой дирижировал Глазунов 15 марта 1897 года в Петербурге, С.В. Рахманинов решил, «словно справляя страшный юбилей», выехать на гастроли в Петербург, где он должен был дирижировать оперой «Пиковая дама» в Мариинском театре.

12 февраля, из Москвы в Петербург, М.С. Шагинян отправила свое первое письмо С.В. Рахманинову. «И в чужом городе, с утра до вечера занятой, окруженный множеством людей, Рахманинов, видимо, почувствовал волну нежности, пробившуюся к нему из Москвы, от московской молодежи, потому что сразу же ответил на письмо, – с готовностью беседовать, с удивительной добротой и всегда присущим ему легким, мягким юмором», – вспоминала М.С. Шагинян. Письмо свое она подписала нотой Re. С.В. Рахманинов так и обращался к ней всегда – Re, «милая Re»... С тех пор и началась теплая и равнодушная переписка между «Re» (М.С. Шагинян) и С.В. Рахманиновым. «Научите меня в себя верить, милая Re! Хоть наполовину так, как Вы в меня верите. Если я когда-нибудь в себя верил, то давно – очень давно – в молодости!» (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян от 8 мая 1912 г.*)

Композитор неоднократно обращался к «Re» с просьбой о составлении стихотворных текстов русских поэтов для его романсов. Уже во втором письме С.В. Рахманинов попросил: «Милая моя Re, Вы на меня не рассердитесь, если я обращусь к Вам с просьбой? <...> Мне нужны тексты к романсам. Не можете ли Вы на что-либо подходящее указать? Мне представляется, что «Re» знает многое в этой области, почти всё. Будет ли это современный или умерший автор – безразлично! – лишь бы вещь была оригинальная<...>. И вот еще что: настроение скорее печальное, чем веселое. Светлые тона мне плохо даются!» (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян от 15 марта 1912 г.*)

Еще до их очного знакомства С.В. Рахманинов проникся к молодой писательнице симпатией и демонстрировал в письмах к ней такую откровенность, на какую могли рассчитывать немно-

гие адресаты: «Кроме своих детей, музыки и цветов, я люблю еще Вас, милая Ре, и Ваши письма. Вас я люблю за то, что Вы умная, интересная и не крайняя (одно из необходимых условий, чтобы мне «понравиться»); а Ваши письма за то, что в них, везде и всюду, я нахожу к себе веру, надежду и любовь: тот балзам, которым лечу свои раны» (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян от 8 мая 1912 г.*).

«Милая Ре, на днях закончил свои новые романсы. Около половины из них написаны на стихи из Вашей тетради» (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян от 19 июня 1912 г.*) «Вы открыли мне Ваше имя. Должен сознаться, что я его давно уже знал. Узнал случайно...» (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян от 12 ноября 1912 г.*). Их эпистолярное знакомство сменилось знакомством личным, перешедшим в дружбу. Первая встреча произошла в Москве в начале декабря 1912 года, – не прошло и года после начала переписки.

«Милая Ре... Позвольте Вам... выразить мою радость, что я с Вами познакомился и увидел ноту Ре воочию. (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян 5 декабря 1912 г.*)

«На каждое письмо Рахманинова, особенно до личного нашего знакомства, то есть до начала декабря 1912 года, приходились десятки моих писем, – вспоминала М.С. Шагинян. Я писала ему, вероятно, о многом, чем жило и дышало тогдашнее русское общество. Лейтмотивом моих писем было то, что когда-то я усвоила в детстве от своих первых учителей: единственный верный критерий музыки – это характер ее действия на слушателя».

В 1913 г. вышла книга стихов «Orientalia», которую Мариэтта Шагинян посвятила С.В. Рахманинову. «За Вашу книжку, милая Ре, которую Вы мне „подарили“, выражаю душевную признательность. Мне там многое искренно нравится» (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян от 23 марта 1913 г.*)

В своих воспоминаниях Мариэтта Шагинян писала: «...на целое лето 1913 года Рахманиновы уехали в Ивановку, а мы с сестрой – за границу. 29 июля 1913 года он написал мне туда об окончании своей новой большой работы: «Вот уже два месяца целыми днями работаю. Когда работа делается совсем не по силам, сажусь в автомобиль и лечу верст за пятьдесят отсюда, на простор, на большую дорогу. Вдыхаю в себя воздух и благо-

словляю свободу и голубые небеса» (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян от 29 июля 1913 г.*).

В конце апреля 1914 года пришло письмо из Ивановки: «...Получил предложение от Комитета по чествов[анию] 350-летия Шекспира написать сцену из „Короля Лира“ (в степи). Скажите мне, имеется ли какой-нибудь новый перевод „Лира“? Если не имеется новый, то какой из старых считается лучшим? Имеется ли „Лир“ в отдельном издании? Могу ли я Вас просить мне немедленно один экземпляр выслать?» (*Из письма С.В. Рахманинова к М.С. Шагинян – апрель 1913 г.*).

С января 1915 года Мариэтта Шагинян жила в Нахичевани и не видела Рахманинова больше полутора лет.

Потрясенный ранней смертью А.Н. Скрябина, С.В. Рахманинов подготовил концертную программу памяти любимого многими композитора. Его музыка, долгое время С.В. Рахманинову чуждая, в исполнении «знаменитого пианиста-виртуоза» впервые зазвучала в Ростове, в зале торговой школы, 20 октября 1915 года (в Ростов С.В. Рахманинов приехал за день до концерта и долго репетировал).

Четверг, 5 ноября [1915 г.] [Ростов-на-Дону]

Милая Ре, могу ли я прийти к Вам завтра (пятница) от 5-6 часов вечера? Ответьте.

С. Рахманинов

Встреча продлилась часа полтора: нужно было уезжать в Баку и Тифлис. Он «был так хорош, мил и весел, каким я его давно уже не видела», – записала в дневнике М.С. Шагинян

В июне 1916 года С.В. Рахманинов приехал в Ессентуки, мучимый глубокой депрессией, совершенно необъяснимой с точки зрения здравого смысла. Он находился в зените своей музыкальной славы и в глазах публики оставался первым русским композитором и непревзойденным пианистом-виртуозом. Мало кто знал, что тайная змея неуверенности в собственных силах беспощадно жалила его уже целых полтора года. Музыкант уверил себя, что больше никогда и ничего не сможет создать. Но Кавказ сотворил чудо: именно здесь родился замысел знаменитого рахманиновского опуса 38 – шести великолепных романсов на стихи поэтов Серебряного века. Мариэтта Шагинян навести-

ла старого друга по дороге в Теберду, куда она ехала на отдых. С.В. Рахманинов приветствовал ее традиционным обращением «милая Ре».

Вот как в своих мемуарах она сумела восстановить момент встречи: «Я увидела его милое, совершенно трагическое лицо, я сразу забыла все свои собственные неприятности <...>, а только остро почувствовала, что ему нехорошо». Писательница признавалась, что видела своего друга в таком отчаянии в первый раз. Более же всего «милую Ре» потрясли страшные мертвые интонации, серое лицо и старчески угасшие глаза еще молодого человека. «Милая Ре» решила излечить композитора от убивающей его тоски. Она достала из дорожной сумки специально подготовленную на этот случай тетрадку, в которой были записаны стихи: 15 стихотворений Лермонтова и 26 «новых поэтов». По мысли Мариэтты Сергеевны Шагинян, эти произведения должны были вдохновить С.В. Рахманинова на сочинение романсов и тем самым ознаменовать новую веху в его творческой биографии. Работа над опусом 38-м была завершена в сентябре в родной Ивановке. А в конце октября в Москве состоялся вечер романсов Сергея Рахманинова, который прошел блестяще. Публика нашла, что новые произведения композитора «свежи и хороши», а критики писали о них как о «новом расцвете творчества». Присутствовать на этой премьере Мариэтта Шагинян не могла, так как в это время жила и работала в Нахичевани-на-Дону. С.В. Рахманинов прислал ей в подарок ноты новых романсов.

«Сегодня, приводя в порядок свой письменный стол, перечитал некоторые из Ваших писем ко мне, милая Ре... И, перечитав их, почувствовал к Вам столько нежности, признательности и еще чего-то светлого, хорошего, что мне мучительно захотелось Вас сию же минуту увидеть, услышать, сесть с Вами рядом и хорошо, сердечно с Вами поговорить... Поговорить о Вас, о себе, о чем хотите. Может, помолчать! Но, главное, Вас видеть и сидеть с Вами рядом... Где-то Вы, милая Ре? И скоро ли я Вас увижу?

С.Р.
20-е сентября 1916».

«26-е января 1917. Милая Ре, только сегодня, с большим опозданием приехал в Ростов. Завтра утром выезжаю, чтобы больше сюда не возвращаться. Хочу Вас очень видеть, но к Вам попасть не могу. Может, Вы согласитесь ко мне прийти сегодня, перед концертом, в Музыкальное училище!? <...> Я буду играть, а Вы мне будете что-нибудь рассказывать! Хорошо? Посылаю Вам свои романсы.

Искренне Вам преданный С.Р.
Дайте ответ»

Мариэтта Шагинян вспоминала: «Два часа мы с ним просидели у рояля, – я «рассказывала», а он упражнялся перед концертом. <...> Потом вместе поехали на концерт»... «С тех пор минуло много лет, но я как сейчас вижу сейчас сидящим здесь за роялем Сергея Васильевича, слушаю его волшебное исполнение и овации», – говорила позже Мариэтта Сергеевна. Летом 1917 года С.В. Рахманинов вновь приехал на Кавказ – как оказалось, последний раз в жизни. В кисловодском курзале состоялся торжественный концерт. Среди зрителей была и Мариэтта Шагинян, которая приехала на курорт с мужем. После концерта супруги подошли к Рахманинову. По воспоминаниям М.С. Шагинян, «Рахманинов был удручен развитием революции, боялся за свое имение, за судьбу детей, боялся остаться нищим». Он сообщил о своем намерении переехать за границу со всей семьей в ожидании более спокойного времени. «Милая Ре» тщетно пыталась отговорить своего друга, приравнивая отъезд из России к отрыву от корней и потере своего места в мире. Однако он ее уже не слышал – было очевидно, что решение не изменится. Больше они никогда не виделись...

Литература

1. *Рахманинов С.В.* Письма. Ред., вступ. статья и комментарии З. Апетянц. М., 1955.
2. *Пак Су Чжин* Романсы С. Рахманинова (ОР. 38): К истории создания // Научно-культурологический журнал № 3. 12.03.18.
3. *Сокольский Эмиль* Рахманинов на Дону.
4. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинове. М., 1955.

Барназян Александра
руководитель – *Плюснина Алина Владимировна*

СОВЕТЫ М.С. ШАГИНЯН О ТОМ, КАК ЧИТАТЬ КНИГИ?

*Педагогика – это наука о росте человека,
она обращена к становящемуся, развивающемуся,
совершенствующемуся в человеке*

М.С. Шагинян

«Когда взрослые люди вспоминают о своей школе, в их памяти встают не здание, классы и программы уроков, а образы учителей, любимых и нелюбимых, хороших и плохих. Развернем самые разные книги, где писатель вдруг заговаривает о школе. Пушкин с теплотой поведал читателю о своем учителе:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада вожжена...»

Именно этими словами [1,86] начинается очерк Мариэтты Шагинян «Об учителе», в котором она рассуждала о роли этой профессии в воспитании молодежи.

Мариэтта Сергеевна родилась в интеллигентной семье. Ее отец был врачом, доцентом Московского университета. Она получила превосходное домашнее образование. Затем она продолжила обучение в частном пансионате, а потом в одной из лучших московских гимназий. В своей автобиографии Мариэтта Сергеевна говорила о гимназии Л.Ф. Ржевской, которую окончила с серебряной медалью, что обязана ей очень многим: при всех недостатках старых школ, лучшие из них закладывали основы подлинного образования, воспитывали в учениках умение самостоятельно работать с книгой, и выпускали их не только подготовленными для поступления в университет, но и с тем

запасом чудесных молодых убеждений, с тем страстным желанием послужить народу, достойно прожить свою жизнь.

С одной из своих подруг, Аней Ковригиной, юная Мариэтта мечтала стать сельской учительницей. Через два года после окончания гимназии Мариэтта Шагинян была зачислена на первый курс историко-философского факультета Высших женских курсов имени Герье.

В 1914 году Мариэтта Сергеевна возвратилась в Нахичевань-на-Дону, где жила ее мать, и получила место лектора по эстетике и истории искусства в Донской консерватории.

В 1919 году М.С. Шагинян организовала первую «Донскую прядильно-вязальную-ткацкую школу», работала преподавателем, читала лекции рабочим. Об этом времени рассказано в очерке «Как я была инструктором ткацкого дела».

В 1946 году М.С. Шагинян получила степень доктора филологических наук. В 1957-1958 гг. Мариэтта Сергеевна Шагинян много работала над изучением творчества давно ею любимого Яна Амоса Коменского, великого чешского педагога XVII века.

В годы Гражданской войны Мариэтта Шагинян жила в Нахичевани и работала в газете «Приазовский край». Интересны ее публикации, посвященные воспитанию детей. Статья «Мальчики и девочки» написана как будто о нашем времени. «Будущее России – эта не Европа, не надо смотреть под ноги англичанам, в спину французам, под каску немцам». Будущее России – это наши дети. И она ставила вопрос: а какие они сейчас? Что читают? Чему учатся? Все у них – с чужого плеча, – полагала писательница. – Они мало что умеют сами. И виноваты в этом мы, т.к. уделяем молодежи мало внимания. «У взрослых выскочил какой-то гвоздик из голов в наш «нервный век». Она говорила о развале школы, приводя примеры работы нахичеванских школ.

К этой публикации тематически и проблемно примыкают размышления о детском чтении. Казалось бы, идет разрушительная война, совсем другие задачи стоят перед Россией, а М.С. Шагинян волнуют проблемы нравственного воспитания подростков. Она писала о значении детской книги в воспитании подрастающего поколения. Где же детская книга? – вопрошала она и рассматривала проблемы книгоиздания, в том числе и выпуск литературы для бедных слоев населения.

Таким образом, вся жизнь и деятельность Мариэтты Сергеевны Шагинян связана с воспитанием будущего поколения. Хоть и не сбылась ее детская мечта (она не стала сельской учительницей), но всегда продолжала писать в своих публикациях об образовании, причем, раскрывая эти темы в контексте национальной проблемы. «Надо учиться не вообще – и у англичан, и у французов много недостатков, а нужному, тому, что послужит просвещению и развитию России», – заявляла она.

А кто же должен обучать и воспитывать будущее поколение? Конечно же, учитель. Именно он открывает ребенку путь познания себя как духовного существа и самосовершенствования. Мариэтта Сергеевна Шагинян называла учителей «людьми отдачи»: «...это есть свойство людей, профессия которых покоится на непрерывном даре окружающим, непрерывной отдаче другим того, что у этих других пока отсутствует, но дозарезу необходимо им для жизни. В среде берущих, подобно галчатам разевающих клювики для получения духовной пищи, в среде получающих, которым без этих получек нет возможности вырасти, стоит дающий – тот, кто отдает эту пищу, отдает с наслаждением, поскольку в отдаче находит самого себя и дело своей жизни».

На примере выдающегося педагога Ильи Николаевича Ульянова Мариэтта Сергеевна настаивала на том, что в образование учительства нужно вкладывать «горение души», и тогда будущий педагог сможет «зажечься и зажечь».

Основной задачей «должно быть вовсе не изложение учителем учебника, а то, что он дает «между строк» учебника, тот большой общий запас образованности, который он приносит с собой на урок и отдает ученикам вместе с дыханием, всей своей личностью, всей своей очень большой интеллигентностью».

Илья Николаевич большую часть своей жизни посвятил «созданию» народных учителей, которых впоследствии так и называли «ульяновцами», и в них тоже налицо некое общее качество, объединяющий их: *все они люди отдачи*.

Трудно не согласиться с М.С. Шагинян, что учительство – одно из труднейших видов служения своему народу. Учителю поручена высокая духовная миссия, ибо он строит жизнь человека. Но чтобы заложить в души учеников высокие нравственные принципы, учителю нужны не только теоретические знания.

Задача педагога – все расставить по своим местам. В этой связи никак нельзя забывать, что большую роль в воспитательном процессе играет моральный облик педагога – его слова, поступки, умение находить подход к людям, способность к сопереживанию, искренность. Очень важно, чтобы подросток увидел в педагоге искреннего друга, способного помочь ему, понять его и поддержать. Учитель должен суметь построить свои отношения с подростками на взаимном понимании, уважении и доверии, на взаимодействии и сотрудничестве.

Замечательно, что главная цель образования в наших школах – добрая: развитие высоконравственной, гармоничной, физически развитой и духовно здоровой личности, способной к творчеству и самоопределению. Это позволяет каждому учителю участвовать в духовном становлении своих учеников.

Личность педагога – это своего рода «живое зеркало», в которое постоянно «глядится» студент. Вот почему мировоззрение учителя, его поведение, его жизнь, его отношение к своему делу, так или иначе, влияют на всех учеников. Поэтому важно, чтобы педагог следил за собой, чтобы он чувствовал, что его поведение и его действия находятся под сильнейшим контролем, под каким не находится ни один человек в мире.

Во все времена выдающиеся деятели просвещения высоко ценили роль учителя в жизни общества. Нельзя не отметить, что для Мариэтты Сергеевны Шагинян школа должна выпускать из своих стен «юного гражданина или гражданку, которые не станут в тупик ни перед какой наукой, потому что ознакомлены с их общей направленностью, связью между ними и теми основными законами, которые лежат в их существе».

Литература

1. *Шагинян М.С.* Проблемы образования и воспитания. Ростов-на-Дону, 2018.

Туманян Ирина
руководитель – *Кесеян Сусанна Арамаисовна*

МОТИВ ВРЕМЕНИ В КНИГЕ М.С. ШАГИНЯН «ORIENTALIA»

Свою литературную деятельность Мариэтта Сергеевна Шагинян начала со стихотворений, литературно-критических статей и философских эссе. В дальнейшем М.С. Шагинян стала широко известным прозаиком, публицистом, но никогда не отрекалась от своего изначального поэтического творчества.

Дебютный сборник «Первые встречи» не вызвал особого восторга у публики, однако, следующая книга стихотворений «Orientalia», изданная в 1913 году, была невероятно популярна, переиздавалась семь раз и создала автору литературное имя. Стихотворный сборник «Orientalia», несмотря на символистский религиозно-мистический характер и экзотический фон, принес ей известность. Критики отмечали изящество стихотворной формы, восточную узорчатость предметного мира, глубину лирического переживания. Поэт-акмеист В. Нарбут сравнивал стихи М.С. Шагинян с поэзией М.А. Цветаевой и А.Н. Ахматовой, отдавая предпочтение автору «Orientalia».

Следует отметить, что не все темы сборника Мариэтты Шагинян «Orientalia» исследованы подробно. Поэтому остановимся на анализе книги Мариэтты Шагинян «Orientalia» с целью определения в ней места мотива времени. Попробуем кратко рассмотреть основные значимые составляющие книги стихов «Orientalia». Она состоит из короткого предисловия, эпиграфа и сорока шести стихотворений.

Композиционно сборник М.С. Шагинян выстроен таким образом, что «наставление» первого стихотворения «*Час не повторяется*»:

И сердце мысль одна тревожит,
Один укор терзает нас:
Он по-иному был бы прожит,
Когда б вернуть последний час!

находит свое логическое завершение в последнем стихотворении книги *«Завет»*:

Как лань к ручью, года бегут вперед,
К истоку дней, укрытому Всевышним.
О, соблюди священный их черед,
Да ни один тебе не будет лишним!

Критик К.В. Мочульский дал положительный отзыв на сборник М.С. Шагинян: «Стихи сделаны умно и умело; поэт знает свое ремесло и сразу видно, что его знания основательны...». Автор статьи увидел закономерность и порядок в стихотворениях М.С. Шагинян. По мнению рецензента, «...лучшие стихотворения М. Шагинян внушены ей Тютчевым...». Философ В.В. Розанов в статье «"Orientalia" Мариэтты Шагинян» отмечал, что стихи «очень хороши, очень изящны, очень литературны». Поэт Серебряного века В.Ф. Ходасевич в критическом обзоре писал об «Orientalia»: «Стих стал уверенней, содержательней». Ю.А. Айхенвальд в книге «Силуэты русских писателей» утверждал, что стихотворения сборника "Orientalia" проникнуты общим чувством и особенно общей мыслью и отличаются образностью и мудростью. В то же время критик считал, что «в ее сборнике, где обнаружено столько понимания пленительной женственности, – есть философия».

Одной из наиболее ярко выраженных философских тем сборника является тема «бесповоротности времени». Первое стихотворение книги «Час не повторяется» своим заглавием и содержанием определяет главную тему невозвратимости времени, которая является ключом не только к сборнику «Orientalia», но и к жизни самой поэтессы, т.к. она сама помещает его перед эпиграфом. «"Час не повторяется", и оттого в каждом часе необходимо отпечатлеть себя всего, необходимо до конца запечатлеть себя в своем. Не растратить своих сокровищ, не потерять напрасно ни одного дыхания своей души. Живи так, чтобы в "священной череде" дней и годов ни один не оказался лишним», – таково жизненное кредо лирической героини.

В 1980-м году М.С. Шагинян выпустила книгу мемуаров «Человек и время». Уже из предисловия становится понятно,

что время для писательницы – «ведущая сила жизни», важнейшая категория для разговора о смысле человеческой жизни: «У нас эта сила жизни проступает, как связующее дыхание, во всем, что мы сейчас создаем, и она животворит наш взгляд на прошедшее. Вот с этим живем, направляющим несением времени в себе, Времени с большой буквы...». И далее: «С ужасом вижу я у части современной молодежи легкое и пустое отношение ко времени; есть для него и слово, пустое и страшное, – «препровождение»... Время не резинка, время действительно». Интересно, что в этой поздней работе М.С. Шагинян можно найти прямую «старческую» параллель к первому «юношескому» стихотворению «Orientalia». Сравним эту мысль со сходной, выраженной в стихотворении другого времени:

Минуты поздних сожалений,
Что в этом мире горше вас?
Какая скорбь, какие пени
Вернут невозвратимый час?

Мотив времени по-разному раскрывается на протяжении всей книги «Orientalia». В стихотворении «Разлука» любовь является своего рода «абсорбентом» времени:

Но ты, любовь, источник сладких нег,
Как океан, в себя берущий реки,
Моих времен невыполненный бег
В одном остановила человеке...

В стихотворении «Не надо больше» М.С. Шагинян показала беспощадность времени, которое властно уничтожить любого рода чувства:

Любовь и грусть одним течением
Смывает времени волна....

У Мариэтты Сергеевны Шагинян наличествует весьма личное отношение ко времени как к чему-то ускользающему, неуловимому. Ряд стихотворений книги демонстрирует, как поэтесса пыталась отобразить себя во времени через любовные

страдания души. Но эти душевные порывы к концу книги обрываются, и уже в стихотворении «Разлука» мы видим, как на смену любви и страданию приходят труд и творчество: *«Душа ушла не для игры и горя, // Но от игры и горя – для труда»*. Душа в ее лирике, подвластна не закону Божьему, но лишь всемогущему Времени. Именно в творческой самореализации усматривала поэтесса способ удержать время, победить его.

Стихотворение «Обида» предваряет эпитафию «И снова розы будут цвести...» Эта строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Сию задумчив и один...» любопытным образом соотносится с книгой «Orientalia», поскольку здесь раскрывается одна из основных тем шагиняновского сборника – тема неумолимого потока времени. Человеческая жизнь уподобляется кратковременному существованию цветка.

Книга стихотворений «Orientalia» принесла большую популярность армянской поэтессе Мариэтте Шагинян. Анализируя отдельные произведения, мы убедились, что тема времени и души, отмеченная в эпитафии и в первом стихотворении, задает общую концепцию всей книге. Мотивный анализ стихотворений позволяет сделать вывод о том, что для М.С. Шагинян значимо было через восточные образы книги «Orientalia» рассказать одновременно как о себе и о современной женщине, так и о своем восприятии Времени.

Многим произведениям Мастера, отражающим неоднозначность восприятия Времени, суждена долгая жизнь. К таким произведениям Мариэтты Шагинян относится не только книга воспоминаний «Человек и время», но и небольшой поэтический сборник «Orientalia», не потерявший и сегодня своей впечатляющей глубины и актуальности.

*Ширинян Виктория
руководитель – Экизян Сося Егияевна*

ГЕНИЙ МЕСТА: М.С. ШАГИНЯН В НАХИЧЕВАНИ-на-ДОНУ И СЕЛЕ ЧАЛТЫРЬ

Биография, творческая и профессиональная, гражданская деятельность Мариэтты Сергеевны Шагинян, тесно связана с историей Нахичевани-на-Дону и села Чалтырь Мясниковского района Ростовской области. Поэтому перед нами с необходимостью встал вопрос – отыскать, изучить и обобщить материалы об одной из значительных страниц истории села Чалтырь, связанных с жизнью и деятельностью Мариэтты Сергеевны Шагинян. В основу решения этого вопроса были положены исследования ученых историков и филологов последних лет, материалы четырех предыдущих Шагиняновских чтений. Особую роль сыграл подбор и исследование воспоминаний, произведений и статей самой М.С. Шагинян, воспоминаний жителей села Чалтырь Мясниковского района, а также очерк «По велению сердца», который написан Шагеном Шагинян о жизни и работе М.С. Шагинян в селе Чалтырь.

Мариэта Сергеевна Шагинян – наша землячка, известная поэтесса, писатель и публицист с глубоким философским складом ума, всегда останется для нас выдающимся деятелем российской и советской культуры XX столетия. Она училась и на родине, и за границей в Германии, но в годы революции и Гражданской войны вернулась в Нахичевань. Реальный шаг в большую литературу был сделан ею в ходе написания и издания повести «Перемена», написанной в период пребывания в Нахичевани и Ростове, и завершенного молодой писательницей уже в 1923 году.

Интересно, что кроме дневников и набросков первой повести М.С. Шагинян одновременно стала и активно включаться в новую жизнь в поисках новой реальной работы по социалистическому строительству на Дону. Она окончила курсы и стала работать инструктором текстильного дела, при созданном в Ростове-на-Дону «Донском отделе профессионального образования».

В 1919-1920 годах Мариэтта Сергеевна Шагинян более полугода жила и работала в селе Чалтырь. Проживала она в доме Ха-

чика Мелохаяна по улице Мясникяна (недалеко от моего дома). В семье у Мелохаяна тогда было много детей, жили все дружно, что называется «душа в душу». С любовью и теплотой встретили они М.С. Шагинян. Тогда она работала инструктором текстильного дела при только что созданном Донском отделе профессионального образования. Активная и веселая, остроумная, любительница всяких увлекательных дел, было ей в те далекие годы чуть больше тридцати. По воспоминаниям Мелохаяна, вот что писал о том времени Шаген Шагинян: «...По обеим сторонам Ростовского шляха, так называли раньше трассу Ростов – Таганрог, буйно разрослась дикая конопля. Мариэтта Сергеевна в короткое время собрала наших сельчанок, разъяснила, какую ценность представляет это растение, что из него изготавливают сукно. И большинство женщин, воодушевленные ее рассказом, стали активными сборщиками растения. Собранные стебли отвозили в Ростов на фабрику для производства сукна. Позже Мариэтта Сергеевна организовала «Первую советскую прядильно-ткацкую школу», изготавливавшую сукно. Эти факты подтверждаются и самой Мариэттой Сергеевной в ее статье «Как я была инструктором ткацкого дела».

Так же Хачик Мелохаян рассказывал о том, что в дни посевной, она уже сама ходила в поле, помогала крестьянам, ходила за сеялками. И всегда возвращалась притихшая, уставшая. «Тяжелый, какой тяжелый у вас, крестьян, труд», – говорила она мне не раз. И тут же убеждала меня, всех домочадцев, отчасти и себя: «Но всегда он таким не будет, изменится, лучше станет жизнь на селе». Такая же вера и убежденность в ее словах звучали, когда она выступала на собраниях в сельсовете, на митингах перед жителями села.

Вот как описывала Мариэтта Шагинян свое прибытие в наше село в своей книге «Человек и время»: «Я жила в доме у крестьянина и вела протоколы сельсовета. И в первую минуту почти ужас обуял меня перед огромностью труда хлебопашца. Земля – необъятная, голая, голодная, сухая – лежала перед глазами до горизонта, куда ни погляди. Крестьян казалось мало числом, горстка перед этой необъятностью. Пахали тогда, в первые годы после революции, еще допотопно, на отощавших за зиму, вялых, с выпученными животами лошаденках. И просто чу-

дом, невозможностью показалось мне – вытянуть слабым человеческим трудом из этой земли хлеб насущный... Я уже успела заметить, что крестьяне очень умны, и наше городское предствление о них, – старое, как о детях малых, глубоко невежественно. Пожилые армянские крестьяне в этом пригородном селе, сплошь говорившие по-русски, были не то, что умны, – как открытие для меня, была их высокая своеобразная интеллигентность, не похожая на нашу. Именно таким интеллигентом был спутник мой, дядя Хачик. Он поглядел на меня и ответил:

– В каждом труде свой секрет есть. Наша работа – нам легкая, потому что, видишь ли, – *земля отвечает*.

«Великая тайна природы, тайна земли в том, что природа, мать-земля, отвечает трудом на труд: процесс, совершающийся между ними, обоюден».

Рассуждения М.С. Шагинян над словами землепашца послужили темой стихотворения местной поэтессы Кнарик Саркисовны Хартавакян:

Да, мой предок, земля отвечает –
На усердие, ласку, труды...
Хоть услышать осанну не чаёт
И не терпит словесной руды.
Пахарь, молча отдавшись работе,
Засевая землю зерном,
Не жалеет о пролитом поте,
Хлебом полня амбары и дом.
Да, мой предок, земля урожаем
Отвечает сторицей, сполна.
Попрекаем, порой угрожаем,
Но мудра, безобидна она.
Не любя нерадивых, болтливых,
Языка не имея, земля
Награждает лишь трудолюбивых,
Малословной заботе внимаю.
Примечает она, отличает
Тех, кто кланялся ей до зари.
Привечает земля, отмечает
На раденье – добром отвечает.
...Говори, мать-земля, говори!

3 апреля 2010 года, 5 мая 2011 года

Всего около семи месяцев пробыла Мариэтта Сергеевна в Чалтыре. Но и потом она писала письма из Ростова, где жила, часто приезжала в гости летом к друзьям, которых в Чалтыре оказалось большое множество.

Приезд и работа писательницы в Чалтыре оставили свой яркий след в истории нашего села. Ведь от встречи с интересным человеком, большим талантом нашей советской литературы, многие получили важный для себя положительный заряд и новые профессиональные навыки.

Сохранение исторической памяти о жизни и деятельности известной писательницы, ее работе на Дону и в селе Чалтырь остается и в наше время значимой воспитательной и познавательной задачей для нового поколения молодых россиян, жителей Ростовской области.

Слова М.С. Шагинян о труде землепашца стали пророческими:

- Село расцвело и преобразовалось.
- Село стало богатым музыкантами и певцами, художниками и поэтами.
- Труд крестьян стал легче, появилась техника.

Мы же разработали экскурсию для учащихся школ села Чалтырь и Мясниковского района, гостей и туристов, посещающих Армянский этнографический музей по местам, где проживала и творила известная писательница и общественный деятель России и СССР М.С. Шагинян.

Маршрут экскурсии, на которую я вас приглашаю, состоит из четырех пунктов:

1. Дом, где проживала М.С. Шагинян в Чалтыре по улице Мясникяна.
2. Музей краеведения.
3. Колхоз имени Шаумяна.
4. Районная библиотека.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

Писатель – это не профессия, а призвание, особое ощущение жизни. А если в одном индивидууме соединяется талант, жажда жизни, тяга к знаниям и удивительная работоспособность, то этот человек будет занимать в истории не последнее место. Именно таким человеком и была Мариэтта Сергеевна Шагинян – журналистка и писательница, без сомнения, обладавшая завидным мастерством и даром литератора, которая в XX веке внесла огромный вклад в российско-советскую литературу.

Творчество М.С. Шагинян охватывает различные области жизни. Она выступила и как знаток музыки и литературный критик, ее можно назвать и исследователем-путешественником и беллетристом, но, в первую очередь, она была писательницей, повествующей о нелегкой жизни людей труда, о жизни рабочих и крестьян. Посмотрим, как в своих произведениях писательница создает такие образы, проследим их развитие, выявим своеобразие, хотя и без претензии на полное и глубокое освящение данной темы. Задача – привлечь к этой теме общее внимание, наметить пути для ее дальнейшего изучения. Для этого обратимся к дневникам Мариэтты Сергеевны, ее художественным произведениям, очеркам, статьям различных авторов, и, прежде всего, с опорой на книгу «Мариэтта Шагинян – художник» Людмилы Ивановны Скорино, друга и соратника писательницы.

«Труд всегда был основой человеческой жизни и культуры». Эти слова, как мне кажется, выражают основной принцип жизни и творчества М.С. Шагинян. Осенью 1902 года умер ее отец, одаренный врач, человек передовых демократических взглядов. Семья осталась без средств к существованию. В поисках заработка Мариэтте Сергеевне приходилось давать уроки, делать переводы, писать статьи для газет и др. «Профессиональную работу, печатание я датирую с 15 лет, – вспоминала М.С. Шагинян в «Автобиографии», – и горжусь тем, что начала свою трудовую биографию в том же возрасте, в каком ее начинает большая часть производственных рабочих» [2,18].

В 1905-1906 гг. М.С. Шагинян печаталась в московских рабочих изданиях, в «Ремесленном голосе», а когда он был закрыт, в газете «Трудовая речь». Многие ее статьи были посвящены людям труда: «На заре», «Жена рабочего», «Песня рабочего» и многие другие. Тогда же у молодой писательницы возникает «рабочее ощущение профессии», и более того – представление о литературском труде «как о долге не только перед собой, но и перед обществом» [2,19].

М.С. Шагинян сформулировала основной принцип своего творчества: искусство «не может не влиять; в самом корне своем оно есть влияние, – вливание воли творца в чужую волю. И в этом его громадное воспитательное значение» [См.: 5]. Именно с этих теоретических позиций М.С. Шагинян приступила к первому своему произведению. В первом романе под названием «Своя судьба» М.С. Шагинян нащупала особую форму – романа интеллектуального, романа-дискуссии. В центре книги стоит проблема судьбы человека, а точнее – его права и долга управлять своей судьбой. Долгом каждого человека она считала способность «делаться», «вырабатываться», т.е. самому создавать характер, организовывать и обогащать свой внутренний мир.

Тема труда, формирующего личность, возникает в одном из эпизодов романа «Своя судьба», чтобы затем быть широко разработанной в последующих произведениях писательницы. Ферстер – главный герой романа – видит в труде средство «сцепления интересов» различных людей и включения отдельного человека в общую жизнь народа. Один из больных Ферстера – Лапушкин. Прошлое его – это цепь нравственных падений, безвольное подчинение порокам, им овладевавшим и господствовавшим над его сознанием. Организующим началом в жизни Лапушкина становится труд гравера. О своем деле он с гордостью говорит: «Тихое оно. Терпеливое. Бескорыстное. Душу налаживает». М.С. Шагинян посвятила много страниц поэтическому рассказу о работе гравера, о технологии его чудесного мастерства, о рождении рисунка. Это описание – не самоцель, а лишь повод к тому, чтобы раскрыть перерождение души маленького, ничтожного человека, происшедшее под влиянием красоты труда, радости свершения. Лапушкин в процессе работы обретает веру в себя, в свои силы: «...как на себя-то поло-

житься нужно, чтобы все делать и делать». Вдохновляющая сила труда, творчества облагораживает героя романа, вселяет уважение к своему мастерству, рождает веру в себя. К сожалению, жизнь его заканчивается трагически. Герой устоял перед пороками прошлого, но заплатил за них дорогой ценой – жизнью. В сложных жизненных обстоятельствах скромный тихий гравер сам избирает выход – экстремальный, но все же избирает его, проявляя решимость и душевную твердость. Трагизм в том, что этот выход показался Лапушкину единственным.

Октябрь 1917 года ознаменовал для писательницы начало новой эры. Революция застала ее на Дону, где М.С. Шагинян находилась вплоть до конца 1920 года, став свидетельницей жестокого противоборства людей разных идеологий. М.С. Шагинян активно включилась в дело продвижения идей революции среди простых людей.

В 1922 году М.С. Шагинян начала работу над трилогией, состоящей из романа «Перемена», повести «Приключение дамы из общества» и рассказа «Агитвагон».

Роман-эпопея «Перемена» состоит из четырех частей, рисующих различные этапы Гражданской войны на Дону. Он повествует о «первых подземных толчках», о волнах подымающегося «народного гнева» и, наконец, о первых схватках на юге сил революции с реакцией. Один из главных героев произведения – слесарь Царицынского завода, большевик, товарищ Васильев. Он – воин и строитель. Васильев поглощен черной работой революции: очищает мир от контрреволюционеров. Но каждый раз после ожесточенных боев, едва лишь вышвырнув из города белых или интервентов, люди труда приступают к созидательной деятельности. О ее героике и трудностях говорит большевик Васильев: «... мы наступаем, реорганизуя. Мы должны перестраивать на скорую руку... на клочке, который, может быть, завтра от нас будет вырван!» Васильев гибнет в преддверии победы. Его убивает не пуля врага, а повседневные лишения походной жизни. Зная о приближающейся смерти, он заботится лишь о том, – справится ли город с очередным наступлением врага или нет, – он думает о борьбе.

Интересны мысли писателя, вложенные в уста еще одного героя произведения. В заветной тетради, куда герой «Перемене-

ны» Яков Львович, друг и соратник Васильева, интеллигент, отстаивающий идеалы революции, заносил свои наблюдения и размышления над жизнью, немало страниц посвящено проблеме труда: «Разве не сходятся все вопросы действительности, все ее беды у одной центральной проблемы? Труд... – в этом все дело!». Яков Львович приходит к пониманию того, что только создающий труд способен удовлетворить духовные потребности человека; к нему никого не придется принуждать. Он «не утомляет, не насилует, это не обуза, а счастье, – записывает Яков Львович. – Я могу работать творчески по 12-16 часов в сутки, и меня надо силком отрывать». Вот это-то понимание труда и сближает героя-интеллигента с простыми рабочими, сражающимися на стороне революции.

Образ человека труда, отстаивающего идеалы революции, имеет у М.С. Шагинян трагический характер, это образ романтика, готового к самопожертвованию. Жертва, – утверждала писательница, – высшая степень самовыражения личности. Об этом говорила она в рассказе «Агитвагон», который дополняет и развивает основную тематическую линию романа «Перемена». Писательница рассказывала о подвиге молодого комиссара, чья гибель становится выражением его внутренней потребности служить новым идеям.

Повесть «Приключение дамы из общества» была написана М.С. Шагинян одновременно с романом «Перемена». В центре произведения – большевик Сергей Безменов, который показан писательницей в иной исторический период: после окончательного установления Советской власти. Безменов целиком отдан делу революции: «Я не свой человек, не свой собственный, – говорит он о себе, – а принадлежу своему делу». А дело его – это созидание новой страны, нового общества. Герой руководит процессом жизни и направляет его в нужное русло, решая при этом бесчисленные мелкие, а часто сложные, запутанные задачи, которые возникают непрерывно, изо дня в день.

Радость тяжелого, земного труда, направленного к великой исторической цели, – такова новая и уже не трагедийная, а жизнеутверждающая сторона романтики первых послеоктябрьских произведений М.С. Шагинян.

Рассказ «Волшебный дом» появился в печати в период работы писательницы над трилогией. Но тональность этого произведения иная. Все в нем овеяно мягким юмором, окраска событий – сказочная. Герой рассказа – человек простой души. Оскар Штучка, скромный заводской служащий провинциального русского городка. Все личные достоинства героя заключались в том, что он играл на органе и знал твердо одну заповедь: «Будь честен!». Жизнь человеческая Штучке представлялась ясной и устойчивой. К революции наш герой отнесся спокойно. Придерживаясь любимой заповеди, Оскар и во время боев в городе «честно ходил на завод», даже когда на нем «не осталось никого, кроме сторожа». А потом «защищал завод от бродячих посягательств», не разбирая «цвета шинели и цвета флага» тех, кто туда врвался. Когда же, наконец, рабочие вернулись на свой завод и прочно утвердили на нем огромный красный флаг, он с ощущением хорошо выполненного долга пошел домой спать. Завод снова стал заводом, а не местом боев: вещи приняли свой неизменный облик, обычный порядок.

Духовное преображение героя произошло, когда он получил приглашение на заседание «Сорабиса». Оно проходило в реквизированном особняке табачного фабриканта. Вещи тут как будто остались на своих привычных местах, но что-то вдруг сказочно изменилось. И совсем не в том дело, что герой входит туда, куда прежние хозяева жизни не пускали ему подобных, а в том, что вещи в доме изменили свою функцию и уже не подавляли «маленького человека» своей важностью и неприступностью. Оскар впервые почувствовал себя свободным, раскованным, т.к. исчезла власть вещей, власть собственности. Простой скромный рабочий Оскар Штучка, находясь в этом волшебном доме, открывает в себе новые, неизвестные дотоле качества. Он вдруг почувствовал, что может быть дельным организатором; смело выступает на собрании, сам удивляясь себе. Но, как и положено в сказке, волшебство может рассеяться. В недрах реквизированного особняка живут старые хозяева дома. Они-то и возникают перед активом «Сорабиса», узнав, что в заседании принимает участие «столичная знаменитость». Герой видит, как все снова сказочно изменяется, как бы возвращается вспять. Сытые хозяева в вечерних туалетах поглядывают свысо-

ка на людей «не их круга». И «что-то пошло по вещам, по стенам, по лицам...», пахнуло затхлостью и плесенью старого мира. Таких метаморфоз мира не может выдержать душа даже такого простого человека, как герой рассказа. Он бежит прочь от этого дома, где «к запаху духов и пудры остро прилип запах пыли, садился на язык, першил в горле». Ведь Оскар Штучка уже ощутил вольный ветер новой жизни. В образе Оскара Штучки писательница наметила важный процесс внутренней перделки людей, формировавшихся еще в старом мире, ломки их привычных представлений, их жизненных навыков, взглядов.

В середине 1920-х гг. была издана трилогия М.С. Шагинян «Месс-менд», жанр которого она определила как «агитационно-авантюрный роман-сказка». «Месс-менд» – одно из первых антифашистских произведений, повествующих о победе пролетариата над международным заговором фашизма.

Шутливо-пародийным вступлением М.С. Шагинян подчеркнула основную идею романа: рабочие – подлинные хозяева жизни, ведь их руками созданы все богатства реального мира. Новый мир рабочих, осознавших свою коллективную созидательную мощь, писательница нарисовала, прибегнув к веселой, яркой романтической фантастике. Все они наделены сказочной силой – властью над вещами. Сделанные руками рабочих вещи обладают секретными свойствами, известными только их творцам. И служат не деньгам, а людям труда. Каждый рабочий отныне видит, знает свое место в общем хозяйственном комплексе. Захватывает «симфонизм труда» каждого рабочего: ни один из них «отныне не приступает к своей работе без полного представления обо всех звеньях производства». Герои романа говорят: «...счастье дают лишь две вещи: созидание и познание».

Писательница признавалась: «Я считаю «Месс-мэнд» моей самой счастливой книгой». Это признание относится к началу 1930-х гг., когда многие идеи этого веселого романа начинали обретать уже реальное воплощение.

Строительству крупной гидроэлектростанции, возведенной в Лори-памбакском ущелье в Армении, посвящен роман Мариэтты Сергеевны «Гидроцентральный». Главная его тема – счастье раскрепощенного труда – воплощена в образах основных героев, таких, как философ и романтик Арно Арэвьян, учительница Ануш

Малхазян. Каждый из них объединяет, стягивает к себе целые группы людей этого плотно населенного романа и развивает определенный мотив общей темы.

Все части романа связует Арно Арэвьян – мечтатель и деятель одновременно. Он безработный интеллигент, ищущий своего дела в жизни. Первая встреча читателя с Арэвьяном происходит на бирже труда. Отсюда герой попадает на Гидрострой в качестве архивариуса, а затем становится рабочим в изыскательской партии. Труд для Арно был «действием, которое я могу произвести в мире», т.е. средством осуществить свои возможности, ощутимо воплотить мечты и желания. Он «вкусно работает», его большие, умелые руки, его сильное, ловкое тело создано для наслаждения движением, трудом. Вся поэтичность этого образа в обыденности его труда, в прозаичных грубых, но реально необходимых делах. Радость труда возвращена человеку. Она естественна и законна там, где народ стал хозяином своей судьбы. Арно Арэвьян говорит о себе: «Вот сейчас... я на месте, я вправе трудиться счастливо, я не стыжусь страстно любить труд, я смею расточать себя, сколько сил хватит». И действительно, характернейшей чертой Арно является не только любовь к труду, но щедрость, с какой он «расточает себя», всегда делая лучше и больше, чем требовалось, чем от него ждали. Важно отметить, что автор «Гидроцентрали», поэтизируя Арэвьяна, выделяя его как основного героя романа, однако, не делает его одиноким.

Поэтичен и образ старой учительницы Ануш Малхазян, которая страстно любит свое дело. Труд для нее так же, как и для Арно Арэвьяна, творческий процесс. Она выходит за пределы старой, привычной «нормы», непрерывно изобретая, придумывая все новые и новые способы проникновения в души юных людей.

В романе «Гидроцентральный» в образах основных героев воплощена важнейшая сторона новой действительности: «разбуженная энергия» людей, простор, который революция дала «творческому инстинкту» отдельной личности. Образ человека труда, рабочего, т.е. созидателя, занимает в произведениях М.С. Шагинян важное место. Он претерпевает существенную эволюцию. На смену слабому, едва поверившему в свои силы

Лапушкину из романа «Своя судьба» приходит Оскар Штучка – главный герой рассказа «Волшебный дом», который уже задыхается в мире старых вещей, старого уклада жизни, он не готов мириться и приспособливаться. Штучка находит в себе силы и бежит из этого дома, олицетворяющего безрадостное прошлое. Реальнее, сильнее, мужественнее нарисован рабочий-большевик Васильев в романе «Перемена». Он показан подлинным тружеником революции в простых повседневных делах. Поэзия образа Васильева реальна, она – в беззаветном служении людям, которым он отдает все свои силы, свою жизнь. В романе «Мессменд» рабочий Мик Тингсмастер – веселый великан. Деятельность его фантастична, сказочны его могущество и власть над материальным миром, созданным руками рабочих. Щедрым душевно сильным физически показан герой романа «Гидроцентрль» Арно Арэвьян. Это самоотверженный человек, находящий счастье в труде. Труд для него – это форма самовыражения, самосовершенствования и самосозидания.

Таковы люди труда в произведениях Мариэтты Сергеевны Шагинян, люди, ставшие примером для подражания для миллионов советских и российских читателей.

Литература

1. *Скорино Л.И.* Мариэтта Шагинян – художник. М., 1981.
2. *Шагинян М.С.* Автобиография. М., 1954.
3. *Шагинян М.С.* Собрание сочинений: в 9 т. М., 1971.
4. *Шагинян М.С.* Дневники писателя. М., 1953.
5. Приазовский край, 22 июня 1911.

**Материалы V Шагиняновских чтений
«М.С. Шагинян о проблемах образования
и воспитания». Ростов-на-Дону, 7 апреля 2018 г.**

Т.О. Осипова

**ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН
О СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ**

В 1936 году М.С. Шагинян начала работу над произведением «Семья Ульяновых» («Рождение сына»), первой частью задуманного ею романа «Билет по истории». Его созданию предшествовал длительный сбор материала, кропотливая работа в архивах. Как это часто бывало, первой попыткой обобщения писательницей этого обширного материала стали очерки «Поездка в Сурск», «Предки Ленина» и другие. В их центре – образ просвещенца старой Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова. Если для очерка «Предки Ленина» М.С. Шагинян использовала многочисленные документы государственных архивов, то при работе «Поездка в Сурск» ей на помощь пришло живое слово учителей-ульяновцев, питомцев Ильи Николаевича. Так началось постижение М.С. Шагинян уникальной педагогической системы отца Ленина, наиболее полно представленной в романах «Семья Ульяновых» и «Первая Всероссийская». Причем, в первом романе она обратилась, прежде всего, к исследованию семейной атмосферы, царящей в этом доме. Именно поэтому история семьи здесь является основной сюжетной линией.

В очерке «Предки Ленина» М.С. Шагинян писала: «Изучить и описать эту жизнь стоило бы независимо от того, что Илья Николаевич – отец Ленина» [2, VI, 671]. Смыслом жизни этого человека стало просвещение народа. Ради этого он трясся в казенной бричке, ночевал в ямщицкой избе. При этом Ульянов-педагог обладал удивительным стремлением к новому, умением найти это новое, казалось бы, в обыденном. Сама должность инспектора народных школ привлекала его тем, что обязывала к разносторонности: «...инспектору народных школ предстояло

знать все новейшие течения педагогики и быть плотником школьных зданий, создавать людей и вникать в учебники, в отношения в деревне, в мужика, в деревенский быт...» [2,VI,102]. Если в первой редакции «Семьи Ульяновых М.С. Шагинян допускала некоторую «экзотику» в создании образа своего героя, много внимания уделяла «азиатской крови» Ильи Николаевича, то в позднем варианте на первый план выдвинута историко-социологическая характеристика: педагогическая деятельность И.Н. Ульянова рассматривается как ответ на требования времени: «И все же, если оглянуться на прошлое, само время тогда помогало ему... Стоило только вспомнить весь этот приказный мир, бумаги и определенья, выписки и «сказки», оторванные от языка современности... время потребовало смести эту тарбарщину... Да, само время помогало им, разночинцам [2,VI,37]. Именно поэтому в новой редакции заметно расширился круг исторических лиц. Интересен следующий факт: в первой редакции отсутствовало описание реакции Ильи Николаевича на смерть Н.А. Добролюбова. В новом варианте М.С. Шагинян не только отметила, что смерть Н.А. Добролюбова потрясла И.Н. Ульянова, но и раскрыла причину его переживаний, состоящую в том, что он постоянно читал в «Современнике» «умнейшие статьи Добролюбова, дивясь его знаниям и логике...» [2,VI,49].

Писательница более подробно охарактеризовала личность Н.И. Лобачевского, «большого ученого, стоящего во главе самого знаменитого университета российского» [2,VI,74]. Н.И. Лобачевский увлек И.Н. Ульянова проблемами воспитания, посчитав их не только полезным, но и государственным делом.

Раскрывая историческую закономерность борьбы Ильи Николаевича за народное образование, М.С. Шагинян остановилась на основных принципах педагогической системы К.Д. Ушинского, которая была значительно ближе И.Н. Ульянову, нежели «барский привкус восторженной тяги к народу», ощущающийся в педагогических опытах барона Корфа, достаточно прогрессивного педагога 1860-х гг.

Много внимания М.С. Шагинян уделила проблеме воспитания в семье. И здесь, конечно, следует остановиться на образе Марии Александровны Ульяновой. Одаренная разнообразными

способностями, педагогическим тактом, она посвятила свою жизнь воспитанию детей. Излюбленным приемом художественного раскрытия характера является для М.С. Шагинян контраст. В качестве одной из особенностей, отличавших семью Ульяновых от других семей, писательница выдвигает именно принципы воспитания и отношения к детям. Недаром соседки всегда отмечали, что Мария Александровна «мудрит с детьми». В других семьях так много говорили о воспитании, но тем не менее жизнь детей оказывалась полностью подчинена жизни взрослых. А в семье Ульяновых детей совсем не баловали, между тем и ее жизнь, и жизнь Ильи Николаевича, молодых еще людей, «как будто приноравливалась к тому, что нужно и полезно растущим детям» [2, VI, 98]. Роман «Семья Ульяновых», как известно, заканчивается рождением «нового жителя на земле» Владимира Ульянова.

А в 1965 году был опубликован роман «Первая Всероссийская». Как и в период работы, над первой книгой о семье Ульяновых, М.С. Шагинян много времени отдала сбору материала, изучению документов. В частности, более детально была исследована педагогическая деятельность Ильи Николаевича в первые годы его пребывания в Симбирске. Как и роману «Рождение сына», роману «Первая Всероссийская» предшествовал ряд очерков и статей, явившихся подготовительным этапом работы.

В 1959 году появился очерк «Первый учитель семьи Ульяновых», посвященный Василию Калашникову, учителю-ульяновцу. Из письма другого ученика Ульянова И. Зайцева, М.С. Шагинян узнала те педагогические приемы, посредством которых Илья Николаевич вырастил свою знаменитую армию «ульяновцев». В их основе лежала связь обучения и воспитания, стремление давать ученику не только знание, но способствовать усвоению им культурных и нравственных навыков.

В очерке «Об учителе» (1963) М.С. Шагинян обратилась к сочинению юного Ильи Ульянова на несколько неожиданную тему: «О вдохновении». Будущий педагог высказал мысль, поразительную по своей зрелости: «Он назвал вдохновение таким состоянием души, когда не может не отдать то, чем он переполнен ... Вдохновение есть момент отдачи» [2, IV, 586]. Именно к этому писательница призывала современных учителей.

Жанровую особенность романа «Первая Всероссийская», по сравнению с работой «Семья Ульяновых» («Рождение сына»), большинство исследователей увидели в усилении элементов хроникальности. Так Р. Гольдина писала: «В «Первой Всероссийской» еще более чем в «Семье Ульяновых» чувствуется стремление автора выйти за «усеченные» рамки историко-биографического жанра к широким возможностям романа-хроники, где исторические события становятся активно действующим фактором» [См.: 1]. История семьи здесь является основной, но уже не единственной сюжетной линией романа.

Следует отметить, что в новом произведении существенно изменились пространственно-временное соотношение событий. Если хронологические рамки первого романа охватывали период с 1861 по 1870 гг., то здесь автор повествует о событиях, относящихся к более короткому отрезку времени: с 1870 по 1873 гг. Но это сокращение во времени «компенсируется» значительным расширением пространственных границ повествования. Семейная хроника то и дело вписывается в хронику исторических событий эпохи.

М.С. Шагинян сделала персонажами романа множество реальных лиц: питомцев И.Н. Ульянова, Александра II, его министр, профессора математики Бугаева, отца тогда еще не рожденного Андрея Белого, архитектора Чичагова. Все они показаны в отношении к судьбе России. При этом раскрываются явно парадоксальные факты. Например, если министр просвещения на деле являлся противником образования, то военный министр Милюков «почти физически страдал от российского отставания, от российского невежества» [2, VI, 142]. Воссоздавая культурную жизнь страны, М.С. Шагинян писала о великих «гигантах» музыки, творивших в эти годы. Но при этом московская консерватория «едва держалась», а «вечно протянутая рука ладонью кверху в сторону благотворителей» была ее уделом.

В романе «Первая Всероссийская» М.С. Шагинян более подробно охарактеризовала педагогическую систему И.Н. Ульянова. В частности, она затронула здесь проблему национальных школ. Именно Илья Николаевич развернул в Симбирской губернии широкую агитацию за просвещение чувашей, ибо был уверен в том, что разницы в программе, в цели просвещения,

кроме родного языка, национальность не должна иметь. Подтверждением этому стала судьба его ученика Яковлева, будущего инспектора чувашских училищ. В Среднем Поволжье по инициативе инспектора И.Н. Ульянова впервые была создана целая сеть школ для мордовских и татарских детей.

Своеобразным итогом трехлетней работы И.Н. Ульянова в Симбирской губернии стало проведение по его инициативе учительских съездов, к подробному описанию которых М.С. Шагинян обратилась в последней главе романа. Они стали не только оценкой деятельности молодого инспектора народных училищ, но и подтвердили правильность основных принципов его педагогической системы, из которых самым незыблемым он считал творческий подход к делу: «Многообразие действий, яркий разворот педагогических талантов и возможностей – вот что такое съезд. И поэтому, только поэтому он и сам превращается в школу, учит, двигает вперед. Только поэтому он и нужен» [2, VI, 417].

Думается, что романы М.С. Шагинян о семье Ульяновых дают обширные сведения о личности Ильи Николаевича Ульянова не только как об отце В.И. Ленина, но, прежде всего, как о прекрасном педагоге-просветителе, жизнь которого была заполнена благородными делами во имя народного просвещения.

Литература

1. *Гольдина Р.* Ленинская тема в творчестве Мариэтты Шагинян. Ереван, 1969.
2. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9-т. М., 1971-1975.

**ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕТРАЛОГИИ
М.С. ШАГИНЯН «СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ»**

В свое время Юрий Михайлович Лотман, рассуждая о различиях между романом-реконструкцией и биографическим романом, подчеркивал, что первый «в чем-то беднее...», но при этом обладает «одним существенным преимуществом», заключающимся в «стремлении максимально приблизиться к реконструируемой реальности, к подлинной личности того, на ком он сосредоточил свое внимание». «Роман-реконструкция, – продолжал Ю.М. Лотман, – археология культуры. Он призван воссоздать с максимально доступной полнотой ее ушедшие и растворившиеся в небытии звенья. Но культура ... – это и люди, живые исторические личности. И как судьба Гамлета или Отелло, занимающая всего несколько часов сценического времени, подобна и равнозначительна судьбе всего человечества, так и участь одного деятеля культуры равна по значению судьбам всей культуры в целом» [1, 13-14].

На наш взгляд, сказанное справедливо для любого крупного исторического деятеля и его окружения, а не только для представителей сферы культуры. Тем более вышеприведенная характеристика уместна по отношению к фигурам глобального масштаба, таким как В.И. Ленин.

Что касается шагиняновской «Ленинианы», то она, конечно же, не укладывается в классические рамки какого-либо одного литературного жанра. Это многоплановое произведение, одновременно представляющее собой и биографический роман, и роман-реконструкцию (данные определения подходят к первым двум и отчасти к третьей частям тетралогии – «Рождение сына», «Первая Всероссийская», «Билет по истории»), и мемуарно-публицистическое повествование («Четыре урока у Ленина»), которым М.С. Шагинян завершила этот грандиозный труд. Кроме того, в нем четко просматриваются и элементы семейной саги, столь популярной в мировой классической литературе. Более того, обращение к данной теме позволило автору дать, хотя и не выходящую, по понятным причинам, за рамки официальной

марксистской идеологии, характеристику соответствующей эпохи, включающую элементы повседневной жизни определенных категорий населения.

Само собой разумеющимся является и то, что в центре внимания М.С. Шагинян оказались различные аспекты проблем образования, поначалу связанные с родом деятельности Ильи Николаевича Ульянова и формированием личности будущего «вождя мирового пролетариата», начало которому было положено в семье с ее особенной атмосферой, затем призванные подчеркнуть значение В.И. Ленина как «Учителя нации».

Касаясь гимназических лет Ильюши Ульянова, М.С. Шагинян повествовала о том, какое влияние на будущего подвижника народного просвещения оказало знакомство с речью великого математика Н.И. Лобачевского «О важнейших предметах воспитания»: «Вся сложная наука, все тонкое искусство образовывать человека еще чем-то смутным, не вдруг понятным, но уже пленившим воображение, как внутренний жар, охватило Ильюшу Ульянова от прочтения этой речи, – писала М.С. Шагинян. – Вот стоит дитя на улице. Его держит за руку няня. А это дитя, как семя какой-нибудь пальмы или кедра ливанского, держащее в малом своем объеме все царственно-прекрасное дерево, несет в себе множество даров природы – умственных, сердечных, телесных, и ни один не надо отсекаать – надо только развивать и растить их и доводить до совершенства» [2,74-75].

Во второй части тетралогии М.С. Шагинян с удовлетворением писала о том, что ставшее следствием политики министра народного просвещения Российской Империи консерватора Дмитрия Андреевича Толстого (этот пост он занимал в период с 1866 по 1880 год) господство в отечественной образовательной системе классической гимназии вынудило депутатов Четвертого Промышленного съезда выступить в поддержку «повсеместного устройства элементарных школ», а, следовательно, «широкого народного образования», без которого невозможно было наладить обучение в технической школе, призванной готовить кадры, в которых так нуждалась развивавшаяся промышленность. Вслед за этим «Общество по распространению технических знаний... проголосовало за двухклассную техническую школу, задуманную по европейскому образцу». Проект последней содер-

жал «пункты с примечаниями», от которых «во всей их нереальности для своего времени... веяло великими идеями Лобачевского, мыслями Пирогова, Ушинского, Миропольского, Корфа, писателя Льва Толстого и вообще всех светлых умов». При этом, отмечала М.С. Шагинян, указанные пункты сохраняли свою актуальность «для начальных технических школ ее времени». В частности, она выделяет пункт седьмой, предусматривавший введение в программу преподавания гимнастики в целях обеспечения гармоничного сочетания умственного и физического развития [2,144-147]. В этих условиях и развивал свою энергичную деятельность на ниве народного просвещения Илья Николаевич Ульянов, уже в должности инспектора народных училищ. Вопреки подкрепляемой «циркулярами из округа – чистить, следить, замечать, исключать» официальной позиции Дмитрия Андреевича Толстого, с тревогой обращавшего внимание на распространение среди подрастающего поколения революционных идей и возглавлявшего «ответственность за гибель молодежи» на профессуру, отец В.И. Ленина, как и большинство его коллег, занимавших тот же пост, «смотрели на свою обязанность скорей как на строительство и созидание, нежели как на присмотр и контроль [2,165,180].

Участие в Политехнической выставке, организация учительских съездов – Сызранского, а затем Корсунского, которым отводилась роль «кузниц педагогического мастерства», – вот основные направления деятельности И.Н. Ульянова. О подготовленных Ильей Николаевичем молодых учителях М.С. Шагинян писала так: «И пусть с печатью своего выхода из крестьянства, с ошибками в ударениях, неполной свободой в речи, вдруг прорывавшимися чертами того угрюмого деревенского воспитания, что учило детей сызмала гнуть перед барином спину и уклончивым, а то и неправдивым быть в ответе из страха не угодить; пусть с этими еще не вовсе исчезнувшими следами проклятой деревенской темноты столетиями, как густой туман, лежавшей над русской деревней, – да ведь как мало их было, следов этих, и как быстро, с какой живительной силой таяли они на его глазах!» [2,401-404].

Характеризуя просветительскую и педагогическую деятельность Ильи Николаевича, воспитанных им учителей, М.С. Ша-

гинян обращалась к воспоминаниям из собственной жизни, проводя сравнение между трудом землепашца и педагога. «Помню давным-давно... я впервые попала в деревню и узнала, что такое труд на земле... То было в армянском селе Чалтырь под Ростовом-на-Дону... В первую минуту меня почти ужас объял перед огромностью труда хлебопашца. Земля – необъятная, голая, голодная, сухая – лежала перед глазами до горизонта... Пахали тогда, в первые годы революции, еще допотопно, на отошальных за зиму, вялых, с выпученными животами лошаденках. И просто чудом, невозможностью показалось мне вытянуть слабым человеческим трудом из этой земли хлеб насущный». Эти сомнения М.С. Шагинян развеял ее спутник «дядя Акоп»: «В каждом труде свой секрет есть. Наша работа – нам легкая, потому что, видишь ли, – земля отвечает. Ничего больше он не прибавил, – отмечала М.С. Шагинян, – так как верил... в мою интеллигентность, – и его ответ осветил мне на всю жизнь великую тайну труда, не только сельского, а и всякого другого человеческого труда... В труде педагога есть такой же секрет. Душа ребенка, его мозг и способности отвечают учителю... Душа человеческая отвечает учителю. Она растет в своем ответе навстречу ему всей широтой заложенных в ней начал, как земля, встающая зелеными побегами колосков перед пахарем» [2,436-438].

На наш взгляд, это один из самых сильных фрагментов шагиняновской «Ленинианы», в котором яркий литературный стиль обретает четко выраженный пафосный оттенок. В целом же, с точки зрения литературных достоинств, первые два романа тетралогии, безусловно, доминируют.

М.С. Шагинян ненадолго вновь возвратилась к образу Ильи Николаевича в «Билете по истории», охарактеризованном ею как «эскиз романа». Декабрь 1885 г., время контрреформ Александра III. И.Н. Ульянов находился в угнетенном состоянии. Взяв незадолго до своей смерти в одну из своих поездок дочь Анну, он, сидя с нею в санях, «необычно для него заговорил с нею о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадежным тоном, ругнул под ямщицкий бубенец (все-таки еще не открыто, как сделал бы его сын Владимир. – *Е.П.*), бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы». Отцу и дочери «казалось, – писала М.С. Шагинян, – что под полостью

они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, – но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ямщицком кнуте, горбилась в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов» [2,446].

Кончина Ильи Николаевича выводит на первый план Володю Ульянова. Все предшествующее повествование, среди прочего, призвано подвести читателя к выводу о том, что именно в такой дружной и прогрессивной по своим воззрениям семье, какой была семья Ульяновых во главе с «одним из лучших русских педагогов» и Марией Александровной, «одной из тактичнееших женщин, с ее огромной силой воли и умением создать бытовой и творческий режим в доме» [2,473], и мог родиться будущий создатель Советского государства.

Проблемы образования нашли свое вполне определенное преломление и в идеологически идеализированном образе В.И. Ленина, начиная с того момента, когда он, еще будучи просто Володей Ульяновым, блестяще сдал выпускной экзамен в гимназии, вынудив гимназическое начальство присудить ему, брату казненного заговорщика, заслуженную золотую медаль, и кончая его «канонизацией», когда для многих поколений советских граждан стало обязательным учиться у него.

В первом случае М.С. Шагинян упоминала «постаревшего и отяжелевшего директора гимназии Керенского». Слушая ответ подопечного, тот «мысленно... кивнул Ульянову: хоть и рискованно, а делать нечего, золотую медаль придется присудить, нельзя не присудить, Ульянов на голову выше класса» [2,454]. Справедливости ради, следует подчеркнуть, что в советское время даже такая скромная похвала отцу будущего Председателя свергнутого большевиками Временного правительства, проявившему в указанном случае крайнюю степень порядочности и принципиальности, была не менее рискованной для автора.

Говоря о студенческих годах Владимира Ульянова, М.С. Шагинян часто подчеркнуто именовала его «юношей Ильичом», каждый раз напоминая таким образом читателю о превосходстве ее героя над сверстниками. Уже здесь просматривается облик

будущего лидера нации. Описывая картину, изображающую сходку студентов Казанского университета, М.С. Шагинян писала: «Впереди несется юноша Ильич. Он расстроен, лицо его горит, глаза сверкают, движения бурны и произвольны». Упомянутое превосходство проявляется и в том, что, когда речь заходит об Ульянове, даже «мертвое» полицейское перо оживает. Говоря о том, что «главным летописцем» изображенной на картине сцены являлась «царская полиция», М.С. Шагинян в свойственном ей блестящем стиле настаивала: «Сухое полицейское перо, заполнявшее этот отчет, вдруг рассветилось и загорелось, дойдя до описания студента Ульянова, о котором так и сказано в протоколе, что он буйствовал, стремительно мчался, размахивал руками и был красен лицом. Внезапное иступление обычно спокойного и сдержанного юноши было, значит, настолько велико и до того бросалось в глаза, что даже полицейское перо не смогло этого не запечатлеть необычным для себя языком» [2,445].

Переходя к урокам, усвоенным ею у В.И. Ленина («...В присутствии живого Ленина, и даже в чтении, одном только чтении его книг каждый из нас испытал живое счастье утверждения реальности твоего собственного бытия»; «умение подойти к человеку, понять его, правильно сагитировать, выучить или дать урок выросло у Владимира Ильича в процессе постоянной неутомимой работы с людьми, страстной потребности изучать людей, быть с ними, чувствовать их»), М.С. Шагинян, в конце концов, сравнивала его со своим любимым Гете. Понимая, что многим подобное сравнение покажется странным, она объясняла это тем, что «в области мысли и Гете был величайшим революционером» [2,472,474,610].

Исследование, осуществленное М.С. Шагинян, это биография не только семьи Ульяновых, но и той эпохи, на которую приходится продолжительная и плодотворная в творческом отношении жизнь самой Мариэтты Сергеевны.

Прошло уже более двух десятилетий с тех пор как общеобразовательный в нашей стране культ Ленина и его близких стал достоянием прошлого. Сегодня многие правомерно задаются вопросом, насколько поборник внедрения в образовательный процесс передовых педагогических методик и практик преуспел в

воспитании собственных детей и оказался ли бы он по одну сторону баррикады с самым знаменитым из своих сыновей, если бы судьбой ему был отмерен более длительный жизненный срок. Однако одно несомненно: поставив перед собой грандиозную во всех отношениях задачу, оказавшуюся непосильной для многих исследователей даже тогда, когда идеологические ограничения с данной темы были сняты (достаточно вспомнить безуспешную попытку создания биографии В.И. Ленина, предпринятую Д. Волгогоновым), М.С. Шагинян блестяще справилась с нею, создав произведение, которое и сегодня не оставляет равнодушным читателя, в первую очередь, благодаря своим исключительным литературным достоинствам.

Литература

1. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.
2. *Шагинян М.С.* Семья Ульяновых // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. М., 1974.

**М.С. ШАГИНЯН О РОЛИ ОБЩЕНИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ВОСПИТАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССАХ**

Предметом неустанных размышлений М.С. Шагинян были взаимоотношения, общение учителя и ученика. С искренней благодарностью она писала о своем учителе, профессоре М.Д. Виноградове: «Он как-то незаметно, ненавязчиво, но до глубины прощупывал своих учениц в их духовных склонностях и симпатиях и никогда не задавал нам темы, которые нравились бы лично ему или приходила на ум случайно. Он «шел нам навстречу»: тебе интересно то-то и то-то, ты верующая, или скептик, или фантазерка – ну вот поработай над религиозной, или скептической, или фантастической областями с таким материалом, какой представляет собой «последнее» слово русской или заграничной науки в этой области» [1,274].

Многие обстоятельства в ее жизни служили поводом для педагогического осмысления, для того чтобы извлекать уроки для себя и других. Так, после нашумевшего злодейского убийства она попыталась разобраться в истоках и причинах случившегося преступления и пришла к мысли о том, что «человеческие поступки зависят не только от того, что человек исповедует или думает, а и от того, что он в эту данную, переживаемую сейчас минуту чувствует для себя самым главным в жизни, – отсюда убийства, пороки, преступленья. Главное для каждой данной минуты – это как бы одержание, человек стал одержимым. Главное – это не весь человек, а только какая-то одна его частица, но эта частица вдруг разрастается в раковую опухоль, делается одержимостью, болезнью, духовным раком, побеждает всего человека – и человек падает, погибает» [1,278].

От этой мысли М.С. Шагинян пришла к общему взгляду «на целостного человека, – носителя в себе множества разных потенций». На вопрос о том, как общаться с хорошим человеком, но имеющим хвастливое сознание «своей хорошостью», она отвечала следующим образом. «Надо всегда в любую минуту (а человек в течение не то что жизни, а даже одного-единого дня –

это собрание самых разных, самых противоречивых настроений и чувств, проявляющих заложенных в нем природой качеств и склонностей), – всегда в любую минуту помнить в нем всего человека, всю целостную личность, видеть в нем цельный образ этого всего человека и относиться к нему в своих ответах, репликах, наставлениях именно как к этой всей личности, а не к обладателю только одного данного качества или настроения хорошего или дурного» [1,279].

Из этого рассуждения М.С. Шагинян сделала практический вывод, полезный для каждого педагога, для каждого человека: «Педагог или родная любящая душа, всегда помнящая тебя цельным, в сумме твоих противоречивых свойств, сможет вести тебя, как опытный кормчий, управляющий парусами на корабле: когда зюйд-вест – поднять, а когда и опустить... А главное всегда править по курсу Добра в тебе, хотя ты искажен в эту минуту злобой» [1,279-280].

Со ссылкой на Л.Н. Толстого она писала: «Говорить себе все время о человеке, которого ненавидишь, – «он хороший, он добрый... В этом есть зачаток позднейшей педагогической мудрости Макаренко» [1,280].

Посетив Брюссельскую всемирную выставку в 1958 году, Мариэтта Сергеевна обратила внимание на две картинки из жизни школьного класса. «На одной учитель изображен лицом к ученикам, перед ним всевозможные наглядные пособия (идет урок растениеводства), пособия и в руках учеников, слушающих заинтересовано и внимательно; на другой картинке учитель спиной к классу, что-то скучно мусолит на доске, а ученики ведут себя отвратительно: часть спит, другая дерется, третья играет во что-то. Надпись не осуждает учеников. Надпись осуждает учителя. Для правильного ученья, гласит эта надпись, нужны три элемента – «интерес, внимание, наука». Возбудить интерес может только учитель, сам увлеченный своим предметом; возбужденный интерес настораживает и сосредотачивает в ученике его внимание; а сосредоточенное внимание – это прямой путь к науке» [2,82].

Проблемы образования и воспитания М.С. Шагинян понимала широко, масштабно, с учетом обстоятельств своего времени. В условиях, когда «мир новых отношений надо было создать

материально. Надо было лепить его в окружении старья. Лепили впервые – прецедентов не было. И материальное создание новых человеческих отношений, трудное, смелое, небывалое, людьми, пришедшими на авансцену истории без рефлексий, без Гамлетовых «быть или не быть?», – единственно возможными людьми в такую историческую эпоху, – стало содержанием для творцов искусства, содержанием, которое надо было отразить не только абстрактно и риторически, с упором на небывалую форму, а добросовестно, скрупулезно, реально, с микронными деталями, чтоб понять их особенности» [1,77]. Так понимала она воспитательную миссию. В этом видела долг всех причастных к делу воспитания нового человека. Особое внимание при этом уделялось взаимоотношениям человека с человеком, со средой, с окружением, с коллективом.

«Школа и учительство живут и дышат не в безвоздушном пространстве. Их окружает среда, и вопрос о культурности среды, о ее уровне далеко не пустяковый. Среда пропитывает все поры школьного обучения и воспитания, растит и воспитывает и самого учителя. Именно культура среды питает корни самообразования, и чем культурнее воздействие среды, тем легче и как бы самопроизвольно становится «самообразовывающая» способность учителя да и школьника, – умение схватывать на лету, связывать, расширять и углублять научный багаж, полученный в школе, мыслить и судить самостоятельно» [3,590].

М.С. Шагинян с осуждением относилась к всевозможным негативным влияниям на учебный и воспитательный процесс извне, к разного рода заигрываниям с учениками и проявлениями жестокости, самоуправства учителя, утверждения как тщеславия, так и безверия в способности ученика.

«Индивидуалист в коллективе, – писала она, – борьба с индивидуалистической спесью в себе и с упором на своем «я» прельстившее всего, внедрение в понимание каждого человека такой же полноты реальности в понятии «ты», как и в своем «я», – это красной нитью проходило через лучшие наши созданы первых десятков лет строительства социализма, воспитывало, давало свои глубокие радости, свою психологическую тонкость – и в жизни и в книгах – и откладывалось в нас частью нашей партийной совести. Вот почему бывает больно, когда забывается

эта накопленная черточка; когда в наших спортивных состязаниях, в воспитании разных форм «самодетельности» бог весть откуда вкрадываются закваски былого, «выскакивания», «вылезания», «зависти», «хвастовства», «тщеславия», «кокетничанья» оторванного от среды «я», «я», «я»...» [1,78].

Другой стороной воспитательной медали во взаимоотношениях людей М.С. Шагинян считала покорность, уступчивость во всем и всегда, беспринципность, постоянное стремление нравиться всем и всегда, угождать всем и каждому. «Это желанье – всем и всегда быть по вкусу, быть приятной, – подчеркивала она, – есть самый вредный вид тщеславия, создающий слабые характеры» [1,80].

В своих представлениях о воспитании человеческой личности М.С. Шагинян была требовательной, не допускала никаких поблажек и фальши, снисхождений и упрощенства. На многих страницах своих произведений она рассказывала о достижениях в образовательной и воспитательной деятельности. Подробно, с глубоким знанием дела она описывала самые разные методы обучения, такие как метод *проблемного обучения*, *исторический метод*, которые пробуждали мысль ученика, формировали самостоятельность мышления и поведения, адекватность в человеческом обществе.

Раскрывая процесс становления личности, М.С. Шагинян обращала внимание на влияние внешней среды, социальных условий жизни, характера общения с другими людьми. Представления М.С. Шагинян об отношениях учителя во многом совпадают с суждениями великих мыслителей. Так, Л.Н. Толстой по этому поводу писал: «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, – он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель» [4,307].

Завершая воспоминания о школе в книге «Человек и время» Мариэтта Сергеевна Шагинян с печалью писала: «...Как мало, мы, писатели, счастливые граждане нового мира, думаем об этой школе, доставшейся нам в наследство, школе великой русской литературы, создававшейся не скрипом пера, не стуком

машинки, а священной кровью сердца и всей отданной ей жертвенной жизнью русского писателя» [1,169]. Ее произведения служат ярким подтверждением этих слов. В них накоплено множество мудрых педагогических мыслей, не потерявших ценности и в наши дни.

По ее признанию, часы общения были «одной из величайших моих потребностей в течение всей жизни» [1,278]. Далее она достаточно внятно, со смыслом применяла свое понимание человеческого общения и его роли в образовании и воспитании человека. «Общение – акт встречи человека с человеком в той области, где нет никакой корысти, никакой преходящей эмоции, никакого намека эгоизма, – в области дележа мыслями и опытом, вопросом и ответом, обмена, где оба получают; духовного соприкосновения не ведущего ни к равнодушию, ни к распаду, где дух как бы становится материей, природой, потому что уподобляется энергии, химии, земле, которая «удобряется», всасывает, пережевывает, переваривает, чтоб стать матерью тысячам корней, побегов, злаков, хлеба насущного» [1,278].

В таком развернутом определении понятия «общение» содержится его педагогический потенциал, который незаменим в процессе образования и воспитания, Мариэтта Сергеевна Шагинян в жизни и творчестве была общительным человеком. Она была открыта для других, и многое получала от других. Щедро делилась своим внутренним богатством и сполна заимствовала доброе, умное, сердечное. Вместе с тем со всей возможной откровенностью она признавалась в том, что она обладала тяжелыми свойствами характера, «делавшие всю жизнь для самых близких мне людей трудным общением со мной». Она избегала ненужных встреч, бессодержательного общения, берегла свои силы и время для творчества.

Творчество М.С. Шагинян интересно тем, что в ее произведениях запечатлен образ неповторимого времени коренных перемен и созидания, потрясающих достижений и невероятных трудностей, сложностей в становлении нового. Все, о чем она писала, воспроизводила правдиво, с любовью и устремлением в будущее. Ситуации, поступки, поведение ее героев представлены объемно, многомерно, без прикрас и упрощений. С невероятной глубиной она погружалась в самые необыкновенные об-

стоятельства, с пониманием тех мотивов и психологических установок, которые подвигали людей на благородные дела.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и время, История человеческого становления. М., 1982.
2. *Шагинян М.С.* Брюссельская всемирная выставка 1958 // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1973.
3. *Шагинян М.С.* Об учителе // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1973.
4. *Толстой Л.Н.* Притчи, сказки, афоризмы. М., 2009.

Алексеевко Мария
руководитель – *Карнаухова Вера Николаевна*

ОЧЕРКИ М.С. ШАГИНЯН КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

Мариэтта Сергеевна Шагинян – известная российская и советская писательница, журналист, педагог, мыслитель и общественный деятель. М.С. Шагинян получила блестящее образование: в 1902 году поступила в Нахичеванскую-на-Дону казенную гимназию, потом продолжила образование в Москве в гимназии Л.Ф. Ржевской, которую окончила с серебряной медалью в 1906 году. В своих воспоминаниях она писала, что обязана гимназии Ржевской очень многим [1,9-10]. Кроме того, М.С. Шагинян окончила (1912) один из престижных в России факультетов – историко-философский факультет Высших женских курсов В.И. Герье. С 1912 по 1914 гг. она изучала философию в Гейдельбергском университете в Германии. Училась в Народном университете имени А.Л. Шанявского, позднее, в советский период, в 1930-е годы – в Плановой академии имени В.М. Молотова. Она трудилась всю жизнь, начав писать с 15 лет, а свою последнюю книгу «Столетие лежит на ладони» закончила в возрасте 93 лет. Мариэтта Сергеевна Шагинян – не только писатель, но и публицист. Читать очерки М.С. Шагинян – одно наслаждение! Захватывает все: и сюжет, и знания автора, темперамент мысли, обостряющая суть проблемы. М.С. Шагинян, являясь «Человеком своего времени», всегда опережала его, заглядывая в будущее, в завтрашний день. Она была приверженцем таких ценностей, которые не теряют своего смысла и в настоящее время, в XXI веке [1,21].

Особенно злободневной является ее публицистика, публиковавшаяся в 1918 году в разгар Гражданской войны. Война обострила, контрастировала восприятие обычной жизни. М.С. Шагинян видела не только «перелом», но и процесс его созревания, не только «перемены», но и характерные ростки новой жизни, потому что была свидетельницей хода истории – внутреннего проявление ее сути [2,58].

В стране разруха, голод, эпидемии страшных болезней, а Мариэтта Шагинян в одной из первых публикаций размышляла о воспитании детей! А это значит, что она смотрела в будущее! Статья «Мальчики и девочки» написана как будто о нашем времени. «Будущее России – это не Европа, не надо смотреть под ноги англичанам, в спину французам, под каску немцам». Будущее России – это наши дети. И она ставила вопрос: а какие они сейчас? Что читают? Чему учатся? Все у них – с чужого плеча, – утверждала писательница. – Они мало что умеют сами. И виноваты в этом, по мнению М.С. Шагинян, взрослые, т.к. уделяют молодежи мало внимания. Она подчеркивала, что как будто «у взрослых выскочил какой-то гвоздик из голов в наш «нервный век». При этом М.С. Шагинян сожалела о развале школы, приводя примеры работы нахичеванских школ [2,59].

Из всех прочитанных ее произведений на педагогические темы меня особенно заинтересовали следующие очерки.

Прежде всего, сошлюсь на очерк «Надо знать иностранные языки», впервые опубликованный в газете «Известия» (12 июля 1961 года) в связи с постановлением Совета Министров СССР «Об улучшении изучения иностранных языков». Писательница-публицист смогла уже в то время оценить ситуацию и значимость изучения иностранных языков. Начинается очерк с наблюдения за старушками, которые на прекрасном немецком языке с безукоризненным произношением объясняют детям иностранные слова. Но это частный детский сад. После посещения нескольких государственных детских садов, М.С. Шагинян пришла к выводу, что «наши детские сады большей частью устроены для нужд родителей» [3,674]. Она возмущена обучением и воспитанием в таких детских садах, потому что обучения иностранным языкам как такового там не было и в помине. В 1920-е годы родителей устраивало, что там няня присмотрит за ребенком, там его накормят, умоют, поспит он в чистой постельке и поиграет, посмотрит картинки, игрушки, будет рисовать, клеить. По мнению М.С. Шагинян, если воспитать «человека, умеющего хорошо говорить на иностранных языках, то следует ввести начальное – живое, разговорное, веселое, связанное с детскими играми обучение чужому языку». На все возражения о том, что в раннем детстве учить чужой язык опасно, она ссылалась на

высказывание Гете о том, что лишь знающий несколько чужих языков может по-настоящему понять свой родной язык, ведь в языке каждый народ выражает свой характер [3,675-677].

Но иногда наступали периоды лихорадочного обучения, когда дети учат наизусть стихи иностранных авторов, что-то готовят, к чему-то готовятся. М.С. Шагинян задавалась вопросом: «А не развиваем ли мы порок тщеславия у детей?» Сейчас (т.е. в советское время) детские сады хорошо оборудованы, а некоторые даже прекрасно, но обучения языкам как такового там все же нет на должном уровне. Поэтому, когда ребенок поступает учиться в первый класс, все начинается с азав. По убеждению М.С. Шагинян, «если ...воспитать знающего человека, умеющего хорошо говорить на иностранных языках, следует ввести начальное – живое, разговорное, веселое, связанное с детскими играми обучение чужому языку». Мариэтта Сергеевна вспоминала, что в дореволюционных школах изучение иностранных языков обязательно начиналось с немецкого, т.к. он является для русского человека основой для фонетического освоения других европейских языков. И она сожалела о том, что в советских школах старого правила не придерживаются и «разнобой в преподавании языков удивительный» [3,677]. Однако тогда в Советском Союзе не до конца оценивали значение изучения иностранных языков, считая это буржуазным пережитком.

Следующий очерк «Не включаясь в спор» написан в связи с дискуссией, развернувшейся в центральной прессе по поводу намечавшейся тогда реформы русской орфографии, и напечатан впервые в 1964 году в «Литературной газете». М.С. Шагинян вела разговор с читателем от первого лица и рассказывала об учебе в старой классической гимназии в начале 1890-х годов с ее двумя подготовительными и восемью общеобразовательными классами, который был не обязательным. По ее мнению, учиться было нелегко, но никаких жалоб на перегруженность не было, несмотря на то, что учили трудные предметы: церковнославянский, латинские глаголы, немецкие и французские спряжения и склонения, изучали немецкий в готическом шрифте, русский язык, где царил старое «ять». Но ребята выходили оттуда намного грамотнее, чем советские дети. А это происходило потому, что с возрастом менялось сознание, вырасталось чувство от-

ветственности, а главное, по мнению М.С. Шагинян, «в писании реализовывался многолетний зрительный опыт, накопленный от чтения». К пятому классу становились грамотными и переставали делать ошибки. В настоящее время, к сожалению, многие считают чтение скучным делом, потому что не читают, а бегут по строчкам. К этому прибавить надо и пагубное влияние телевизионных передач. В очерке М.С. Шагинян призывала воспитать миллионы грамотных людей, а не миллионы полуграмотных, и начинать надо не с реформы орфографии, а с улучшения советских школ [3,710]. Она выступала против всяких необоснованных новшеств: то восемь, то девять, то одиннадцать, то десять классов. От этого никому не становится лучше. Она считала, что «новое для развития и роста, не может не питаться всем культурным наследием прошлого, трудами тысяч поколений людей, отложившимися в мировой и отечественной культуре» [3,714].

Заинтересовал меня и очерк «Коммунистический труд», опубликованный в 1958 году в газете «Известия». Меня весьма поразило переживание М.С. Шагинян за будущее Родины: «Кто же они, наша смена, те, кто станет продолжать дело отцов?». Она рассказывала о молодежи, которая не останавливается на достигнутом, думает о будущем; такие ребята после семилетки «рвутся к дальнейшим знаниям, соединяют труд с образованием, стремятся всюду и везде подучиться» [3,529]. Но есть и другая молодежь; их немного, но они есть. Им не приходится пробивать себе каждый шаг к учению: их не тащили к нему родители и репетиторы. Как это актуально и в наше время!

Убедительно аргументированная, глубокая публицистика М.С. Шагинян показывает: времена крупных перемен обнажают корневую суть российских проблем, особенно в системе образования и воспитания, поэтому они так созвучны и востребованы в современной России. Мое поколение должно сохранить историческую память о жизни и творчестве Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. (Серия «Жизнь замечательных нахичеванцев»). Ростов-на-Дону, 2013.
2. Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность: Материалы II Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015.
3. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1987.

М.С. ШАГИНЯН О ПРОБЛЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ И СССР

Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян – удивительное явление в русской литературе XX века. Ее литературная деятельность продолжалась свыше семидесяти лет! Думается, что сама жизнеспособность художника доказывает неисчерпаемые возможности целеустремленных духовных исканий человека. Во всяком случае, личность Мариэтты Сергеевны с ее незатухавшей до самого последнего дня жизни творческой энергией побуждает размышлять об этом [2,5].

В первые годы XX столетия М.С. Шагинян выступала как газетчик, публицист. Решающую роль в ее дальнейшей судьбе сыграла российская революция 1917 г. Ранняя публицистика и опыты в области художественной прозы отразили прогрессивные общественные позиции писательницы, ее правдоискательство в духе демократических традиций русской литературы. Стремление разобраться в жизни, осмыслить ее привело М.С. Шагинян к реализму, в т.ч. к осмыслению проблем о роли образования и воспитания в новой советской России-СССР.

В наследии М.С. Шагинян можно найти немало размышлений о педагогике – науке об образовании и воспитании. Истоки этих размышлений следует искать в периоде ее пребывания в Нахичевани-на-Дону, где она имела возможность наблюдать множество житейских, бытовых, порой ритуальных правил, имеющих воспитательное значение. По ее мнению, педагогика – «наука, считавшаяся в древнем мире, по существу, единственной специальностью передачи мудрости, передачи опыта и знания от обладающего ими к необладающим им наук». Весьма интересны в контексте сравнительного анализа наблюдения и оценки, связанные с развитием образования и воспитания в имперской России и СССР, написанные ею в основном в послевоенный период. Без образованного и воспитанного человека, – считала она, – развитие общества невозможно. Ее мысли, ее анализ прошлого и настоящего, ее раздумья о системе образования и воспитания не потеряли своей актуальности и в настоящее

время. Публицистические выступления М.С. Шагинян с 1959 по 1979 гг. посвящены в основном проблемам народного образования: школьным реформам, профессионально-техническим училищам, новым методам преподавания, роли учителя, поискам подлинно творческих путей воспитания и формирования человека социалистического общества. Именно в этой связи М.С. Шагинян обратилась к историко-экономическим проблемам современности, ускорению технического и научного прогресса.

В речи 1959 года на съезде писателей Армении она так определила сущность процессов, происходящих в современной жизни: «Новые научные открытия надвигаются на нас, на нашу психику, на систему наших чувств и мышления с огромной силой воздействия, и они, эти открытия, влияют отнюдь не только на материальный мир, они перевоспитывают всего человека, меняют его характер, образ мышления, привычки, способ жизни». Каковы же сегодня задачи общества? Основная задача – воспитание активной, мыслящей личности. «Наше время, – утверждала М.С. Шагинян, – как и все эпохи больших поворотов, требует автодидактики, умения читать, изучать, мыслить самостоятельно». Ведь, чтобы «понять и охватить современность по настоящему ... надо стремиться знать свое время, быть на уровне великих научных идей своего века, т.е. идти к пониманию жизни с большим культурным багажом. Этой основной мыслью пронизаны статьи М.С. Шагинян завершающего периода ее творческой деятельности – статьи-размышления, статьи открытого и страстного общения с современниками XX века.

В своих публицистических статьях она не забывала о высокой роли учителя, потому что, когда взрослые люди вспоминают о своей школе, в памяти встают учителя, любимые и нелюбимые, хорошие и плохие. Доказывая свою точку зрения, М.С. Шагинян в статье «Об учителе», написанной в 1963 году, приводит в пример замечательного педагога Илью Николаевича Ульянова. На его примере она показала, что в образование учительства нужно вкладывать то самое горение души, которым заразятся будущие педагоги, чтобы, в свою очередь, пропитать им свою работу. По ее мнению, познавательной стихией урока должно быть не изложение учителем учебника, а тот большой

запас образованности, который он приносит с собой на урок и отдает ученикам. Действительно, современный учитель должен быть образованным и интеллигентным [3,688-690]. Этой статьей М.С. Шагинян приняла участие в широкой дискуссии о проблемах народного образования, развернувшейся в первой половине 1960-х годов в ходе подготовки реформы образования.

В книге «Человек и Время» (глава «Школа») М.С. Шагинян с теплотой вспомнила всех своих учителей и считала их образованными, интеллигентными и отменными. По ее мнению, плох тот учитель, кто идет в класс с наличием только того знания, которое нужно для проведения данного урока. Она писала, что до революции учителя приходили преподавать в среднюю школу с университетским образованием, которое, по ее мнению, было в то время не совсем похоже на нынешнее: в советское время обучающаяся молодежь стремится к «чисто научной карьере», т.е. к кабинетной жизни, лицом к лицу к своему книжному шкафу и к своему письменному столу [2,124].

В прошлом тяга к передаче знания, к педагогике была ярче выраженной, а выпускник с университетским дипломом гораздо чаще шел в преподаватели средней школы. Она ссылалась на Владимира Ивановича Вернадского, который, выступая перед слушателями на кафедре, давал студентам неизмеримо больше, чем в учебнике или печатных лекциях; и его ученики выносили из аудитории намного больше знаний, чем в учебниках и пособиях. Она отмечала, что сейчас образование педагогов вершится главным образом в педагогических институтах. Многие наши замечательные институты могут гордиться своими выпускниками. Но М.С. Шагинян, сожалея, что многие учителя горечью жаловались ей на загруженность в школе и дома, а курсы по повышению, куда не всякий попадает, по их мнению, дают мало. «То ли педагогика нынче не та область, – писала она, – которая дает известность своим одаренным людям» [2,125-126]. При этом она вновь ссылалась на уроки в гимназии учителя Ивана Никаноровича Розанова, преподавателя русской литературы, который любил приводить примеры и читать вслух стихи поэтов, не включенных в программу. Однажды он прочитал наизусть целую поэму. На этих уроках было нечто большее, чем знакомство с поэзией или революционными книгами. По ее

мнению, было ощущение «резерва» образованности, зрелой интеллигентности в тех, кто преподавал им. Становилось ясно «даже самой глупенькой в классе», что уважаемый нами учитель «хозяйствует» над своей наукой, потому что любит ее и овладел ею. Разумеется, не все учителя были таковыми. Но если учитель «хозяйствует» на уроке, то он обязательно ответит и на любой вопрос и даже не по теме урока [2,127]. Анализируя прошлое, писательница приходила к выводу, что незаметно от получения избытка знаний интеллигентность класса росла сама собой, независимо от того, что в гимназии, как и везде, были двоечники и троечники, не приготовившие урока. Обдумывая эту особенность обучения в старой гимназии Л.Ф. Ржевской, М.С. Шагинян много лет решала для себя «проблему учителя».

Но кроме занятий в классе некоторые гимназистки всю зиму оставались жить в гимназии, и тут вмешивалось могучее воспитательное действие режима «по часам»; действие коллектива (вместе ели, гуляли, учили уроки, спали); действие тех людей, кто за ними в течение дня присматривал. Один день был французский, другой – немецкий. В старших классах гимназии к двум языкам присоединился еще и английский. Преподавали языки приезжие иностранные учителя. По мнению М.С. Шагинян, даже в тех случаях, когда, казалось бы, багаж иностранца был невелик, он учил гимназисток большему, чем язык, – учил своей истории, экономике, быту, психологии и т.п., но учил «прочно». Что именно растет в учениках от такой учебы? Растет широта узнавания, интеллигентность ученика. Далее она сравнивала преподавателей иностранного языка советского периода, которые прекрасно владели разговорной речью, но, к сожалению, свободного, как дыхание, чтения у них не получалось. В итоге М.С. Шагинян заявляла, что «научить говорить, не научив свободно и легко читать любую книгу от художественной до научной, – этого в дореволюционном обучении... никогда не было» [2,165].

М.С. Шагинян сравнивала труд педагога с трудом земледельца. Для того чтобы зародить в ученике интерес к предмету, бросить в него «семя» самостоятельного мышления, учитель сам должен быть охвачен интересом к этому предмету. Она вспоминала, что в старой русской педагогике черным по белому были

указаны некоторые важные основы, которые спустя столетие вспыхивали как новинки. Например, вопрос о единстве образования и воспитания в школе. Оказывается, что свыше ста лет тому назад классик русской педагогики К.Д. Ушинский восстал против принятой тогда разделительной системы в школе, по которой «классные дамы» и «классные наставники» должны были воспитывать, а учителя – учить своим предметам, не касаясь воспитательных целей. М.С. Шагинян приводила в пример К.Д. Ушинского, который прямо и резко провел правила, по которым учитель должен взять на себя воспитательные функции в своем учебном предмете. Школа должна развивать у ребенка способность самостоятельного мышления. Новинка! Но свыше ста лет назад об этом писал К.Д. Ушинский [2,146].

Советская школа за короткое время жизни и при всех ее видимых и невидимых недостатках тоже создала ценные новые педагогические устои... Они связаны с именем А.С. Макаренко. Его метод, выросший из практики, основан на социалистическом строе, он учил значению и роли коллектива в выработке характера советского человека, гражданина нового общества. На самом же деле еще не поставлено систематическое изучение его методов, да и на прилавках его книг то же нет.

Недаром М.С. Шагинян напоминала читателям об августовских конференциях и «учительских съездах», где педагоги получали общий инструктаж, а сами почти не участвовали в педагогических разработках, но только слушали, так что, в сущности, по ее мнению, название «конференция» к августу не совсем подходит. Она была возмущена тем, что свои выступления учителя читали по бумажкам, в которых есть общие выводы, общие пожелания, и лишь изредка – жалобы на недостатки чего-то, и уж совсем не часто – предложения об отдельных улучшениях. А ведь в школе они преподавали живым человеческим голосом [2,149]. Сравнивая опыт лучших школ и учителей, М.С. Шагинян призывала ценить и прославлять мастеров своего дела, искоренять формализм в образовании и воспитании.

Таким образом, образование и воспитание в произведениях М.С. Шагинян представлены как деятельность, сориентированная на развитие духовного и творческого потенциала людей. Сегодня ее оценки и идеи по-прежнему актуальны.

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. (Серия «Жизнь замечательных нахичеванцев»). Ростов-на-Дону, 2013.
2. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. Человек и Время: История человеческого становления. М., 1986.
3. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1987.
4. <http://ростовгород.рф/14-rajony-goroda/5433-marietta-shaginyan-mysl-i-obraz>

Балкунова Виктория
руководитель – *Хурдаян Людмила Леонидовна*

М.С. ШАГИНЯН В КРУГУ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Серебряный век в литературе, живописи, театре представлен не только звездами первой величины. Дух эпохи во многом определялся персонажами второго и третьего плана, которые, к сожалению, сейчас известны только специалистам. Мариэтту Сергеевну Шагинян некоторые выдающиеся личности называли своей Музой, ведь она была бесконечно талантлива во всем, к чему прикасалась.

Изучая Серебряный век, было бы несправедливо ничего не сказать о литераторах родом из Ростова и Нахичевани, одной из которых является советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян (21 марта 1888 – 20 марта 1982). Ее величали «символисткой, идеалисткой, декаденткой». Это то начало, которое позволяет сегодня сказать, что она родом из Серебряного века.

Литературной деятельностью она начала заниматься с 1903 года с символистских стихов. М.С. Шагинян опубликовала свыше 70-ти книг романов, повестей, рассказов, очерков, стихов и около 300 печатных листов статей, рецензий, докладов. Из под ее пера вышли книги стихов «Первые встречи», «Orientalia», в те годы в искусстве был распространен ориентализм – увлечение искусством Востока, как реакция на сложнейшее, противоречивое время исканий в Западной Европе и в России. И именно эти книги принесли М.С. Шагинян известность в кругу любителей поэзии.

Во время своего пребывания в Нахичевани в 1918-1919 годах Мариэтте Сергеевне пришлось пережить всё то, что происходило в стране, создавало условия, давало горячий материал для осмысления крупных проблем, поставленных временем, и тех процессов, в которых рождались и развивались эти проблемы. Острейшие вопросы социального бытия времен войны М.С. Шагинян поставлены в публицистической статье «События и быт», опубликованной 11 ноября 1918 года в газете «Приазовский край».

В 1922-1923 гг. написан и выпущен роман «Перемена», который посвящен событиям революции и Гражданской войны. Максим Горький писал Вениамину Каверину: «За ее роман «Перемена» ей следовало бы скушать бутерброд с английскими булавками». «Перемена» стала одной из первых произведений молодой советской литературы, эпохи досоциалистического реализма, но реализм в романе бьет через край. Сплав дневников и газетных публикаций стали основой содержательного видения происходящих событий. М.С. Шагинян в романе не столько романтик-поэт, сколько сатирик, наблюдающий за поведением людей в меняющихся ситуациях.

На стыке XIX и XX веков русская поэзия переживала второе рождение, которое впоследствии было названо *Серебряным веком*. Константин Бальмонт и Валерий Брюсов, Александр Блок, Николай Гумилев и Анна Ахматова, Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Мариэтта Шагинян и другие знаменитые русские поэты в этот период написали свои лучшие стихотворения. Свежее слово в русскую поэзию стремились внести символисты-романтики Серебряного века, видевшие преображение человечества в слиянии прекрасного и божественного, искусства и религии. Футуристический экспрессионизм, стремление к эпатажу, дух бунтарства М.С. Шагинян привнесли свежую струю энергии в поэзию этого периода, сделав Серебряный век русской поэзии еще богаче. Серебряный век – это не просто хронологический период. Скорее всего, понятие «Серебряный век» уместно применять к образу мышления. По некоторым данным, словосочетание «Серебряный век» было впервые употреблено в 1929 году поэтом Николаем Оцупом. Широкое бытование выражения «Серебряный век» получило в Советском Союзе после знакомства читателей с «Поэмой без героя» Анны Ахматовой:

На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка.
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл

Судьба М.С. Шагинян сложилась как у литературной статс-дамы социализма. Но началом своим она обязана именно Серебряному веку. Большинству поэтов Серебряного века пришлось покинуть Россию после революции. В России у них было все, а в эмиграции часто приходилось жить в бедности, страдая от внутренних метаний и реальных болезней. Но все это не позволяло писателям и поэтам заглушить самое важное – способность чувствовать, ощущать мир таким противоречивым, каков он есть. Представители Серебряного века стремились к преодолению позитивизма, отказу от наследия «шестидесятников»; они отрицали материализм, равно как и идеалистическую философию. Александр Блок в 1910 году утверждал: «Солнце наивного реализма закатилось; осмыслить что-либо вне символизма нельзя». М.С. Шагинян, как все писатели и поэты Серебряного века, верили в искусство и силу слова. Поэтому для их творчества показательно погружение в стихию слова, поиск новых средств выражения.

Свое отношение к новым авторам, оценку их произведений М.С. Шагинян выразила в сборнике статей, объединенном под общим названием «Литературный дневник». Впервые книга была издана в 1922 году в Петербурге. Она включала в себя статьи, посвященные литературно-художественной действительности Петербурга начала XX века.

Мариэтта Сергеевна Шагинян приветствовала появление каждого нового талантливого писателя и огорчалась, видя, как многие из них покидали страну, не смирившись с требованиями «нового времени». Будучи человеком деятельным и любознательным, М.С. Шагинян предпочла остаться в стране и осмысливать происходящее. «Литературный дневник» – своеобразный результат осмысления происходящего. В своих статьях М.С. Шагинян часто прибегала к сопоставлению произведений писателей. Так, она пыталась через сравнение дать характеристику творчества Блока и Белого, отмечая, что «Блок – максималист», а Белый «в противоположность Блоку – минималист». Молодая Марина Цветаева сравнивалась с М.А. Лохвицкой, при этом М.С. Шагинян раскрывала всю «грубость и примитивность» страсти М.А. Лохвицкой «в ее первобытной чистоте и

неосознанности» и отмечала «как много обдуманного, даже воинственно женского в мыслях Цветаевой о страсти». У М.С. Шагинян были разногласия с А.А. Ахматовой из-за отношения последней к Советской власти. Но в архиве Мариэтты Сергеевны осталась книга А.А. Ахматовой «Четки» с автографом автора. А.А. Ахматова написала теплые слова в адрес М.С. Шагинян. А в конце добавила: «С любовью».

М.С. Шагинян в своих статьях не просто оценивала творчество рассматриваемых авторов. Она стремилась мотивировать каждую данную ею характеристику: «Выше я сказала: мужественный, одинокий, скорбный», – писала она об А. Блоке, – мужество требовалось Блоку, потому что он был один; скорбным он не мог не стать, потому что он был один».

В Пасхальном номере газеты «Приазовский край» от 7 апреля 1919 года опубликованы стихи «На Пасху». Время было тяжелое, люди теряли веру не только в добро, в силу нравственных начал, но и в обычную нормальную жизнь. Но стихи М.С. Шагинян поддерживали человека. На фоне мирной пробуждающейся природы слышен призыв поэта к примирению в братоубийственной войне. «Да враг врагу промолвит с «миром»: Ведь я живу! И ты живи!». Эти слова на фоне непримиримой борьбы выглядели диссонансом. В них слышна дальняя переключка со стихами М.А. Волошина, который молится и за одних, и за других.

М.С. Шагинян пыталась определить задачи, которые стояли перед современной литературой. Она замечала, что в определенные периоды тонкие, нежные, чуткие высказывания становятся нежизнеспособными. Они – «безразличны». Она так объясняла причину своего заключения: «Наше поле зрения наполнилось непривычными вещами. Мы не запомнили, не установили еще их первого прямого значения, – как же знаменовать ими тайные, вторые смыслы вещей? Старый мир так долго стоял на месте, что сквозь него засквозила вечность; новый мир не успел даже осесть на место».

Литературный оппортунизм М.С. Шагинян неоднократно становился предметом насмешек со стороны писателей и критиков: «...конечно, всегда будут такие авторы, как Мариетта Шагинян, которая начала с того, что писала стихи: «В эту ночь от

Каспия до Нила / Девы нет, меня благоуханней», а кончила книжкой в честь Берия, и тем, что всю ночь читала Ленина» (Гайто Гадзанов. Выступление на радио «Свобода». 8/9 января 1971).

В поле ее зрения попадает и упадок литературы в годы безвременья, когда из жизни ушли великие русские писатели Л.Н. Толстой и А.П. Чехов, когда журналы, альманахи переполнены «самовлюбленным эстетизмом». В свою очередь и публикации М.С. Шагинян вызывали дискуссии. Так, профессор Донского университета Малиновский 4 ноября 1918 года в «Приазовском крае» опубликовал статью «Поэзия и политика», в которой не соглашался с мыслями М.С. Шагинян о роли поэзии в обществе.

Мариэтта Сергеевна Шагинян в своем многоликом творчестве создала свой образ времени XX века. Несколько раз выходили ее собрания сочинений. М.С. Шагинян является одной из самых неординарных писателей Серебряного века. В 1913 году вышла книга стихов Мариэтты Сергеевны Шагинян «Orientalia», выдержавшая несколько переизданий и создавшая автору литературное имя. Она была посвящена С.В. Рахманинову. Рецензенты отмечали изящество стихотворной формы, восточную узорчатость предметного мира, глубину лирического переживания. Поэт-символист В. Нарбут в восьмой книге «Вестника Европы» за 1913 год сравнивал стихи М.С. Шагинян с поэзией М.И. Цветаевой и А.А. Ахматовой.

«Творчество Мариэтты Шагинян – удивительное явление в русской литературе XX века. Литературная деятельность ее продолжалась свыше семидесяти лет! – писал литературный критик В. Ковалев. – Думается, что сама жизнеспособность художника доказывает неисчерпаемые возможности целеустремленных духовных исканий человека. Во всяком случае, личность Мариэтты Сергеевны с ее не затухавшей до самого последнего дня жизни творческой энергией побуждает размышлять об этом».

На развитие литературной деятельности повлияли события, происходящие в жизни людей российского общества. События влияли на их мировоззрение, рождали желание поддерживать или отторгнуть тот или иной государственный строй. История

тесно связывает нас с литературой. Новые цели, новые стремления и поиск новых средств выражения переворачивают и в корне меняют привычные устои на нечто новое, нечто более глубокое и емкое. С изменением образа мышления перерождается и литература. Так и появился Серебряный век.

Литературное творчество молодой Мариэтты Шагинян построено на революционных и военных событиях. Проза живет описанием происходящего, поэзия дышит душевными терзаниями, но в то же время присутствует жизнеутверждающий гуманизм, поскольку поэзия Серебряного века – это отрицание материализма, вера в искусство, способность чувствовать. Поэты Серебряного века стремились не просто описать весь ужас и сумасшествие происшедшего в те времена, а через долгие и тяжелые рассуждения стремились и пытались найти себя, свое предназначение. Вопреки всему Мариэтта Сергеевна Шагинян была значительной личностью в кругу поэтов Серебряного века, поскольку ее умение рассуждать и анализировать совместно с умением чувствовать объединились в огромный дар, который позволил до самого последнего дня ее жизни являть собой активную, полную творческой энергии и сил, писательницу и поэтессу. Современники М.С. Шагинян зачастую не понимали ее, даже порой высмеивали, любили и ненавидели, но никогда не были к ней равнодушны, не были равнодушны и к ее творчеству, идеям и рассуждениям, что уже говорит о незаурядности и великом таланте Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Литература

1. Поэзия Серебряного века. М., 1991.
2. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М., 1987.
3. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1987.
4. Эренбург И. Люди, годы, жизнь, воспоминания: в 3 т. Т. 3. М., 1990.
5. <http://84.237.19.2:8081/content/silverage.pdf>
6. http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/shaginjan.php

Бугаева Татьяна
руководитель – *Хырхырян Астхик Давидовна*

ТРУД И ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М.С.ШАГИНЯН

Труд лечит и выпрямляет души людей
М.С. Шагинян

Творчеству каждого крупного художника (писателя, живописца, музыканта и т.д.) свойственны, как правило, две основные особенности: разнообразие тем, проблем, жанров и одна главная, стержневая идея, определяющая мировоззренческий характер его работ, который задает вектор всех его художнических исканий и находок.

За свою долгую творческую жизнь Мариэтта Шагинян создала произведения самые разнообразные – и художественные, и документально-публицистические, и мемуарные. Мариэтта Сергеевна Шагинян – журналистка и писательница, без сомнения обладавшая завидным мастерством и даром литератора, которая в конце XIX – начале XX веков внесла незаурядный вклад в российско-советскую публицистику и литературу.

Творчество М.С. Шагинян охватывает различные области жизни. Она выступила и как знаток музыки и литературный критик, ее можно назвать и исследователем-путешественником и беллетристом, но в первую очередь она была публицистом и писателем, оставившим после себя немало, если так можно выразиться, «полнометражных» литературных произведений: «Дневники писателя», «Семья Ульяновых», «Первая Всероссийская», «Билет по истории» и лирико-философские очерки «Четыре урока у Ленина», «Гидроцентральный», «Советское Закавказье», «Ткварчельский уголь», «Дневник депутата Моссовета», «Новый быт и искусство», «По дорогам пятилетки», «Урал в обороне», «От Мурманска до Керчи», «Зарубежные письма», «Путешествие по Армении», научные монографии о Гете, Тарасе Шевченко, Низами Гянджеви, Иозефе Мысливечке... Она же – автор первого советского детективного романа «Месс Менд» и великолепный мастер очерка.

Мариэтта Шагинян – автор множества проблемных статей и очерков, на протяжении десятилетий систематически печатавшихся в «Известиях», «Литературной газете», «Правде» и во многих других изданиях.

Творческие методы М.С. Шагинян отличаются незаурядной наблюдательностью, умением одновременно передать самое важное и найти неожиданную, незаметную на первый взгляд изюминку. Это была женщина фантастически энергичная, объездившая почти всю Россию и не раз побывавшая за рубежом.

Мариэтту Шагинян всегда отличала тщательность подхода к раскрытию любой темы.

Большинство источников, посвященных деятельности М.С. Шагинян, охватывают ее творчество, в общем, не заостряя внимание на изучении проблемы образования и воспитания молодежи в литературном наследии М.С. Шагинян.

Литературное наследие М.С. Шагинян может послужить примером трудового воспитания молодежи. Для реализации этой цели необходимо рассказать о многолетнем труде М.С. Шагинян над «Дневниками писателя» и тетралогии, посвященной В.И. Ленину. Первоочередное внимание следует уделить методам трудового воспитания в наследии М.С. Шагинян через ее творческую лабораторию. Ведь пример активной плодотворной работы и знание того, как рождается талантливый текст, анализ работы с материалом могут дать много полезного для обучения и трудового воспитания молодежи.

Прежде всего, обратимся к «Дневникам» Мариэтты Шагинян, как примеру трудового воспитания. И эпиграфом такого обращения могло бы стать высказывание Леонида Леонова, что «все, что дается легко, без труда, представляет собой весьма сомнительные ценности». Действительно, Мариэтта Шагинян создала немало работ в отношении технического подхода к созданию того или иного произведения. Во многих работах она стремилась передать опыт своей литературной деятельности начинающим, она делилась познаниями в различных областях и на разных этапах создания произведения – от задумки и первоначального сбора информации до воплощения и редактирования.

Представить, как возникает творческая мысль, как она наполняется содержанием, превращается в художественное произ-

ведение, помогают дневники М.С. Шагинян – неизменные спутники всей ее жизни. Дневниковые записи – это память, все то, что с годами стирается, исчезает и может никогда не вернуться, если только оно не сохранено в кладовых дневников.

Мариэтту Шагинян отличала завидная энергия, она очень много ездила, и старалась получить от своих поездок максимум информации. Естественно, что держать весь объем полученных сведений в голове было невозможно, и поэтому ее дневники можно назвать итогом каждодневного титанического труда. Дневники были неизменными спутниками всей ее жизни. Это множество внушительных тетрадей, переплетенных в плотные папки, которые содержат цифры, деловые записи впечатлений и всего познанного.

Говоря о лаборатории писателя, она замечала, что метод работы надо найти и выработать самому. Как нельзя научиться чувствовать и мыслить по методу другого человека, так нельзя по-настоящему творчески трудиться, если не создан, не нажит годами собственные метод и стиль. Ведь они входят слагаемыми в творческий процесс. А значит, метод и стиль работы должны быть собственными, индивидуальными.

Дневники Мариэтты Шагинян показывают ее неиссякаемую любознательность, жадность к жизни, к познанию людей и событий. В них находятся сотни, если не тысячи имен и фамилий. Дневники Мариэтты Шагинян – это материал для ее будущих очерков. В них множество записей о местах, где М.С. Шагинян побывала, о том, что она видела по пути, они изобилуют точными данными, цифрами. Писательница тщательно конспектировала беседы с интересовавшими ее личностями, стараясь не упустить никакой информации. Дневники Мариэтты Шагинян – это пример каждодневной терпеливой практической работы. Это и есть один из методов трудового воспитания молодежи в педагогическом наследии М.С. Шагинян.

Справедливо утверждают, что «Лениниана» – труд всей жизни Мариэтты Сергеевны Шагинян. «Ленин проходит через всю мою жизнь», – настаивала Мариэтта Сергеевна и эти слова подтверждаются основными этапами ее творческого развития. Над ленинской темой писательница трудилась много десятилетий, начиная с первых лет Октябрьской революции и до 1970-х гг.,

когда появились ее исторические романы: «Семья Ульяновых», «Первая Всероссийская», «Билет по истории» и лирико-философские очерки «Четыре урока у Ленина». Эпиграфом к шагиняновской «Ленинианы» вполне могли бы стать слова Льва Толстого о том, что «...если писать биографию, то надо писать всю настоящую правду».

Обращение к ленинскому образу у М.С. Шагинян связано со смертью В.И. Ленина. В 1924 году писательница откликнулась на общее горе, написав статью «Смерть Ленина». Сложные творческие задачи были поставлены перед М.С. Шагинян образом В.И. Ленина, его жизнью. Большой цикл статей, которые сопутствовали работе над ленинской темой, ее дневниковые записи свидетельствуют о сложности возникших перед нею проблем. Как раскрыть своеобразие исторического героя? Как и в чем изменяется жанр исторического романа, каковы его границы и возможности? Этим вопросам посвящены ее статьи на протяжении почти целого двадцатилетия: «Самое дорогое» (1957), «Как я писала «Семью Ульяновых»?» (1960), «Как я работала над «Семьей Ульяновых»?» (1963), «Главная тема жизни» (1970) и «Нужен дар любви» (1973). Первый роман тетралогии – «Семья Ульяновых» – был задуман как «роман-хроника». «...Я захотела, чтобы глубже подойти к теме Ленина, обратиться к истокам: откуда, из какой среды он вышел... в каких условиях рос, учился, воспитывался, что на него влияло. И я решила поехать на его родину, пожить там и собрать архивные материалы и свидетельства живых людей о том, каким был Ленин, как жила семья Ульяновых». М.С. Шагинян работала в местных архивах и библиотеках Ульяновска (Симбирска). Она изучила «все то, что стоит на полках кабинета Ильи Николаевича, т.е. в основном педагогическую литературу двух десятилетий» и прочитала комплекты «Симбирских губернских ведомостей». Начало ленинской тетралогии было положено в Ульяновске. Этот замысел укрепляли встречи с современниками. Формирование молодого В.И. Ленина, по мнению М.С. Шагинян, определялось духом времени, общественным развитием конца XIX века. Книга «Семья Ульяновых» была первым шагом к теме. От нее и пошло определение жанра – «роман-хроника».

5 августа 1938 года книгу М.С. Шагинян рассматривали на Политбюро ЦК ВКП(б), где «знатоки» изящной русской словесности вынесли строгий вердикт в адрес автора книги и руководства Союза писателей СССР.

В 1972 году Мариэтта Сергеевна Шагинян была удостоена Ленинской премии за тетралогию «Семья Ульяновых». Несмотря на неоднозначную оценку «Ленинианы» Мариэтты Сергеевны Шагинян, ее многолетний и кропотливый труд был по достоинству оценен потомками, актуален и сегодня, а также может являться примером добросовестного титанического труда. Упорство писательницы, преданность своему делу привели к признанию ее неопенимого вклада.

Литература

1. *Лифшиц М.А.* Дневник Мариэтты Шагинян // Новый мир. 1954.
2. *Шагинян М.С.* Дневник писателя. М., 1953.
3. *Шагинян М.С.* Автобиография. М., 1954.
4. *Шагинян М.С.* Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 1959.

Будников Илья
руководитель – *Хоций Алла Николаевна*

ЧЕМУ УЧИЛАСЬ М.С. ШАГИНЯН У В.И. ЛЕНИНА?

Чему могла научиться коммунист в душе, обладающая несомненным талантом и популярная в свое время писательница и поэтесса М.С. Шагинян у великого революционера, умелого оратора, лидера большевистского движения В.И. Ленина? Этот вопрос в литературной деятельности М.С. Шагинян, остается, к сожалению, малоизученным.

Как известно, М.С. Шагинян с энтузиазмом встретила Октябрьскую революцию 1917 года, которую восприняла как событие христианско-мистического характера. Она дала писательнице много новых тем для творчества. Мариэтта Сергеевна с пристрастием изучала труды В.И. Ленина, с жадностью искала встреч с великим революционером. Много сил и времени за свою долгую жизнь М.С. Шагинян отдала написанию «Ленинаны». Биографические материалы о «кремлевском мечтателе» и его близких М.С. Шагинян собирала многие годы. Сама Мариэтта Сергеевна два года жила в Ульяновске только для того, чтобы, не отвлекаясь на разъезды, работать в архивах Симбирска и собирать по крупицам документы и воспоминания еще живших современников В.И. Ленина.

Тетралогия «Семья Ульяновых» явилась итогом двухлетней работы М.С. Шагинян. Остановимся подробнее на рассмотрении заключительной ее части – «Четыре урока у Ленина».

Мариэтта Сергеевна рассматривала жизнь Владимира Ильича как художник, описывающий образы его друзей и врагов, образ его жизни как обычного человека. Из поведанных ею драматических историй как бы сами собой вытекают уроки жизни гения. Из повествований М.С. Шагинян можно выделить множество ленинских уроков для нас: уроки диалектики, научного анализа социальной действительности, уроки правды и этики партийной критики, уроки мужества, верности революционному долгу, уроки ораторского мастерства и пр.

Уже в первом уроке, не скрывая восхищения, М.С. Шагинян характеризовала выдающегося революционера: «Таким великим

оратором был Ленин, и так умел он целиком отрешиться от себя самого, перелившись в предмет своего выступления, что слушателю передавалась вся глубина его убеждения, все содержание его мыслей, заставляя забыть о самом ораторе и ни на секунду не отвлечь этим внимания от существа его речи или беседы» [*Четыре урока у Ленина*". Урок первый, 1]. Кроме того, она использовала точное и выразительное сравнение: «Каждое слово Ленина – алмаз по стеклу, неоспоримый урок мастерства точной прозы». Трудно прочесть подобное заключение Мариэтты Сергевны и при этом самому не восхититься гениальным оратором: «Ленин был великим диалектиком, ненавидевшим все стоячее, и особенно – остановившееся, обезжизненное слово» – как говорила сама Мариэтта Шагинян [*Четыре урока у Ленина*". Урок четвертый, III, 4]. Именно эта черта В.И. Ленина становится одним из важнейших жизненных уроков для М.С. Шагинян. И она приходила к выводу: «Если аудитория начнет после твоего доклада хвалить тебя и восхищаться тобой, значит, ты плохо сделал свое дело, ты провалил его. А если разговор сразу же пойдет о предмете и содержании твоего доклада, как если б тебя самого тут и не было, значит, ты хорошо выступил, сделав свое дело на пять» [*Четыре урока у Ленина*". Урок первый, 1]. Писательница утверждала, что пример «Ленина-докладчика» часто помогал и ей самой во время выступлений. Несмотря на то, что достичь высот ленинского ораторского искусства ей и близко не удавалось, М.С. Шагинян по-настоящему благодарна судьбе за то, что ей посчастливилось лично слушать обращения гения к народу.

Ни для кого не секрет, что В.И. Ленин был необычайно жизнелюбив, но подчинил все личное революционной деятельности и вел пуританский образ жизни, в быту отличался предельной скромностью. Так, из всех драматических историй из жизни В.И. Ленина, рассказанных Мариэттой Шагинян, можно выделить поучительную и глубокую по своему смыслу. Шел октябрь 1923 года. Казалось, Владимир Ильич стал оправляться от удара: мог ходить, двигать левой рукой и произносить отдельные слова, хотя и с трудом и неясно. Единственное слово, которое он произносил четко, было «вот-вот». В конце октября к нему приехали И.И. Скворцов-Степанов и О.Я. Пятницкий. Стали

рассказывать о выборах в Московский Совет. Как только посетители повели разговор о поправках к наказу рядовых рабочих Московскому комитету партии, Владимир Ильич стал предельно внимателен при их перечислении. Как заметил О.Я. Пятницкий, «Ильич ... своим единственным словом, которым он хорошо владел – «вот-вот» – стал делать замечания во время рассказа с такими интонациями, что нам вполне стало ясно и понятно, так же как это бывало раньше, до болезни Ильича, что поправки к наказу деловые, правильные и что нужно принять все меры, чтобы их осуществить». В.И. Ленину оставалось жить менее трех месяцев.

Предоставим слово самой Мариэтте Сергеевне Шагинян: «Таков предсмертный урок Ленина, данный им каждому коммунисту. И пусть слышится нам его «вот-вот» всякий раз, когда совесть наша подсказывает нам главное, что надо сделать коммунисту, на что обратить внимание в работе с людьми» [*"Четыре урока у Ленина". Урок первый, 4*].

Еще одним важным уроком, взятым у Владимира Ильича Мариэттой Шагинян, является урок того, что «политическая фальшь позиции не означает фальши характера. Она не касается ...личных качеств» [*"Четыре урока у Ленина". Урок второй, 4*]. Так, во время поездки в Порник, где любил отдыхать В.И. Ленин, благодаря одной из статей Владимира Ильича поэтесса открыла для себя важную жизненную мудрость. Она узнала, что значит «жить и чувствовать по-ленински». Основная суть этого урока заключалась в том, что политические взгляды и собственное мировоззрение, характер человека часто различны. Значит, нельзя осуждать или отвергать лишь за отличающееся видение государственного устройства. М.С. Шагинян отмечала, что даже во время соперничества партий ее члены остаются людьми. Поэтому умение видеть грань между политическим и человеческим является одним из самых важных элементов личности любого государственного деятеля.

Не нужно забывать и о глубоких знаниях, о психологии человека, которые М.С. Шагинян подчёрпнула из книг и статей В.И. Ленина. Так, во время изучения философии З. Фрейда, писательнице вспоминаются схожие, возможно, субъективно преобразованные суждения лидера Октябрьской революции. Она

описывала философскую концепцию В.И. Ленина, согласно которой «вождь мирового пролетариата» негативно относился к проявлениям «бессознательного» в человеке, боролся с инстинктивными, животными пороками. Однако при этом М.С. Шагинян восхищало и то, что «Ленин часто припадал к истоку жизни» [*Четыре урока у Ленина". Урок третий, 11*]. Она восторгалась и жадно перенимала любовь Владимира Ильича к природе, к «бессловесным тварям», т.е. к братьям нашим меньшим.

Можно выделить еще один важный урок, который призывает к непримиримой, беспощадной критике по отношению к тем коммунистам, которые, по ленинскому выражению, теряют «чувство солидарности с партией», отрываются от рабочей массы. М.С. Шагинян приводила пример именно такой критики В.И. Лениным молодого руководителя германской компартии Пауля Леви. Казалось бы, для критики не было оснований: Леви написал брошюру о стихийном революционном движении в марте 1923 года в немецком городе Мансфельде. В ней критика участников движения – рабочих была непримиримо жесткой, хотя и оправданной. Рабочие Мансфельда и поддержавшие их пролетарии других городов выступили против невыносимых притеснений со стороны хозяев фабрик и заводов. Неподготовленность выступления мансфельдских рабочих, его непродуманность, низкая дисциплина, слабая связь с пролетарскими массами обрекли восстание на провал. Обо всем этом и написал Пауль Леви, написал резко, категорично, но точно и верно, забыв об одном: воздать должное революционной смелости рабочих, обретению ими пусть и горького, но ценного опыта борьбы с капитализмом. Именно это и высказывал В.И. Ленин молодому революционеру. Действительно, каждый должен быть солидарным со своими товарищами и поддерживать их даже в трудных ситуациях, не забывая самому и напоминать другим, как важно видеть в явлениях положительное, не сдаваться и усердно добиваться цели. Именно таким товарищем, как утверждала М.С. Шагинян, и был В.И. Ленин.

Итак, нельзя не прийти к выводу, что история личности гения интересна и поучительна. Многому можно научиться у вождя революции, особенно рассматривая его работы через призму

произведений Мариэтты Сергеевны. В ее повествовании есть три момента жизни Владимира Ильича Ульянова-Ленина, представляющих наиболее наглядно его этику революционера и политика. Это его нравственная чувствительность и самоотрешенность как политического борца, пуританская неприхотливость в быту, повседневная забота о простых людях – рядовых товарищах. Именно благодаря писательнице, которая прежде чем обратиться к анализу конкретной ленинской работы, повествовала об исторической ситуации ее создания и выделяла в ней исторический смысл, старалась как можно более глубоко проникнуться творением мастера, я смог подметить для себя множество новых и, безусловно, полезных мыслей.

Воробьева Софья
руководитель – *Шкриль Ирина Григорьевна*

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НАХИЧЕВАНИ-на-ДОНУ, ГДЕ БЫВАЛА МАРИЭТТА ШАГИНЯН

Приглашаю всех в мысленное путешествие по местам, где бывала Мариэтта Сергеевна Шагинян, когда жила или гостила в Нахичевани-на-Дону.

Семья Мариэтты принадлежала к тем армянам, которые переселились в Россию во времена Екатерины II. Отец был доктором медицины, а мать из знаменитого рода Хлытчиевых в городе Нахичевани-на-Дону. Родилась М.С. Шагинян в Москве. Учиться двух дочерей – Мариэтту и Лину – отдали в одно из лучших учебных заведений города Москвы – гимназию Ржевской. Писать Мариэтта начала еще в детстве. Родители аккуратно просматривали исписанные тетрадки и поощряли ее творчество. В 1902 году ее отец Сергей Давыдович умер, и мать Мариэтты переехала к своим родственникам в город Нахичевань-на-Дону, а дочерей – Мариэтту и Лину – отдали в Екатерининскую женскую гимназию; ныне лицей № 13.

Мариэтта с большой теплотой вспоминает учебу в Екатерининской женской гимназии. Она очень любила уроки русского языка. Девочкам часто задавали писать сочинения. Мариэтта всегда выделялась своей неординарностью. Она не только умела хорошо читать стихи, но и частенько читала в классе свои собственные, чем приводила в восторг своего учителя.

Несмотря на строгость в воспитании девочек, на них все же оказывали влияние годы революционного подъема. Впоследствии М.С. Шагинян вспоминала, что они стали проявлять неподдельный интерес к политике, к запретным книгам. Это отражалось на взаимоотношениях преподавателей и учениц в виде провокационных вопросов на уроках «Закона Божьева» и растущего интереса учениц к газетам и общественной гласности.

Во время поисковых действий я нашла в музее документ жандармского управления, где говорилось о необходимости слежки за учениками и ученицами нахичеванских учебных заведений.

Всем укладом семейной жизни Мариэтта Шагинян уже была подготовлена к таким революционным настроениям. В последние годы жизни у ее отца было резкое столкновение с министром Боголеповым, и он находился под негласным надзором полиции.

Мариэтта не боялась задавать провокационные вопросы на уроках истории, но в то же время, она не стремилась озадачить или рассердить учителя, ей было необходимо знать мнение других, уважаемых ею людей, о происходящих событиях. Всю свою последующую жизнь она искала ответы на интересующие ее вопросы, сомневалась, спорила, разочаровывалась.

На 19 линии в доме № 3 жил Григорий Христофорович Чалхушьян. Его считали совестью армянского народа. В своих публикациях он разоблачал варварство геноцида армянского народа. В то же время он был постоянным членом Попечительского совета Екатеринбургской женской гимназии. В начале XX века здесь училась Анна Чалхушьян, с которой дружили Мариэтта и Лина Шагинян. Общение с этой семьей оставило у нее неизгладимое впечатление на долгие годы.

На 21 линии в собственном особняке под № 8 с уникальным садом и фонтаном жил Георгий Иванович Чубаров, присяжный поверенный, член Попечительского совета Духовной семинарии, писатель, режиссер театральных постановок, который помог сформировать и сохранить у Мариэтты глубочайший, неподдельный интерес к истории и культуре.

На перекрестке 23 линии и 1-й Федоровской (ныне улице Сарьяна) жил дед Мариэтты Шагинян – Яков Матвеевич Хлытчиев.

В доме у Якова Матвеевича Хлытчиева очень часто гостил Микаэл Налбандян. Яков Матвеевич разделял его революционные взгляды, за что впоследствии и поплатился. Когда Налбандяна арестовали за его революционную деятельность, Яков Матвеевич поддерживал с ним связь даже в Петропавловской крепости. А после его смерти, он с Иваном Берберовым и Султан-Шах помог переправить его тело в Нахичевань: сначала по Волге, а потом по железной дороге. Гроб встретили с необыкновенным почетом, с образами, иконами и музыкой. Дорога на 23 линии была устлана коврами и устелена цветами. Этого Якову

Хлытчиеву власти не простили. К концу жизни он полностью разорился.

Рядом с домом Якова Хлытчиева в доме № 10 на 23 линии жил его друг – Иван Берберов, врач, член Попечительского совета духовной семинарии, где постоянно бывала Мариэтта Шагинян.

В доме № 16 на 23 линии жил Мелкон Каспарович Султан-Шах – писатель, общественный деятель, преподаватель армянского языка в Екатерининской женской гимназии, большой друг Микаэла Налбандяна, неоднократно навещавший его в Петропавловской крепости. Хочу отметить, что в нашей школе училась целая династия Султан-Шах. Недавно окончила нашу школу Виктория Султан-Шах – праправнучка Мелкон Каспаровича. В Екатерининской женской гимназии училась и дочь Мелкона Каспаровича, с которой была дружна Мариэтта Шагинян.

На углу 24 линии и 1-ой Вознесенской (ныне улицы Мурлычева) в доме № 3 проживала мать Мариэтты Сергеевны. В свои приезды в Ростов-на-Дону здесь неоднократно бывал в гостях Сергей Васильевич Рахманинов. Все сестры Хлытчиевы были одарены музыкальным слухом, но мама Мариэтты была музыкальным феноменом, вероятно, поэтому С.В. Рахманинов так любил здесь гостить. Однажды он пришел бледный, и по лицу его шла дрожь. Он говорил, что его пугает неопределенность и неизвестность после смерти. В это время мать Мариэтты принесла блюдо с его любимыми жареными фисташками. Незаметно для себя, он увлекся ими и вдруг рассмеялся: «За фисташками страх смерти куда-то улетучился. Вы не знаете куда?» А тут еще в комнату вошла девочка необыкновенной красоты, которая служила у матери. С.В. Рахманинов залюбовался ею и добавил: «Удивительный глаз у Чехова, ведь он своих красавиц нашел именно в этих краях; кажется, где-то в Донской области, помните его рассказ? И ведь это верно, я все время в Ростове оглядываюсь на девушек». Так вновь «красота спасла мир». Со всей присущей ей страстностью Мариэтта восприняла музыку С.В. Рахманинова. Музыка была неотъемлемой частью ее духовного богатства. Она долгие годы дружила, сотрудничала и переписывалась с С.В. Рахманиновым.

Напротив дома матери Мариэтты Шагинян проживала семья Гнесиных. В этом доме организовывались интересные творческие встречи, общение, обсуждения всех культурных и политических мероприятий, происходящих в городе и в стране.

На улице 1-ой Софиевской (ныне Первомайской) проживала семья Мартироса Сергеевича Сарьяна. М.С. Сарьян был необыкновенным художником, полотна которого вызывали бурю чувств у зрителей. В его жизни произошел такой случай. Однажды в контору, где работал молодой Сарьян, зашел пожилой старовер. Пока ему подбирали газету, он придремал и проснулся от шумного восторга окружающих. Открыв глаза, он увидел себя на бумаге, и это страшно подействовало на него. Перепуганный, он спешно пошел домой и заболел. Едва оправившись, он явился в контору и пожаловался хозяину на Сарьяна. Чтобы успокоить клиента, хозяин порвал портрет на его глазах. Юному художнику не было жалко рисунка, но он пережил встряску от контрастной реакции на его изобразительное искусство. Мариэтта Сергеевна была посвящена в эту историю, и всю жизнь пыталась понять, в чем секрет радости, охватывающий зрителя в залах, где висят «сарьяны»: так со временем стали называть эти драгоценные полотна.

Рядом с Екатерининской женской гимназией находилось великолепное здание городского армянского театра (ныне ТЮЗ). Мариэтта страстно любила театр. Театр, построенный в 1899 году, стал центром культурной жизни Нахичевани. Здесь проходили не только спектакли, но и памятные вечера, частыми гостями были гастролы театральных групп, известных музыкантов и певцов, также устраивались благотворительные вечера. Несомненно, наш театр наложил свою печать на творчество Мариэтты Шагинян.

Город Ростов-на-Дону, в котором мы живем и очень любим, хранит много интереснейшей тайн. Знакомясь с творчеством и личностью Мариэтты Сергеевны Шагинян, не перестаешь удивляться, насколько это незаурядная личность. В юности вместо танцев, пикников и развлечений она страстно спорила со своими сверстниками в городском саду, в «Балабановской» роще о смысле жизни, справедливости, революции. М.С. Шагинян радовалась и гордилась тем, что ей выпала такая доля – пережить

революцию, что она стояла у истоков создания советской литературы. Так давайте же и мы будем жить и трудиться так, чтобы о нас было, что вспомнить.

Симавонова Виктория
руководитель – *Кибалова Галина Александровна*

РОЛЬ ПЕДАГОГИКИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

Изучая жизнь и творчество Мариэтты Шагинян, стало понятно, насколько она была и остается в нашей памяти удивительным человеком с широким диапазоном знаний, которые она обратила не только в прозу, стихотворения, но еще и в педагогику.

Преподавание – одно из самых сложных дел. Думаю, каждый обеспокоен, какое будущее поколение у нас будет. Но благодаря преподавателям, которые вкладывают в нас, в учеников, все, что знали и изучили сами, опираясь на опыт прожитых лет, мы продолжаем их дело – учение.

Мариэтта Шагинян много пережила за свою длинную и насыщенную жизнь, многое поняла и переосмыслила, начав смотреть на вещи свежим взглядом. Она никогда не стояла на месте, двигалась вперед, получала знания, развивалась, интересовалась всем новым и неизведанным, затем отдавала полученные и проанализированные знания ученикам.

М.С. Шагинян являлась русской советской писательницей армянского происхождения, поэтессой, прозаиком, искусствоведом, журналистом, историографом и педагогом.

С самого раннего детства М.С. Шагинян приезжала в Нахичевань-на-Дону. Будучи на каникулах у бабушки и, участь некоторое время в школе, она полюбила наш город.

Начала работать и зарабатывать с 15-ти лет: подтягивала отстающих учеников, помогала лентяям-лицеистам, писала им всевозможные сочинения не только на заданные темы, но и на заданные ими заранее отметки: на тройку, четверку и т.д., чтоб было правдоподобней.

После окончания школы, устроившись в газету «Приазовский край» (Ростов-на-Дону), затем работая в «Кавказском слове» (Тифлис) и «Баку» (Баку), она за небольшой оклад снабжала эти газеты целым потоком «Литературных дневников» и «Маленьких бесед». Как сама писала в автобиографии Мариэтта Шагинян, ей приходилось браться за любую работу, так как ма-

териальное положение в их семье заметно ухудшилось после смерти отца.

В школьные годы М.С. Шагинян на экранах кинотеатров вышел фильм «Сельская учительница». На Мариэтту Сергеевну и ее подругу-одноклассницу – Аню Ковригину он произвел большое впечатление, как и на всех школьников того времени. Обе подруги загорелись идеей стать учительницами. Благодаря этому, они побывали на приеме в министерстве у дежурного чиновника и проговорили с ним битый час, выспрашивая, есть ли вакансия преподавателя, готовые уехать даже в тайгу, заверяя его, что чем труднее, тем лучше для них. Но, не достигнув желаемого результата, М.С. Шагинян бросается на поиски новой работы.

В 1914 году Мариэтту Сергеевну пригласили работать в Донской консерватории, где она повстречала Р. Глиэра и Н. Гнесина, а в 1917 году – С.В. Рахманинова, с которыми поддерживала общения и после преподавания. Проработала она там три года. Также читала лекции по «истории искусств» и «введение в эстетику» в организованной ее сестрой Магдалиной художественной школе, где преподавал М.С. Сарьян. Далее, сама как инструктор Доннаробраза организовала в Нахичевани первую на Дону прядильно-вязальную-ткацкую школу.

В тоже время, живя и работая в нашем городе, был написан очерк «Как я была инструктором ткацкого дела» и художественная трилогия: повести «Перемена», «Приключение дамы из общества» и рассказ «Агитвагон». С ними она вошла в начале 1920-х годов в большую советскую литературу.

Проработав педагогом в разных отраслях и затем вернувшись в любимую Москву, Мариэтта Шагинян получила новый опыт. Она по-настоящему переоценила многие ценности жизни. Свое новое понимание и трудовой опыт она обратила в писательскую деятельность.

Ее вклад в развитие нашей культуры богат и разнообразен. Могу сказать точно, что подрастающему поколению есть на кого равняться, а именно на таких людей, для которых, как говорила Мариэтта Сергеевна, безделье переносится труднее, чем труд. И мы можем гордиться, что такая необычная и утонченная натура как Мариэтта Сергеевна Шагинян обратила в свое твор-

чество весь тот опыт, ту любовь, полученную в городе Ростове-на-Дону.

Тихомиров Кирилл
руководитель – *Кибалова Галина Александровна*

МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ М.С. ШАГИНЯН

Обращение к историческому опыту творческих личностей актуально всегда. Важным для развития современного социума является знание традиций, специфики феноменов отечественной культуры. Одним из таких феноменов выступает музыкально-педагогический опыт Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Личные взаимоотношения с музыкой М.С. Шагинян и ее преподавательский опыт музыковеда, искусствоведа были определены в раннем детстве. В той среде, где она выросла и вращалась, на музыку не смотрели как на изолированный «вид искусства», которым одни занимаются профессионально, а другие в определенные часы и дни наполняют свой досуг. Она сама, ее родители и друзья считали музыку неотъемлемой частью всей культуры. В гимназии музыка была предметом *обязательным*, а в семье ее постоянно слушали, в знакомых семьях последних лет XIX и первых лет XX вв. всегда кто-нибудь играл на рояле или на скрипке и «музицировал» по вечерам вместе с гостями, тоже игравшими и приносившими свои инструменты. Мама Мариетты Сергеевны была хорошей пианисткой, тетя – певицей.

В своих воспоминаниях Мариетта Сергеевна утверждала, что ее воспитатели и учителя сами были не только музыкальны, но и музыкально образованы – вели с учениками по вечерам задушевные беседы о жизни крупных композиторов, о влиянии музыки на характер, выравнивании ею острых сторон характера, ее животворном действии на человека: «Древние греки считали ритм божественным, а разные дикие народы видят в нем колдовство и волшебство – так удивительно действует ритм на все живое. А кроме ритма, в музыке есть еще и мелодия, и гармония, – они настраивают, возвышают, успокаивают душу, соединяют людей в одном действии, в одном настроении, – а действовать вместе гораздо легче, чем порознь, и гораздо важнее для культуры, которую нельзя построить усилиями одиночек, а только совместным трудом миллионов».

Получив в школе знание музыкального языка и умение постигать логику его развития, воспитав свой слух и музыкальный вкус, – вспоминала Мариетта Сергеевна, – она уже не могла обходиться без музыки, следила за концертами, за новинками, старалась не пропустить ни одного приезжего исполнителя, горячо обсуждала с товарищами особенности и характер исполнения разных пианистов и дирижеров, спорила о направлениях в музыке. Когда же кончилась ее студенческая пора, музыка из «обязательного предмета» в школе, из «потребности» в студенческие годы превратилась для нее в *проблему культуры*, которую Мариетта Сергеевна обсуждала философски уже не в отдельных ее проявлениях (тот или иной композитор, то или иное исполнение), а в самом ее существе, в связи с ее эпохой, с мирозерцанием, с основными вопросами жизни и смерти. Происходило это и в кругу людей близких к областям литературным и художественным и среди ее учеников – студентов Донской консерватории. Обсуждались доклады, проводились чтения, делались сообщения на следующие темы: «Мелос как рождение звуко-слова», «Распад музыкального мышления как симптом гибели культуры», «Организирующая роль музыки», «Логос и мелос» и т.п. Такие доклады не были отвлеченными. Они основывались на близких, современных примерах, строились на всевозможных аналогиях, затрагивающих политику того острого времени.

В основе ее музыковедческой позиции лежала мысль о том, что общество похоже на оркестр, где каждый исполняет свою партию, но важную для коллектива, т.е. Мариетта Сергеевна подходила к музыке как к силе организующей, воспитывающей, считала ее «хранительницей культуры», а в стилях музыки видела показатель здоровья или неблагополучия культуры. Она писала, что в музыке, как в жизни, борются различные начала: ясные, созидательные, добра и разума – как у Баха, Гайдна, Генделя, Моцарта, Бетховена, Глинки и разрушительные, стихийные, разнудывающие, лишаящие внутренней чистоты и благородства.

Особую роль для преподавательского и музыковедческого опыта М.С. Шагинян сыграло ее знакомство и дружба с великими композиторами эпохи – Н. Метнером и С. Рахманиновым, А. Гольденвейзером, М. Гнесиным, Р. Глиэром.

Мариетта Сергеевна переписывалась и встречалась с С.В. Рахманиновым. Лейтмотивом их переписки была мысль о том, что единственный верный критерий музыки – это *характер ее действия на слушателя*. Если она очищает, организует, поднимает его душу, возбуждает свет, помогает ему бороться с хаосом, направляет его на большие исторические свершения, наконец, соединяет его со всем человечеством, значит – это настоящая музыка, идущая в авангарде своей эпохи. С.В. Рахманинов, отвечая ей, уходил в нюансы музыкального мастерства: каждая исполняемая вещь – это построение с кульминационной точкой. И надо так размерять всю массу звуков, давать глубину и силу звука в такой частоте и постепенности, чтобы эта вершинная точка, в обладание которой музыкант должен войти как бы с величайшей естественностью, чтобы эта точка зазвучала и зазвучала так, как если бы лопнуло стекло от удара! Эта кульминация, в зависимости от самой вещи, может быть и в конце ее, и в середине, может быть громкой или тихой, но исполнитель должен уметь подойти к ней с абсолютным расчетом, абсолютной точностью, потому что если она сползет, то рассыплется все построение, вещь делается рыхлой и клочковатой и донесет до слушателя не то, что должна донести (пример с Шаляпиным).

Позднее Мариетта Сергеевна Шагинян в своих музыковедческих статьях и курсах лекций по эстетике и истории искусств (изданных под редакцией Володарского), отмечала, что дух музыки С.В. Рахманинова, уроки его мастерства, светлый образ его как музыканта, огромная требовательность к себе должны быть восприняты молодым поколением музыкантов, освоены и введены в отечественную музыкальную культуру как дорогое наследие.

Так, эпоха и ее герои запали в душу М.С. Шагинян и составили «резервный фонд» ее педагогического опыта.

Федорова Дарья
руководитель – *Хурдаян Людмила Леонидовна*

М.С. ШАГИНЯН О КУЛЬТУРЕ

Культура есть практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей. Мариэтта Сергеевна Шагинян – одна из выдающихся личностей XX века, которая реализовывала культурные ценности через литературу. Она была писательницей, поэтессой, публицистом, очеркистом и переводчиком. Активно занималась общественной и партийной деятельностью.

В 1913 году М.С. Шагинян издала книгу «Orientalia», которая принесла ей известность. Большую роль в формировании писательницы сыграло ее сотрудничество в газетах «Приазовский край», «Кавказское слово», «Баку», где она регулярно выступала как профессиональный журналист, освещая события литературной и художественной жизни страны.

Своими корнями Мариэтта Сергеевна была тесно связана с Донской землей, с Ростовом и Нахичеванью. Вот что писала о себе сама писательница: «Я ответвилась от этого народа, проросла его веточкой – и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле. Мариэтта Сергеевна являлась автором нескольких книг об Армении, написанных в разные годы. Это роман «Гидроцентральный» о крупнейших промышленных стройках Армении, куда она приехала в длительную командировку. Это и «Путешествие по Советской Армении», это и очерки об Александре Ширванзаде, Микаэле Налбандяне и других выдающихся деятелях армянской культуры.

М.С. Шагинян всегда оставалась по убеждению интернационалисткой. Она любила и высоко ценила всех талантливых людей независимо от их национальностей. В 1981 году она выпустила книгу под названием «Низам Гянджеви. Великий азербайджанский поэт». Еще в 1955 году у М.С. Шагинян вышла в свет книга «Этюды о Низами». Благоговейно и вдохновенно написала она об этом выдающемся азербайджанском поэте.

Через все разнообразное творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян красной нитью проходит философичность видения и

понимания ею действительности. И эта тенденция начала проявляться с ее первых серьезных литературных шагов.

Эрудиция и широкий кругозор, склад ума и особенности таланта давали М.С. Шагинян возможность видеть суть острых социальных проблем, поэтому многие ее суждения, замечания, оценки не потеряли актуальности и в наши дни. Особенно злободневной представляется публицистика 1918 г. – разгара Гражданской войны. М.С. Шагинян видела не только «перелом», но и процесс созревания нового, не только «перемены», но и характерные ростки новой жизни, т.е. была свидетельницей хода истории, а значит – внутреннего проявления ее сути.

Главной опорой человека в годы сложнейших социально-политических перемен, тяжелейших противоречий исторического развития России является культура – такой вывод вытекает из совокупности ее публицистических текстов. Причем подходы к пониманию культуры у М.С. Шагинян широки и довольно разнообразны.

Вопросы культуры Мариэтта Шагинян раскрывала и в контексте национальных проблем. Ее рассуждения и выводы звучат особенно актуально. В статье «Культура и курятник» она говорила о двух уровнях национального сознания: «культуре в курятнике» (зоологический национализм) и высокой культуре народного духа. «Куриный национализм – это порождение племенного сознания, культурный национализм – порождение самосознания народа».

М.С. Шагинян писала о нации не только как единении людей одной народности, но как о «продукте» истории: «Национальность определяет не фамилия, а душа! Национальный характер вскармливается проникнутостью, единством духовного опыта... Есть русский армянин, русский немец. Собирать людей надо не за шиворот, а... за сердце, не ассимиляцией, а единением». Когда в братоубийственной Гражданской войне пропаганда в полную силу использовала шовинистические и националистические идеи, слова армянской писательницы несли плодотворное зерно взаимоуважения разных народов. Оно зарождалось и проклевывалось в процессе длительного соседства братских народов друг с другом, в историческом единении, основанном на общих социальных, экономических и культурных ценностях, близости

территории... Недаром Католикос всех армян Вазген I сказал о ней: «Шагинян – дар армянского народа русскому народу».

Мариэтта Сергеевна разоблачала довольно широко распространенные среди части русской интеллигенции настроения – нам, дескать, нужно учиться у западных стран. Разве это не один из самых болевых, острых вопросов наших дней? Многие тогда призывали учиться у западных союзников. «Чему?» – спрашивала М.С. Шагинян. И отвечала: «Надо учиться у передовых стран Европы не вообще, а беря у народов Европы только то, что послужит развитию и просвещению России».

Идея объединения, обретения общего пути – основная гражданская позиция М.С. Шагинян – проявилась в ее публицистике особенно ярко, четко, убедительно. И это еще раз подтверждает то, что при глубоком изучении проблем нашего Отечества – а они бывают схожими в переломные, перестроечные времена – мы сталкиваемся с тем, что их основа мало изменилась сегодня. В этом, можно сказать, завет публицистики М.С. Шагинян: культурно-исторический взгляд на крупнейшие процессы должен быть подчинен не «пустым разговорам и митингам», тем более стоящими на болоте, а направлен на единение народов страны.

Когда говорят, что М.С. Шагинян, прожив долгую жизнь, была свидетельницей крупнейших событий XX столетия, это не совсем точно. Свидетель, как правило, видит все со стороны. Она же активно участвовала в событиях, которые решали и ее личную судьбу. Во время пребывания в Нахичевани, в то действительно судьбоносное время, М.С. Шагинян пережила очень многое. Все, что происходило в стране, давало ей материал для осмысления крупнейших проблем, поставленных временем, и тех процессов, в которых рождались и развивались эти проблемы. И она поднималась в своих размышлениях до философских обобщений.

Убедительно аргументированная, глубокая публицистика М.С. Шагинян показывает: времена крупных перемен обнажают корневую суть русских проблем, поэтому они так созвучны новой России.

«Я отвечаю своими рабочими дневниками, которые веду уже много лет», – так открывается книга Мариэтты Шагинян «Днев-

ник писателя». Форма дневника выдвигает на первый план личность автора. Мариэтта Сергеевна вела дневник, т.е. календарный отчет о своей жизни, и мы действительно видим в нем, прежде всего, личность автора, отраженную в зеркале его деятельности. Зрелище полезное для читателей, ибо Мариэтта Шагинян – человек незаурядной энергии и широкого образования. Она обладала драгоценным качеством – неистребимой жаждой знания, стремлением все видеть, все испытать. Ее девизом являются слова Н. Лобачевского: «Жить – значит чувствовать, наслаждаться жизнью, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем...»

Дневник Мариэтты Шагинян показывает, в каком лихорадочным темпе работала писательница. Перед глазами мелькают профессора, доярки, проблемы, открытия... Тысячи людей, живых специалистов, и с каждым Мариэтта Шагинян успевала поговорить на месте действия. Все эти люди, занятые общественно-полезным трудом, считали необходимым уделить ей частицу своего времени.

Мариэтта Шагинян объясняла молодым публицистам, что не следует обижаться на исправления, которые вносятся в рукопись при подготовке ее к печати. Она картинно описывала свои собственные мытарства на разных этажах редакционного здания.

Не трудно догадаться, что чрезмерная скоропалительность Мариэтты Шагинян являлась отражением некоторых реальных черт и привычных недостатков, встречающихся в самой жизни. Тем и любопытен «Дневник писателя», что он представляет из себя известное общественное явление, которое можно назвать «обломовщиной наизнанку». Когда автор вмешивается в практическую жизнь, он становится невольным рупором школы субъективного порыва, нахрапа, капризного деспотизма и пр.

Давно замечено, что всякая мифология предполагает особое состояние духа, которое можно назвать «эпическим восторгом». Если по дороге едет телега, она обязательно «быстроколесная», если на ней сидит девица, то девица «густоволосая», если телега въезжает в город, то он «пышно-устроенный» и т.д. В таком состоянии вечного удивления находилась и Мариэтта Шагинян. Ее обычное отношение к миру есть чрезвычайная восторженность.

Разумеется, каждый читатель разделяет этот энтузиазм, если речь идет о новой технике советских заводов или трудовых подвигах новаторов производства. Но состояние эпического восторга не покидало Мариэтту Шагинян в самых обыкновенных случаях. Открывая «Дневник» Мариэтты Шагинян, мы сразу чувствуем себя в атмосфере вечного праздника. Белый и розовый туф, мраморные колонны, фарфор... Даже простой сланец подается на разгрузку по железнодорожной эстакаде «необычайно остроумно».

Мастер очерка и автор одного из первых советских детективов, литературный критик и знаток музыки, М.С. Шагинян была равно профессиональна и заметна в любой области, с которой связывала ее судьба.

Итак, Мариэтта Шагинян – это интернационалистка, публицист, писатель и просто Человек с большой буквы, вложивший всю свою душу в литературу. Ее рассуждения и выводы звучат особенно актуально и для нашего времени. Мариэтта Сергеевна в своем многоликом творчестве создала свой образ времени XX века. Несколько раз выходили ее собрания сочинений. Она была лауреатом Сталинской (Государственной) премии (1951), Ленинской премии (1972), Героем Социалистического Труда (1976), членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР (1950), кавалером 10 орденов СССР, многих медалей. Ее произведения переведены на многие языки мира. «Дневник писателя», отношение к людям – все указывает на бесконечный патриотизм и культурность, которая жила глубоко в сердце писательницы.

Литература

1. <https://nnao.ru/2015/02/17/культура-в-жизни-и-творчестве-мариэтт/>
2. <http://hayernaysor.am/ru/archives/date/2015/02/18>
3. https://nnao.ru/wp-content/uploads/2016/04/9.pmd_.pdf
4. <http://okultureno.ru/news/20657-vospominaniya-marietty-shaginyan-o-rahmaninove/>

М.С. ШАГИНЯН О ЧТЕНИИ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Компактная и комплексная оценка роли чтения в становлении личности изложена М.С. Шагинян в ее итоговых воспоминаниях «Человек и время», хотя к отдельным аспектам этой проблемы она обращалась неоднократно и в публицистике, и в исследованиях, и в художественной прозе.

Три афористических суждения разных людей, для нее лично значимых, составили своего рода канву прорисовки всего сюжета о чтении. Первое принадлежит Гете, писателю, оказавшему, по характеристике самой М.С. Шагинян [1,71], наибольшее влияние на ее творческое развитие. «Добрые люди не знают, сколько времени и усилий стоило иному, чтобы *научиться читать*. Я потратил на это восемьдесят лет и еще сейчас не могу сказать, что достиг цели» [2,137]. Второе суждение она услышала от отца во время обсуждения родителями журнальной статьи о выборе книг для полезного чтения: «Дело не в том, сколько прочесть, а потом из уже прочитанного выбирать. Дело в том, *как читать*. Умный может извлечь полезное из самой глупой книги. Дурак не извлечет ничего из самого мудрого мудреца» [2,138]. Наконец, третье произнесла воспитательница гимназии Ржевской, м-ль Муше, когда гимназистка шестого класса Мариэтта Шагинян для дополнительного чтения на французском языке избрала увесистый том «Век Людовика XIV» Вольтера. Высказав сомнения в том, что девушка сможет осилить столь сложный текст, она заметила: «...главное, начав – надо непременно кончить. Неоконченные книги, как недоеденные куски на тарелке, портят людям характер...» [2,139]. Тем самым, неосознанно или сознательно, воспитательница создала любившей отвечать на подобного рода вызовы М.С. Шагинян серьезную мотивацию для чтения: «И это была первая книга в моей жизни (после няниного Евангелия), прочитанная от доски до доски», – вспоминала она на склоне лет [2,140].

У Мариэтты Сергеевны чтение-работа и чтение-досуг охарактеризованы как разные формы интеллектуальной деятельно-

сти человека, решающие разные задачи в его развитии. При этом следует, конечно, помнить, что такое разделение носит условный характер и может быть принято лишь как средство уточнения многообразного воздействия чтения на читающего. Подтверждает условность такого деления то особое место, которое в работах М.С. Шагинян занимает характеристика чтения вслух. С ее точки зрения, оно может быть составляющей и чтения-работы, и чтения-досуга. Так, в монографии о Тарасе Шевченко, читаем: «Брюллов приучил Шевченко к *одному из прекраснейших занятий и лучшему способу выработки личной и бытовой культуры – к чтению вслух*¹. Иногда Шевченко читал своему учителю, иногда наоборот. Привычка к чтению вслух в тесном кругу друзей сохранялась у Шевченко до самой смерти. В этих чтениях были паузы, обмен мыслями и впечатлениями, была своеобразная учеба» [3,324]. Казалось бы, речь идет о форме интеллектуального досуга и его познавательном и эстетически-эмоциональном воздействии на участников.

По аналогии вспоминаются и описанные в «Лениниане» чтения в семье Ульяновых, и ежевечерние чтения в доме московского философа Э. Метнера и его брата композитора Н. Метнера, участником которых бывала и сама М.С. Шагинян, близко общавшаяся с семейством в 1912-1913 годах [1,53].

Но вот в небольшом рассказе «Стихотворение» (1915 г.) чтение вслух явно сопряжено с серьезной творческой работой девочки-подростка и ее отца, которые в течение трех дней подряд неторопливо читали вслух и размышляли над смыслами в стихотворении Пушкина, – бессюжетном, пейзажном, которое дочери надо было выучить наизусть для декламации, но, чтобы запомнить и не исказить при воспроизведении гекзаметр поэта, надо было понять стихотворение [4,220-227]. Текст рассказа – вписанное в сюжет (по ходу дела мы узнаем о болезни отца, об отношениях дочери с отцом и матерью, об отношениях родителей друг с другом) изложение технологии взаимодействия читающего с текстом, беллетризованное дидактическое пособие для начинающего читателя и (или) для молодого учителя. Возможно, в «Стихотворении» наиболее отчетливо проявилась чер-

¹ Здесь и далее *курсив* мой. – Н.С.

ты «дидактизма, морализованья», которые сама М.С. Шагинян считала характерными для своего творчества, и роль которых оценивала неоднозначно [1,33]. Серьезной работой считала М.С. Шагинян и чтения вслух в кружке начинающих писателей, чрезвычайно важные, с ее точки зрения, для справедливой оценки первых литературных опытов и самими авторами, и их руководителем [5,69-70].

Чтение-работа, или, по характеристике М.С. Шагинян, «глубинное, творческое чтение», – важнейший способ усвоения знания в процессе образования и одновременно процесс выработки важнейшего навыка интеллектуальной работы – взаимодействия с книгой (или, если соотнести с эпохой интернета и электронных гаджетов, – взаимодействия с текстом). Вспоминая свой первый опыт такого чтения, она писала: «...приложить работу к чтению книги выразилось у меня в терпеливом (прилежном) вникании (внимании) в читаемое. Оказывается, чтобы книга вам дала, вы ей сами должны дать, – do ut des, отдача-получение, вечная великая двойца процесса жизни! Как только я отдала первым страницам Вольтера свои прилежание и внимание, мне в ответ книга протянула смысл... Фраза с фразой, от абзаца к абзацу, от страницы к странице – смысл не просто выкатывается на вас шарообразным комом, а разворачивается связью следования. И если вы не окончательный чурбан, в вас вспыхивает интерес к продолжению» [2,141].

Считая наивными представления о том, что «чтение, как дыханье, дается каждому грамотному само собой», М.С. Шагинян подчеркивала: «Научить человека читать очень трудно. Еще и потому трудно, что сделать это никто не может, кроме самого человека, а *задача педагога в том, чтоб научить ученика умению учить самого себя читать*» [2,137]. Она описала собственный опыт поэтапного овладения технологией творческого вдумчивого чтения как процесс формирования навыков интеллектуальной работы, неразрывно связанный с получением образования. Резюмируя этот сюжет, М.С. Шагинян сформулировала своего рода базовые критерии вышеупомянутого умения учить самого себя читать, и, как следует из контекста следующей цитаты, умению получать образование в течение всей жизни: «Привычка вдумчивого чтения, открытия цитатной мысли у ав-

тора; усвоения побочных мест, могущих пригодиться; привычка чувствовать себя в книге ...не как в гостях, а как дома. Словом, привычка хорошо понять и отложить в записях для памяти нужную тебе книгу. Пусть она потом забудется. Но память хранит ее в своей кладовой для первого нужного случая. И вы остаетесь богачом знаний даже в периоды своих беспамятств, богачом знаний, потому что удерживаете в памяти *связь* между всем прочитанным, как нитку в ожерелье жемчужин» [2,188].

К чтению-досугу М.С. Шагинян подходила тоже весьма дифференцированно. С одной стороны, это лучший способ выработки личной и бытовой культуры и тем самым важный фактор воспитания. Отсюда то внимание, которое она обращала на литературу для детей и юношества, на романы воспитания: «Роман как изобразительная форма творчества преследует две цели: поучить и побудить. Как проволока есть проводник для электричества, так и красочный пересказ жизни есть среда передачи побуждения. В этом великое, вечное значение изящной литературы» [6,81].

С другой стороны, для людей, занятых интеллектуальным трудом, досуговое чтение может служить (и чаще всего служит) фактором психологической разгрузки. «Недаром академики, ученые, профессора любят детективы», – замечала М.С. Шагинян в контексте общей оценки этого вида беллетристики. «Детективная литература – наиболее рациональное и познавательное, наименее бьющее по нервам, наиболее *здоровое* современное чтение» [2,316].

В своих мемуарах М.С. Шагинян отметила проблему, вполне обозначившуюся уже во второй половине XX столетия, а сейчас вставшую в полный рост, – отсутствие интереса к чтению у подрастающего поколения, даже к досуговому чтению художественной литературы. Вопрос о том, как приобщить детей к чтению, как мотивировать и вдумчивое творческое чтение, и чтение-досуг был ею сформулирован и поставлен на обсуждение.

М.С. Шагинян считала, что начинать приобщение школьников к чтению с остросюжетных фабульных книг малопродуктивно. «Обычно думают, что «интерес к продолжению» рождается от сюжетной, фабульной книги; и что именно такую книгой – с приключениями, страшными действиями, неожиданными

положениями, любовью, фантастикой – только и можно *приучить* школьников к чтению; приучатся читать такие книги – перейдут к чтению и серьезных. Но это неверно. Чтение таких книг скорее разучает читать, чем приучает. Оно разучает вкладывать в книгу от себя и приучает пассивно раскрывать свое восприятие, чтобы получать, получать и еще получать. Иначе говоря, оно отучает от работы чтения и приучает к безработному, бездельному чтению, чтению на даровщину, к той самой миске с похлебкой, которую филантропы раздают безработным в Америке. Думаю, что *кончатся* таким чтением свой напряженный рабочий день человеку умственного труда – чтоб приглушить или выключить возбуждение усталого мозга – полезно и нужно. А *начинать* с него в молодости, усыпляя и как бы обморочивая свой незрелый, еще не разбуженный мозг, – вредно и нельзя» [2,141-142].

Универсального решения проблемы, разумеется, дать невозможно. Но, представляется, это тот самый случай, когда постановка проблемы для размышлений и рассуждений не менее значима, чем ее решение.

Литература

1. Шагинян М.С. Мировоззрение и мастерство // М.С. Шагинян. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1935.
2. Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.
3. Шагинян М.С. Тарас Шевченко // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1975.
4. Шагинян М.С. Стихотворение // М.С. Шагинян. Собр. соч.: в 4 т. М., 1935. Т. 1.;
RL:https://royallib.com/read/shaginyan_marietta/stihotvorenie.html #20480 (дата обр. 28.03.18).
5. М.С. Шагинян о литературе и писателях. Ростов-на-Дону. 2015.
6. Шагинян М.С. Бессонница // М.С. Шагинян Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017.

Н.И. Стопченко, Е.В. Косьяненко

М.С. ШАГИНЯН О РОЛИ МУЗЫКИ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

*«Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает,
но и любовь – мелодия!».*

А.С. Пушкин

*«Тайна музыки в том, что она находит
неиссякаемый источник там, где речь умолкает».*

Э.Т.А. Гофман

Творческая личность М.С. Шагинян, универсального мастера пера и энциклопедической образованности, магически притягивает нас к себе незаурядной эрудицией, заставляя восхищаться богатством своих дарований и разнообразием увлечений. Одним из них предстает *музыка*, по определению А.С. Пушкина, «*искусство дивного*», ставшая мощным стимулом ее духовного мира и литературного наследия: с ней она была *неразлучна* всю свою долгую жизнь. Более того, популяризация музыки в новом обществе доставила писательнице известное удовлетворение и гордость тем, что история призвала ее к благородной миссии строить и возвышать *отечественную культуру*. Именно в ней она видела главную опору человека в годы сложных социально-политических перемен, тяжелейших противоречий исторического развития новой России.

В той интеллигентской среде, где М.С. Шагинян родилась, выросла и вращалась, на музыку смотрели как на «неотъемлемую *составную часть всей культуры*», причем, такое понимание музыки росло и углублялось в ней с каждым возрастом. «В детстве оно выражалось в том, что в школе музыка была *предметом обязательным*, а в семье мы ее постоянно слышали. Мать моя была хорошей пианисткой, тетка – отличной певицей, а сестры, кузины и кузены обучались игре на каком-нибудь инструменте» [1,359]. По свидетельству М.С. Шагинян в мемуарах, именно ее мама, «музыкальный феномен», привила детям любовь к музыке на всю жизнь. Все, что ей приходилось слы-

шать в Большом театре и Дворянском собрании на концертах, она повторяла дома на рояле – для себя и для детей [10,119].

Мариэтта Шагинян-студентка навсегда запомнила, как действует ритм на все живое, отметила в музыке мелодию и гармонию, которые настраивают, возвышают, успокаивают душу, соединяют людей в одном воспитывающем действии, выявляют самые тонкие и прекрасные качества человеческой души. Из обязательного предмета образования и воспитания музыка для нее превратилась в потребность. Получив еще в школе *знание музыкального языка и умение следить за логикой его развития*, сформировав в себе слух и вкус к музыке, она уже не могла обходиться без нее: следила за концертами и новинками с партитурой, участвовала в публичных дискуссиях о стиле игры известных пианистов и музыкальных направлениях.

И в дальнейшем серьезная музыка постоянно сопровождала долгую жизнь М.С. Шагинян, становясь постоянной *духовной потребностью*. В зрелые годы, связанные уже с профессиональной деятельностью писателя, активным участием в общественной жизни страны, музыка для нее стала *проблемой культуры*, силой организующей, воспитывающей, «хранительницей культуры», а данное состояние музыки – показатель здоровья или неблагополучия культуры. Музыка обсуждалась в литературных и художественных кругах общества в философско-культурологическом аспекте уже не в отдельных ее проявлениях (тот или иной композитор, то или иное исполнение), а в самом существе, в ее связях с эпохой, с мирозерцанием, с основными вопросами бытия.

М.С. Шагинян настаивала на том, что «сейчас уже необходимо во всей остроте *понять и поднять проблему воспитания массового культурного потребителя искусства; без роста необходимого слушателя, читателя, зрителя уже нельзя двигать вперед искусство; потребление культуры становится рядом с производством культуры*» [2,483]. Более того, «простой старый слушатель музыки», как скромно она себя называла, продуманно требовал массового музыкального воспитания нашего народа за счет «выращивания множества хороших педагогов и оркестрантов». Ибо «рост и развитие советской музыки тесно связаны с ростом и развитием культурного потребления музыки наро-

дом, будет глубоко понят *творческий характер* хорошего преподавания в школе, будет окружен уважением и почетом» [2,486]. Одним из слагаемых *борьбы за музыкальную культуру* в стране должно быть уважение к музыкальным инструментам, понимание их исторической роли, стремление к чистоте композиции, чтобы держать на высоте и оркестровое исполнение.

Вот такой обширный общеполитологический, но в практической плоскости подход к музыке как *явлению культуры* определил творческую позицию большого художника. И потому далеко неслучайно *музыкальная стихия пронизывает* ее повесть-исследование о «чешском Моцарте» И. Мысливечке, ставшей «очень интересным *музыковедческим трудом*» (Д.Д. Шостакович). «И музыку его я *сразу полюбила* за то, что она показалась мне *моей музыкой*, музыкой строго логичной, наслаждение которой связано с процессом *отдохновенного мышления*. А мышление, как это хорошо знают думающие люди, отдыхает не тогда, когда оно молчит и не дается человеку, а лишь тогда, когда начинает работать и захватывает вас самой большой страстью, знакомой человечеству, – *страстью к познанию*» [1,49]. Звучит она в десятках музыкально-исторических очерков, посвященных великим композиторам С.В. Рахманинову и Д.Д. Шостаковичу, известным музыкантам Н.К. Метнеру и А. Спендиарову, современной музыкальной жизни нашей страны и за рубежом.

Благодаря присущей ей *гражданской и творческой активности*, М.С. Шагинян всегда находилась в гуще идейно-эстетических исканий и социокультурной жизни страны на разных этапах ее развития. Она была дружна и переписывалась с популярными композиторами Серебряного века С.В. Рахманиновым и Н.К. Метнером, посвятившими ей свои два романа «Муза» на стихи А.С. Пушкина, чем она весьма гордилась.

Музыка С.В. Рахманинова, развивавшаяся «в русле русской национальной классики, лиризмом своим смыкалась с Чайковским, но ей была присуща своя *особая холерическая мужественность*» [1,366-367]. Дружба с уже знаменитым композитором началась именно с любви М.С. Шагинян к его музыке, осознания его роли в предреволюционной русской культуре. Первое письмо к С.В. Рахманинову в Петербург, подписанное нотой Re, появилось из желания морально поддержать художника, «вло-

жив всю веру в него, какую мы испытывали», помочь ему ощутить свою значимость и необходимость в русском искусстве. Она упорно убеждала его, что он нужный народу творец, обязанный решить историческую задачу противостоять разладу и неразберихе в музыке и восстановить линию развития передовой русской музыкальной культуры. «Рахманинов, видимо, почувствовал эту волну нежности, пробившуюся к нему из Москвы, от московской молодежи, потому что сразу ответил на письмо – с готовностью беседовать, с удивительной добротой и всегда присущим ему легким, мягким юмором» [1,372]. Общение двух замечательных мастеров русского искусства, продолжавшееся с 1912 по 1917 годы, – особая страница их творческой биографии, блестяще рассказанная М.С. Шагинян в ее воспоминаниях о С.В. Рахманинове.

Каждое письмо к кумиру молодой поклонницы было для нее самой *творчеством*: убеждая его, она *училась дальше*, интенсивно осваивала то направление в искусстве, которое проповедовала как его собственное. Сущность «дружбы в письмах» и общения становилась весьма продуктивной: М.С. Шагинян превращалась в *глубокого знатока музыки, музыкального критика, музыковеда*. Уже пятое письмо к ней С.В. Рахманинова говорит об этом: «Вы меня удивительно метко описываете и хорошо знаете. Откуда? *Авторитетность Ваша тут вне сомнения...* Говорю серьезно!» [1,375]. И рядом с этим письмом в очерке особенно убедительно звучат ее раздумья о настоящей музыке.

Единственно верный критерий музыки – это *характер ее действия* на слушателя, убежденно заявляет М.С. Шагинян-музыковед, давая свои первые рецепты о важности духовного развития личности. Если она формирует, организует, поднимает ее душу, возбуждает благородные и мужественные начала в ней, помогает ей бороться с хаосом и стихийностью, с низменными началами характера, направляет ее на большие исторические свершения, наконец – гармонизирует и соединяет ее со всем человечеством, – значит, это *настоящая музыка*, идущая в авангарде своей эпохи.

М.С. Шагинян была современником, свидетелем и активным участником *созидательного процесса*, художником-творцом и в том смысле, что постоянно ощущала *ответственность* за нрав-

ственное состояние молодежи, считая своим первостепенным долгом способствовать *эстетическому и нравственному воспитанию* подрастающего поколения. Усилиями авторской воли писателя вся система идей ее наследия направлена на *обретение духовности* – в этом видела она задачу времени. Воскрешение Человека, обретение им духовно-эстетической цельности – только так понималась ею основа развития личности.

Очерки М.С. Шагинян о Д.Д. Шостаковиче составляют своеобразную *летопись* о том, как исторически воспринималась и какую роль сыграла в духовной жизни страны музыка великого композитора. Она «поднялась могучими хребтами своих симфоний, глубиной утверждения *новой человечности* в Пятой, широким и щедрым адажио в Шестой, мудростью человеческого, доброго «да» в Квинтете, этой жемчужине мировой музыкальной литературы» [3,435].

Именно Пятая симфония Д.Д. Шостаковича, по мнению опытного музыковеда и педагога, должна послужить основой *для приобщения ищущей личности* к высокому миру искусства. Она отталкивается от своей убежденности (и мы с ней полностью согласны): ничто так не повредило музыкальной культуре человечества, как стремление «околомузыкальных» людей примитивно разъяснять слушателю музыкальное произведение как рассказ словесными образами и словесным сюжетом. Но главная беда тут в другом. Когда слушатель приучается следить за музыкой по переводу ее на словесный язык, т.е. непрерывно ассоциировать ее с указаниями в программе, он тем самым *теряет возможность слушать музыку* в ее собственном, музыкальном речении, следовать за развитием ее собственного, музыкального языка, потому не вырабатывает настоящего понимания музыки. Ведь музыка и есть этот *особый язык*, имеющий свою грамматику, свой синтаксис, свои законы построения и связи. Люди изобрели *нотопись*, где этот язык пространственно записывается и его можно прочесть глазами. Грамотное чтение нот, с умением напеть их про себя, с правильным схватыванием ритма, должно было бы стать достоянием *каждого человека*, кончающего среднюю школу [4,443].

Давайте представим себе такого идеального рядового слушателя, – увлеченно предлагает большой знаток музыки, – и пове-

дем его на Пятую симфонию Д.Д. Шостаковича в исполнении оркестра Ленинградской филармонии под управлением Е.А. Мравинского. Когда «вступили в разговор» духовые инструменты и мелодия стала расти и развиваться, слушатель уже ощутил с первого внутреннего толчка, что это *есть*, что перед ним настоящее, большое симфоническое искусство. Что от этого нельзя оторвать свой слух, и он будет идти за ним и слушать его до конца. Музыка дала возможность остро пережить *ценность жизни*, подняла *к вершинам самоощущения*, обогатила, научила новому, организовала чувство и мысль. Она выпустила из своей «лаборатории восприятия», где слушатель провел меньше часа, как бы *нового человека с повышенным тонусом* требований к себе и окружающему миру. Дать человеку почувствовать пережитую эпоху как его собственную личную судьбу может только великое искусство. Зрителя увлекло такое искусство, когда этап за этапом, год за годом охватила его музыка Шостаковича, сплетенная с содержанием нашей эпохи. «Я ушла с концерта, как всегда после музыки Шостаковича, *с мужеством и огромной духовной бодростью*» [5,473].

Не забывает дать высокую оценку поклонница музыкальных талантов и певцам-исполнителям, считая это своей «священной обязанностью» и признаваясь в любви к ним. Заставил ее «задуматься над тайной исполнения, тайной передачи вокала исключительный по красоте бас Евгения Нестеренко». В его блестящем исполнительском мастерстве и манере пения она увидела представителя *русского характера в искусстве*, ибо нравственное существо человека – это «лоно, на котором вырастает подлинное искусство» [8,478-479]. М.С. Шагинян продолжала оставаться оригинальной и убедительной в различных проявлениях своего искреннего преклонения перед музыкой, композиторами и исполнителями.

В известных мемуарах она назвала «главным чудом» пение Ф. Шаляпина в роли Демона в одноименной опере А. Рубинштейна. Его игре придавало бесспорную власть обаяние «сверхчеловечески прекрасного голоса со всеми его оттенками». Бросалась в глаза «культура в соразмерности огромного актерского бытия с его окружением... Я имела огромное счастье увидеть и услышать Шаляпина. Он по своему прочитал Лермонтова, пора-

зил беспредельной, разрывающей сердце *жалостью* к страшной фигуре Люцифера... То было первое настоящее соприкосновение всех моих чувств с гением искусства» [10,204-206].

Понимая всю важность и масштабность актуальной государственной проблемы духовного развития личности и общества, М.С. Шагинян как опытный наставник-педагог и мыслитель ответственно заявляла в своих работах о музыке и музыкантах, что заглядывает, вероятно, слишком далеко вперед, через верхушки годов. Они еще не пройдены, но *«лучше заглянуть преждевременно, чем опоздать сказать нужное для своего времени»* [2,483]. Она успела сказать это очень «нужное» не только для своего времени, но и для нашего, сегодняшнего...

Литература

1. *Шагинян М.С.* Воспоминания о Сергее Васильевиче Рахманинове // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М., 1988.
2. *Шагинян М.С.* Письмо съезду советских композиторов // Там же.
3. *Шагинян М.С.* Дмитрий Шостакович // Там же.
4. *Шагинян М.С.* Пятая симфония Шостаковича // Там же.
5. *Шагинян М.С.* Слово и музыка (На концерте Н. Юрневой) // Там же.
6. *Шагинян М.С.* Утоление и благодарность (С авторского концерта Дмитрия Шостаковича) // Там же.
7. *Шагинян М.С.* Бессмертие // Там же.
8. *Шагинян М.С.* Евгений Нестеренко // Там же.
9. *Шагинян М.С.* Письма Николая Метнера // Там же.
10. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления // Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. М., 1986.

ПОНЯТИЕ «ОБРАЗОВАНИЕ» В НАСЛЕДИИ М.С. ШАГИНЯН И Ю.А. ЖДАНОВА

«Когда взрослые люди вспоминают о своей школе, в их памяти встают не здание, классы и программы уроков, а образы учителей» – людей отдачи, профессия которых покоится на «непрерывной отдаче другим того, что у этих других пока отсутствует, но дозарезу необходимо им для жизни», а берущие, «подобно галчатам», которые разевают «клювики для получения духовной пищи» [4,86-87]. Читая эту сентенцию Мариэтты Шагинян в статье «Об учителе», мне сразу приходит на память Учитель с большой буквы – Юрий Андреевич Жданов, крупный ученый-химик, известный методолог науки, философ и культуролог, ректор РГУ, крупнейший организатор науки и образования на юге России.

«Профессор, который только читает курс, а сам не работает в науке и не двигается вперед, – не только бесполезен, но прямо вреден. Он вселит в начинающих мертвящий дух классицизма, схоластики, убьет их живое стремление», – это утверждение Д.И. Менделеева [Цит. по: 2] было краеугольным положением Ю.А. Жданова в его оценке труда истинного профессора университета. Юрий Андреевич был блестящим лектором, его лекции всегда основывались на самых последних достижениях науки. Они отличались силой логики, аргументированностью доводов, яркостью, и были способны оторвать слушателей от повседневной обыденности, чтобы задуматься над главным и существенным. Они поражали обилием разнообразных фактов, неожиданным их сочетанием и обобщением. Из его выступлений слушатели узнавали, как человечество постигало мир в научной поэзии Лукреция Кара или пронизательно насмешливых «Опытах» Мишеля Монтеня, в философских повестях Франсуа Мари Вольтера, Дени Дидро и «Персидских письмах» Шарля Монтескье; как новые поколения оттачивали свой интеллект, штудировав «Письма об изучении природы» Александра Герцена, осваивая изящные логические парадоксы в сказках Льюиса Кэрлла, погружаясь в глубины блестящей научной полемики «Капитала» Карла Маркса, «Диалектики природы» Фридриха Энгельса или

«Материализма и эмпириокритицизма» Владимира Ильича Ленина. Глубину научной аргументации, – по свидетельству доктора искусствоведения Л.В. Усенко, – Ю.А. Жданов дополнял популяризацией сложнейших научных проблем, поставленных в занимательных книгах Григория Перельмана, рассказах о жизни замечательных ученых Даниила Гранина, цитированием наизусть «Гимна науке» Валерия Брюсова или апеллирующей к научной публицистике Мариэтты Шагинян [3,219-220].

Что же *роднит* педагогические воззрения Юрия Андреевича Жданова и Мариэтты Сергеевны Шагинян, несмотря на то, что первого тревожили проблемы высшей школы, а вторую – темы воспитания и образования в общеобразовательной школе?

Во-первых, на чем необходимо остановиться, – это, конечно же, не то, что средняя школа и вуз призваны оказывать *образовательные услуги*, а подъем уровня «интеллигентности всего народа», чтобы «открытия одиночек... вошли в общее сознание, в общую культуру мысли народной. И проводником этой интеллигентности должен стать учитель». И для Ю.А. Жданова, и для М.С. Шагинян понятия «*интеллигентность*» и «*специализация*» не равнозначны. Интеллигентность для Мариэтты Сергеевны – это «умение связно представлять себе широкую картину мира»; умение разглядеть в научных достижениях связь друг с другом; умение понять значение прошлого для развития дня сегодняшнего; умение чувствовать интерес к будущему; способность «мыслить *самостоятельно*»; наконец, способность «освоить целостную картину мироздания», без которой «не будет понимания и ее деталей» [4,88-89]. Школа, как «мастерская гуманности», по убеждению М.С. Шагинян, «должна выпускать человека не только знающим, но и способным действовать, т.е. прилагать свои знания к делу, и передающим свои познания другим» [4,66]. Ю.А. Жданов считал «важной миссией университетов: служить очагами культуры». Не случайно он делил города «на университетские и неуниверситетские», полагая, что университет – «учреждение учебное, но базой учебного процесса здесь может служить только научная работа всего коллектива: от студента до профессора» [1,248], а выпускаемые специалисты должны обладать широтой и глубиной научного кругозора и высоким культурным потенциалом.

Во-вторых, Ю.А. Жданов постоянно настаивал, что наука без образования бесплодна, а образование без науки превращается в «образованщину», в тормоз для развития творческих способностей молодежи, в консервирование устаревших сведений, в трансляцию поверхностных, ложных представлений, и только множит начетчиков, верхоглядов и резонеров. Они есть две противоположности единого целостного процесса познавательной, мыслительной деятельности. Характеризуя воспитательное значение учебного процесса, основанного на научных знаниях, он подчеркивал, что занятие наукой позволяет отделить случайное от существенного, закономерное от преходящего, объективное от субъективного, истину от мифов, «вырабатывает у человека строгий, объективный подход к окружающей действительности», а по сути дела, есть «воспитание в человеке честности, объективности, внутренней самокритичности» [1,169].

Но о том же самом писала и М.С. Шагинян, когда выделяла «самое главное», что дает наука студенту университета, а именно – «резерв» образованности. Этот «резерв», конечно, можно в университете недополучить, растратить или после его окончания перестать пополнять багаж знаний. «Плох тот учитель, кто идет в класс с наличием только того знания, какое нужно для проведения данного урока», – восклицала Мариэтта Сергеевна. При этом для учителя все превращается либо в механические «от и до», в сорок минут взаимного «вытерпевания» учителя и учеников до освобождающего звонка с урока, либо в настоящую трагедию и обучающего, и обучающихся. Причем, «резерв» нужен во всяком деле – «в промышленности, в здоровье человека, в акте художественного творчества, в планировании, даже в любви человеческой». «Резерв» есть нечто такое, что не расходуется «тотчас и целиком», но обязательно сохраняется «на всякий пожарный случай». «В производстве у вас непременно должен быть некоторый резерв сырья, чтоб не очутиться в трудную минуту перед остановкой процесса; при изготовлении – покрое, литье, формовке – нужен «припуск», лишнее, чтоб не случилось трагической нехватки. Какой-то процент избытка при здоровье необходим для перенесения болезни». Но особенно отсутствие «резерва» образованности и зрелой интеллигентности, – настаивала М.С. Шагинян, – ощу-

щают дети в тех, кто им преподает. И в ее время необходимый процент выпускников с *университетским* образованием, «кто проявил исключительную способность к творчеству науки и кого решали оставить сами профессора», оставались в своей *Alma mater* для чисто научной работы. Но и большое количество студентов университетов «шла на заработок своего «куска хлеба» преподавателями в средние школы». В начале XX века наука развивалась еще не столь быстрыми темпами, поэтому университетское образование носило тогда широкий характер, и к нему «неизбежно примешивался оттенок эпохального осведомления обо всем, что делалось в мировой науке» [4,215-217].

Вчерашнего выпускника университета, овладевшего наукой и превратившегося в учителя, вряд ли еще можно считать настоящим педагогом, пока он сам не разовьет в себе в процессе преподавания качество творческой личности, способной передавать «свои мысли, свое знание, свою захваченность наукой не в пустоту», ибо перед ним «живая, воспринимающая сила, настроенные на прием сердца, ... живая почва, куда падает его семя». Получается, что в образование учителя нужно вкладывать горение души, которое поддерживается «топливом», т.е. наукой. «Чтоб зажечься и зажечь, нужно испытать огромный интерес к системе наук», вдохновиться этой совокупностью знаний «на передачу ученикам». Причем, «основной познавательной стихией урока» должно быть вовсе не изложение учителем учебника, а то, что он дает «между строк» учебника, тот большой «резерв» образованности, который он приносит с собой на урок и отдает ученикам всей своей личностью интеллигентного человека [4,87-89]. Только такие педагоги и остаются в нашей памяти...

Таких педагогов Мариэтта Сергеевна называла «*уважаемыми учителями*», ибо в процессе преподавания происходит одновременное диалектическое взаимодействие *даяния* и *получения*. В настоящем преподавании учитель не только дает, но и получает, – он растет, развивается вместе с классом на протяжении всего учения. «Незаметно от резерва образованности в учителе, от получения избытка знаний – утверждала она, – интеллигентность класса росла, росла сама собой» [4,231-232].

В-третьих, завершая рассмотрение вопроса о единстве образования и воспитания, автор главы «Школа» книги «Человек и

время» подчеркивала, что сила действия учителя, обучающего и воспитывающего учеников, прививающего им положительные навыки, должна состоять в «органической сплетаемости чего-то узнанного умом с чем-то вошедшим в волю и совесть», и особенно настаивала, что она зависит от «личности самого учителя, от его персонального обаяния, от оригинальности его характера, от выразительности и интересности его поведения в классе». Только сам педагог, несущий в себе связь мышления с деланием, сознания с нравственностью, разума с поведением, сам *интеллигентный человек*, «если он не формалист, не сухарь, не превращается в «от – до», может в школе «образовывать», то есть давать цельный образ ребенку, ученику, одновременно снабдив его знанием и нравственными устоями, одновременно научив и воспитав» [4,245-246].

Исходя из педагогических воззрений Юрия Андреевича Жданова и Мариэтты Сергеевны Шагинян, можно сформулировать следующее определение понятия «*образование*». Образование – это социально организованный целенаправленный процесс воспитания и обучения исторически накопленным знаниям и опыту путем трансляции его новым поколениям от их предшественников. Будучи единством обучения и воспитания, образование направлено на получение учениками научно обоснованных знаний, осмысление и усвоение человеческих ценностей, понимание их значения в жизни индивида, выработку и закрепление навыков критического и творческого мышления, выработку знаний и умений того, как стать и быть нравственно и интеллектуально зрелой личностью.

Литература

1. Жданов Ю.А. Светлые мысли, четкие идеи. (Статьи из периодики прошлых лет). Ростов-на-Дону, 2009.
2. Тищенко В.Е., Младенцев М.Н. Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. Университетский период: 1861-1890 годы. М., 1993.
3. Усенко Л.В. Философия культуры и мир природы глазами Ю.А. Жданова // Научное наследие Ю.А. Жданова и современные проблемы моделирования сложных социосистем (на материалах Юга России). Ростов-на-Дону, 2012.
4. Шагинян М.С. Проблемы образования и воспитания. Ростов-на-Дону, 2018.

М.С. ШАГИНЯН О РОЛИ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Дискуссии о ситуации с системой образования в нашей стране не прекращаются уже более четверти века. Все это время сфера образования находится в состоянии реформирования, что определяется не только мировыми тенденциями, связанными с движением от индустриального к информационному обществу, а в нашей стране – еще в большей мере – с теми трансформациями, которые претерпело общество в конце 1980-1990-х гг. с переходом от социалистической модели модернизации общества к капиталистической, рыночной.

Формирование в России рыночного общества, общества потребления, определили отказ от прежних представлений об образовании как социально-значимом благе, гарантируемом государством, провозглашение формулы: образование – услуга, предоставляемая обществу и отдельным гражданам на конкурентной основе [См.: 1,220-251].

Сильное деформирующее воздействие со стороны рыночной культуры привело к тому, что изменилась идеология образования: не развитие человека, не заложенные в нем задатки и способности, а формирование эффективных и конкурентоспособных выпускников. Это привело к стремительной девальвации учительского труда, знаний, просвещения, к формированию новых форм неравенства в стране, падению интереса к фундаментальному теоретическому знанию, к деградации гуманитарных наук, деформациям складывающейся системы ценностей учащихся школ и вузов, сводящихся, как свидетельствуют социологические опросы, к индивидуальному благополучию, эгоизму, успеху любой ценой [См.: 1,238-239]. Молодежь, которая исповедует эти ценности, не способна обеспечить динамичное поступательное развитие общества.

В результате исследователи отмечают снижение уровня реального образования, его кризисное состояние и необходимость

искать пути выхода из него [См.: 1,237]. Многие аналитики считают, что необходимо пересмотреть сложившуюся в нашей стране в конце XX – начале XXI в. стратегию модернизации отечественного образования с учетом лучших достижений в этой сфере, прежде всего, отечественных.

В этой сложной, но очень ответственной работе, от которой зависит будущее нашего общества, очень полезным может быть осмысление концептуальных идей, посвященных системе образования, замечательного художника слова, мыслителя Мариэтты Сергеевны Шагинян, особенно содержащихся в ее монументальном завершающем труде «Человек и время. Опыт человеческого становления» (М., 1982).

В этой работе М.С. Шагинян отмечала, что проблемы образования, школы, учителя занимали ее «всю сознательную жизнь» [2,82]. В своих размышлениях об этих проблемах она опиралась на свой большой жизненный опыт, труды выдающихся педагогов – Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, достижения не только западных педагогических школ, но и восточных [2,74,107-113].

При этом у М.С. Шагинян не возникало и тени сомнения в том, что образовательная деятельность является общественным благом (а не «услугой»). Такое ее представление базировалось на классической гуманитарной парадигме образования. Не случайно писательница предпослала своей главе «Школа» в книге воспоминаний эпиграф из древних памятников индийской мудрости «Веды», «Упанишад»: «Тот, кто учится ... спит хорошо и становится собственным врачом. С учением связаны самообладание, целеустремленность, повышение уровня знаний, созревание человечности» [2,70]. Мариэтта Сергеевна писала об образовании, учении как пространстве развития человека, опираясь и на мысль Я.А. Коменского о школе как «мастерской гуманности» [3,422].

Центральной проблемой любой системы образования М.С. Шагинян считала проблему учителя. Она видела ее многоплановость: «Раздумывая над этим, я упиралась и упираюсь по сию пору в некоторые факты... в экономику положения учителя, его места в обществе; его образование – раньше университетское (широкое, на широком фоне знаний), сейчас – педагоги-

ческо-институтское (более узкое и специальное); в общем и у нас, и в большей части европейских стран нежелание молодежи избирать профессию учителя...» [2,107].

Опираясь на свои воспоминания, жизненный опыт и размышления о том, какие учителя московской гимназии Л.Ф. Ржевской, в которой она училась, особенно запомнились, оказали наибольшее влияние на нее и других гимназистов, М.С. Шагинян выделяла их характерные черты. Главным, определяющим качеством лучших учителей, по убеждению М.С. Шагинян, был «резерв» образованности, широта эрудиции и кругозора [2,95,98-99]. Оно было следствием того, что учителя в дооктябрьский период «приходили преподавать в среднюю школу с университетским (выделено – М.Ш.) образованием» [2,96]. Поясняя характерные черты образования, которые получали выпускники классических университетов, М.С. Шагинян отмечала: «Образование в университете носило тогда широкий, общий характер, и к нему неизбежно примешивался оттенок эпохального осведомления обо всем, что делалось в мировой науке». Поэтому воспитанники университетов, если они приходили в школу, приносили в класс «знание многого, чего нет в учебниках и не вычитаешь в пособиях» [Там же].

М.С. Шагинян приводила конкретные примеры такой эрудиции своих гимназических учителей: известного историка А.А. Кизеветтера, преподавателя русской литературы И.Н. Розанова, сестры А.П. Чехова – М.П. Чеховой [2,88-89,102-103]. Вот как она характеризовала процесс преподавания естествознания Слудского: «Он очень интересно вел свой предмет, он вводил в него современность, размыкая рамки времени, – например, стоило посетить Россию какому-нибудь крупному ученому или произойти научному конгрессу, или выйти очень важной книге по его «научному профилю», как мы тотчас узнавали об этом от него «в порядке рабочего дня». Он также «интересно умел подать и прошлое» [Там же].

Писательница выделяла еще одно важное свойство лучших преподавателей, которое обеспечивало интерес, увлеченность гимназистов процессом учения: «Само отношение учителя к преподаваемому предмету»: «Было ясно..., – писала она, – что

уважаемый нами учитель (разумеется, не все были такими!) хозяйствует над своей наукой, потому что любит ее и овладел ею» [2,99]. М.С. Шагинян отмечала, что эрудиция учителя, его увлеченность своей наукой, любовь к ней придавали учителю «обаяние, без которого нельзя полюбить того, кто учит нас» [2,122]. Она выделяла еще одну характерную черту преподавания лучших учителей гимназии: «свободные, индивидуальные методы их, вытекавшие из увлечения своим предметом, а главное – из того общего резерва знаний, накопленного в университетах» [Там же].

Еще одно важнейшее качество лучших учителей, подчеркивала М.С. Шагинян, – единство образования и воспитания в их педагогической деятельности, умение не только обучать учащихся, но и воспитывать их, прививать «положительные навыки», отучать от «отрицательных», используя при этом «моменты в самой науке, то есть в своем учебном предмете, которые влияли бы на учеников воспитывающее» [2,113].

М.С. Шагинян свидетельствовала о том, что, поскольку большинство учителей в гимназии были культурными, интеллигентными людьми, они формировали в своих учениках порядочность, непринятие мещанства, человеческое достоинство, умение самостоятельно мыслить, опираясь на такие передовые методы преподавания как проблемный характер обучения, исторический метод освоения процессов и явлений [2,101,103,106].

Настаивая на необходимости формирования самостоятельно мышления школьников, писательница критически относилась к широкому использованию тестов в учебном процессе, «которые требуют у детей больше находчивости, сообразительности, ловкости, чем настоящего обдумывания, глубокого мыслительного процесса» [2,103].

М.С. Шагинян подчеркивала, что интегративным фактором, который определяет эффективность труда учителя, является его личность, его творческий потенциал. Она ссылалась на воспоминания разных людей о своих учителях. «Вспоминали они не содержание урока, не стандарт, общий для всех школ, а нечто характерное, индивидуальное, присущее своим учителям: их особенности, жесты, походку, манеру вести урок, – и вместе с

этим неповторимым, личным, запомнившимся в учителе, – то ценное, что было от него получено, может быть – в одной фразе, в одном наказанье, в одной похвале. Учитель на всю жизнь запоминается людям как личность, как характер, как индивидуальность» [2,116]. М.С. Шагинян вновь и вновь выделяла мысль о том, что успешное образование и воспитание зависит «от личности самого учителя, от его персонального обаяния, от оригинальности его характера, от выразительности и интересности его поведения в классе» [2,117].

Будучи мыслителем, М.С. Шагинян стремилась ответить на вопрос и проанализировать, – почему именно личность преподавателя, а не его методика, оказывают решающее воздействие на учащихся в образовательном и воспитательном процессе. Вот как она определяла причины и составляющие этого явления. «Человек – в данном случае педагог, – отмечала она, – только человек (выделено – *М.Ш.*) несет в самом себе связь мышления с действием, сознания с нравственностью, разума с поведением, – и только сам человек ... может в школе «образовывать», то есть давать цельный образ ребенку, ученику, одновременно снабдив его знанием и нравственными устоями, одновременно научив и воспитав» [*Там же*]. Этими важными теоретическими обобщениями М.С. Шагинян прозорливо предостерегала против современных увлечений дистанционными методами обучения, чрезмерного упования на новейшие технические средства обучения. Определяющее значение в образовательном процессе имеет личность учителя, ее потенциал, творческое начало, совершенное владение предметом, который преподает; обаяние, широта кругозора, любовь к учащимся.

Исходя из своей концепции о решающей роли личности в образовательном процессе, М.С. Шагинян определила главную проблему процесса совершенствования учителей – «без свободного развязывания творческой инициативы педагога, без свободного проявления его творческой личности, без внимания к его индивидуальности, характеру, склонностям... мы не сможем создать нужный нам тип» педагога [*Там же*].

Представляется, что эти глубокие теоретические мысли и обобщения М.С. Шагинян не потеряли своей актуальности, мо-

гут способствовать модернизации системы образования в нашей стране, отвечающей современным потребностям российского общества.

Литература

1. *Хагуров Т.А.* Кризис модерна и образование // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2011. Вып. 10. М.-СПб., 2011.
2. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.
3. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1973.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ М.С. ШАГИНЯН И ИХ МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В разные годы своей длительной творческой жизни Мариэтта Сергеевна Шагинян стремилась получать новые знания и навыки, она изучала иностранные языки, историю литературы, историю философии, политэкономии, физику, математику, минералогию, геологию, геодезию, электропромышленность, прядильно-ткацкое дело, энергетику и др. Вполне естественно, что образованию и педагогике она придавала огромное значение, оставив нам огромное литературное наследие. В своей жизни она не только училась, но и работала лектором, инструктором ткацкого дела, статистиком, историографом на ленинградских фабриках. Годы Великой Отечественной войны провела на Урале корреспондентом газеты «Правда». Вся ее творческая жизнь была насыщена различными событиями и судьбоносными встречами.

М.С. Шагинян всегда боролась за высокие нравственные ценности – идейную убежденность, трудовой энтузиазм, патриотизм. В образовательном процессе Мариэтта Сергеевна Шагинян ставила на первое место трудолюбие, добросовестность, справедливость, честность, сочувствие, порядочность.

М.С. Шагинян разделяла систему воспитания выдающегося педагога А.С. Макаренко, который большое значение придавал воспитательному воздействию семьи и коллектива, трудовой деятельности, придерживался в высшей степени демократичного характера общения в процессе любой совместной деятельности взрослого и ребенка. А.С. Макаренко глубоко верил в то, что педагогическое мастерство воспитателя может быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники. Многогранность и широта его воспитательной системы, ее открытость и диалектичность оказали значительное влияние на становление педагогики как науки, формирования методов образования, нравственного развития и творческого воспитания подрастающего поколения. Спустя десятилетия макаренковская система становится все актуальнее для новых поколений. Сбы-

вается предсказание Мариэтты Шагинян: «Эра Макаренко началась полвека назад и заглохла. Ей принадлежит будущее. Сам народ поставит его методику в фундамент нового общества». Научное и художественное наследие выдающегося педагога нового времени по справедливости и логике истории сыграет свою роль в развитии теоретической мысли, займет достойное место в жизни школы, вуза, трудового коллектива, каждого из нас.

«Творчество учителя – творчество ученика» – таков девиз педагогов-новаторов. Увлеченность своим предметом, умение построить урок так, чтобы все ученики участвовали в учебном труде, любовь к детям, уважение к личности ребенка с того самого дня, когда он впервые переступил порог школы, – вот что отличает настоящего Учителя.

В своих произведениях, изучая опыт учителей XIX – начала XX вв., М.С. Шагинян говорила об объединяющем их качестве; они были «людьми отдачи». Она писала: «...это свойство людей, профессия которых покоится на непрерывной отдаче другим духовной пищи, так они находят в этом самих себя и дело своей жизни». Размышляя о совокупности знаний, авторите учителя и непростою их деле учительства, она настаивала на «горении» их души, без которого невозможно «заразить» будущих педагогов, без той способности «зажечься» и «зажечь», для того чтобы делиться своими знаниями с детьми. Для этого, по ее словам, необходимо испытывать огромный интерес к системе наук, всей их совокупности, которая состоит в основе образования. Так же она размышляла на тему о роли вдохновения в педагогической деятельности, рассматривала его как духовное состояние, которое должно наполнять душу учителя. «Все достижения и трудности на пути развития нашего общества, как в зеркале, отражаются в школьном деле», – полагала Мариэтта Сергеевна.

В работе «Человек и время» во главу угла она ставила важную составляющую – интеллигентность. По ее мнению, интеллигентность – это тот общий образовательный фон, который делает человека грамотным членом общества своего времени. В ее понимании интеллигентность – это всестороннее развитие интеллекта, личность самостоятельно мыслящая с широчайшим горизонтом.

В образовательном процессе школьников значительное место Мариэтта Сергеевна отводила преподаванию литературы, музыки, изобразительного искусства, которые помогают более глубоко освоению нравственно-эстетических идеалов художника, лучшему пониманию запечатленных в произведении картин жизни, которые обращаются к миру учащегося, к его чувствам и эмоциям, активизируя при этом процесс сопереживания и соучастия.

На протяжении всей своей жизни темам образования и воспитания она посвятила долгие десятилетия своих исследований. Вспоминая школьные годы, свой опыт ученичества, М.С. Шагинян, вовлеченная в самую гущу событий (в политике, общественной и культурной жизни), любящая свою страну и остро переживающая за ее будущее, анализируя и оценивая прошлое России, остро воспринимала проблемы образовательного процесса. Формирование новой человеческой личности, образ ребенка и ученика, творчество учителя и ученика привлекали писательницу постоянно. Ее творческое наследие может быть полезно для всех, кто связан с педагогической деятельностью. По словам М.С. Шагинян, чтобы дети почувствовали широту школы, она должна стать средой для их роста.

Мариэтта Сергеевна Шагинян являлась страстным поборником утверждения подлинных человеческих отношений, и не мыслила себе развитие общества без образованного и воспитанного человека. В ее представлении образование и воспитание – это многомерная деятельность, которая должна охватывать все объекты науки и культуры в поисках развития духовного потенциала человека. М.С. Шагинян размышляла над тем, чему и как учить, какие черты и качества закладывать с самого детства, а от каких следует отказаться вовсе.

Сильно беспокоили М.С. Шагинян проблемы невежества и бескультурья, эгоизма и хамства. Она размышляла над тем, как эти проблемы можно преодолеть. Ее также волновало, – можно ли получить в школе знания, которых будет достаточно на всю оставшуюся жизнь. М.С. Шагинян проявляла большой интерес к творчеству учителей. В ее багаже накопилось предостаточно опыта о лучших учителях школ. Для нее были не пустыми понятиями доверие, порядочность, совесть и честность, вежливость и

ответственность, которые она считала обязательными и главными в любом деле, и прежде всего, в труде учителя.

Идеи М.С. Шагинян актуальны и сегодня в современной образовательной системе, и соотносятся с требованиями, предъявляемыми к образовательно-воспитательному процессу. Современному учителю просто необходимо обратить внимание как на теоретическую, научно-обоснованную, так и на практическую эффективность методологических принципов, технологий и методик, которые сложились в рамках передовой отечественной педагогической мысли прошлого.

Сегодня в условиях всевозрастающей значимости образования в условиях информационного общества, непрерывность образования ставится во главу угла. Именно об этом размышляла Мариэтта Сергеевна в своих многочисленных работах, собственным примером не раз доказывая необходимость получения новых знаний на разных жизненных этапах человека. Сегодня часто звучат слова: *кто владеет знаниями, тот владеет миром*. Знания требуют постоянного развития, обновления. Поэтому на первый план выдвигается задача непрерывного образования, охватывающего всю жизнь человека. Непрерывное образование рассматривается как руководящий принцип во всех странах мира. Его реализация направлена на достижение гармоничного развития личности и прогресса в преобразовании общества.

Ученые полагают, что в нашу эпоху важным средством непрерывного образования является дистанционное обучение через сеть Интернета. Оно способно предоставить равные возможности для получения образования высокого уровня всем желающим, независимо от места их проживания, возраста и т.п., однако нельзя забывать, что непрерывное образование – это, прежде всего, самообразование. Его содержание определяется самим человеком, проявляющим личный интерес к приобретению знаний в области науки, техники, культуры и т.д. Велика роль самообразования в повышении культуры личности. Основным источником самообразования – чтение, изучение литературы. Огромное внимание М.С. Шагинян уделяла самообразованию и чтению, старалась сама и советовала другим всегда проникать в смысл прочитанного, говорила о чтении, как о творческом труде, требующем концентрированного внимания, серьезного и

вдумчивого, непрерывного размышления о прочитанном. Кроме книг, журналов, газет, самообразованию способствует прослушивание лекций, посещение музеев, выставок и т.п.

Именно об умении приобретать и постоянно обновлять знания, применении их в различных ситуациях, овладении достижениями отечественной и мировой культуры; понимании, что культурный человек продуктивно участвует в коллективном труде, взаимопонимании в общении, подготовленности к самостоятельному творчеству, и пользовании гражданскими правами, инициативе и самостоятельности, ответственности в принятии и выполнении решений всего того, на что сегодня обратил свое пристальное внимание современный образовательный процесс (и еще в XX столетии), – так много писала М.С. Шагинян.

На современном этапе развития педагогической науки остро стоит проблема демократизации образовательного процесса и его гуманистической направленности. Гуманизация и личностная ориентация являются доминирующими принципами сферы современного образования, наравне с большим вниманием к духовно-нравственному воспитанию. Современный педагог должен не только иметь способности к культурному развитию, творческому сотрудничеству с детьми и исследованию, а также должен быть способен оригинально формировать и решать стоящие перед педагогической практикой задачи. Именно эта особенность является своевременной и столь необходимой в современном образовании и воспитании. И М.С. Шагинян в свое время отдала немало сил и стремлений изучению этой проблемы. Возрождающийся интерес к творческому наследию Маризэты Сергеевны Шагинян, имеющий большой гуманистический потенциал, должен быть активно использован в деле изучения, распространения и использования в образовательной и социальной практике современной школы.

М.С. ШАГИНЯН О РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ

Современная социальная жизнедеятельность индивидов отличается высокой степенью динамичности, сложности, превалированием проблемных ситуаций на работе и в быту. Индивиду бывает очень нелегко найти способы и формы соответствующего адекватного реагирования на эти сложные проблемы. В этом же социальном и экзистенциальном контексте живут и развиваются дети, которым зачастую даже сложнее, чем взрослым находить в тех или иных ситуациях адекватные способы реагирования на столь трудные проблемы. Развитие навыков адекватного реагирования наших школьников на сложные ситуации, с которыми они сталкиваются в учебе и жизни, предполагает развития у них соответственно подвижности и гибкости мышления, воображения, интуиции. Способности вырабатывать оригинальные идеи. Все это и можно определить как развитие творческих способностей детей.

Осмысление проблем, связанных с пониманием методов и способов развития творческих способностей у школьников, будет соответствовать своему смыслу и творческому содержанию при условии, когда решение этих проблем мы будем искать не только в работах педагогов-теоретиков, – а обращение педагогической науки к этим вопросам правильно, необходимо, – но и в книгах и статьях наших деятелей культуры и искусства, писателей и художников, для которых *творчество* является занятием профессиональным.

К числу таких *творцов*, безусловно, относится наша выдающаяся писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян. Вопросы обучения, образования в его сущностном и сокровенном смысле – придание нового духовного образа обучаемому – Мариэтта Сергеевна всегда рассматривала на самом глубинном, профессиональном уровне. К ним она обращалась фактически на протяжении всей своей уникальной жизни. Этой проблематике посвящено множество ее работ.

Тексты писательницы по вопросам образования свидетельствуют, что особое значение для решения задач, связанных с развитием творческих способностей учеников, она придавала одному из действительно лучших достижений нашей отечественной педагогике прошлого столетия – проблемному обучению. Очень точно переосмысливая достижения советских педагогов-новаторов, М.С. Шагинян показывала, что именно благодаря этому методу открывается возможность решать наиболее сложные образовательные задачи: выработка у школьников способностей к самостоятельному мышлению; умению выйти на уровень понимания первооснов изучаемых дисциплин; творческого усвоения содержания изучаемого материала и др. Писательница пронизательно указывала на то, что проблемы, которые становятся основным средством творческого усвоения материала дисциплин, не стоит специально искусственно придумывать, каким-то сложным образом конструировать. Обращаясь к опыту разработки проблемного обучения, который практиковали педагоги русских дореволюционных учебных заведений, и с которым она была хорошо знакома по своему гимназическому образованию, Мариэтта Сергеевна писала: «Мы не выдумывали, не добавляли, не продолжали, не создавали проблем. Но мы постигали проблему, переживали чудесное озарение мозга, перед которым открывается проблема (открывается, а не решается или создается!), – и первый урок мышления как раз и заключается в том, чтобы понять природу проблемы, понять – что она такое?... Она заключается в контрастном положении вещей друг к другу, контрастном положении одной части вещи к другой ее части одновременно, и в таком контрастном, которое, в природе своего совместного положения, носит одновременно и возможность своего разрешения» [1,229]. Обращаясь в этом плане к своей современности (работа была ею написана в 1971 году), Мариэтта Сергеевна показала развитие традиций проблемного обучения педагогами-новаторами уже этого исторического периода. «У нас есть интересный педагог-мыслитель Эрдниев из Элисты, – писала она. – Он создал новый учебник арифметики для начальных школ... Эрдниев предложил одновременно сразу, в тетрадке, в учебнике, на доске постигать сложение и вычитание как действия одного порядка, как контрастные действия, заложен-

ные в одном мыслительном процессе, как две стороны одного целого. Обучение по его методу сократило время обучения арифметики в школе чуть ли не вдвое. Но эффект его новой методики не только в этом: она, эта методика, сделала шаг вперед и в работе детского мозга, научила его первому дыханию проблемности – чувству контраста» [1,230].

Мариэтта Сергеевна осмысливала и разрабатывала требования к работе и критерии оценки качеств личности самого педагога, развивающего у школьников творческие способности. «Учитель, стоящий в классе перед группой своих учеников, пусть даже влюбленный в свою науку и стремящийся ее передать, отнюдь еще не подлинный педагог; у него к этим качествам должно быть прибавлено то главное, необходимое свойство творца, которое можно назвать «верой в ответ», «верой в передачу»... В хорошем настоящем преподавании учитель не только дает, но и получает, – он растет, развивается вместе с классом на протяжении всего ученья» [1,230-231].

Наряду с проблемным методом обучения, М.С. Шагинян в своих работах анализировала и метод исторического подхода к изложению материала изучаемых школьниками предметов, его больших потенциальных возможностей для развития их творческих навыков и способностей.

Интересным и важным было бы изучения текстов М.С. Шагинян, связанных с ее осмыслением мирового опыта образовательной деятельности, осуществляемого ею компаративного анализа подходов к решению образовательных задач на Западе и Востоке. Так, обширные знания Мариэтты Сергеевны позволили ей обратить внимание на уникальный опыт использования для обучения, для развития творческих способностей учеников в школах Востока (Индия, мусульманские культурно-цивилизационные ареалы и др.) музыки и пения.

В целом хотелось бы отметить то, что обращение к наследию, публицистике, произведениям литературно-мемуарного характера нашей выдающейся писательницы позволяет найти подход к самым сложным проблемам образовательной деятельности, и в особенности такой сложнейшей из них, как разработки методов и способов развития творческих способностей наших школьников.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Проблемы образования и воспитания. Ростов-на-Дону, 2018.

МИР ДЕТСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРА СЕМЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН

Детство – яркий и короткий период в жизни человека – не перестает привлекать внимание литераторов. Рассказы, повести, романы авторов многих стран мира дают представление об уникальном мире детства, как особом социокультурном и психологическом пространстве, где ребенок максимально освобожден от стереотипов, открыт к познанию окружающего его мира.

Мир каждого ребенка начинается с семьи, с усвоения ценностей, умения взаимодействовать с другими людьми, управлять своей жизнью. Тема роли семьи в воспитании и образовании ребенка звучит и в произведениях писательницы М.С. Шагинян. Литературные работы Мариэтты Сергеевны уникальны тем, что это не только захватывающее чтение для рядового читателя, но материал для серьезного научного исследования мира детства и его взаимодействия с миром взрослых. Представители различных областей науки – психологи, социологи, педагоги, антропологи и др. могут, опираясь на ее работы, применить междисциплинарный подход для рассмотрения семейного воспитания.

Долгое время в нашей стране политика советского государства основывалась на приоритете коллективного воспитания ребенка (детский сад, школа, общественные организации) над семейным, а потому семья, как важная составляющая жизни детей практически «выпала» из поля зрения исследователей, в силу этого работы М.С. Шагинян приобретают особую актуальность.

Произведения М.С. Шагинян – это по сути нарративные тексты, богатые деталями повседневной жизни взрослых людей и детей, в них показывается социальная жизнь глазами ребенка как активного субъекта, стремящегося изменить себя, даются тонкие социально-психологические портреты членов семьи.

Тетралогия о семье Ульяновых, повесть «О двух сестрах и о волшебной стране Мерце», автобиография, вышедшая под названием «Мировоззрение и мастерство», написанные в начале XX века, предстают как семейно-родовая память, хранящая дет-

ско-родительские отношения, проблемы воспитания, мир переживаний и фантазий ребенка. Сравнительный анализ этих произведений с состоянием современного института семьи позволяет проследить трансформацию детско-родительских отношений, нравственных норм и ценностей, причины конфликтов отцов и детей.

Отдавая дань полученному философскому образованию и его традиции четко фиксировать признаки объекта исследования, Мариэтта Сергеевна в автобиографии предпринимает попытку дать определение феномену «дитя». Дитя, пишет она, – это «экспансия, т.е. природное, стихийное, энергическое стремление к расширению, возможно большему охвату мира, возможно большему получению впечатлений» [1,30]. Опираясь на этот подход, писательница уделяет внимание важности расширения окружающей социальной среды (пространства) для ребенка и роли родителей, как наставников и воспитателей, дающих детям ценностные ориентиры и прививающие полезные навыки.

Описывая взаимодействие пространства мира ребенка и семьи, писательница в ряде произведений развивает и формулирует принципы взаимоотношений этих миров.

В своих работах М.С. Шагинян пытается проанализировать протекание собственной «экспансии». Признавая важность семейного воспитания, Мариэтта Сергеевна в автобиографии «Мировоззрение и мастерство» отмечает, что пространство, ограниченное детской комнатой и общением главным образом с членами семьи, няней и гувернантками не способствует развитию ребенка, дает представление о мире в качестве небольших фрагментов и как следствие, будучи маленькой девочкой, писательница стала сочинять свой мир, а это значит, писала она, что «моя детская экспансия стала идти вширь, развиваться вглубь, навстречу нереальному фантастическому миру» [1,31].

Мариэтта Сергеевна в детском возрасте недостаток знаний о жизни и возникновении в связи с этим трудностей в развитии сюжетной линии своих сочинений компенсировала за счет максимального использования в тексте немногочисленных увиденных событий, за счет размышления и умения формулировать и делать выводы, т.е. по сути стихийно формирует свое мировоззрение. Большое влияние на творчество и жизненную позицию

писательницы оказала собранная родителями домашняя библиотека, чтение вместе с ними книг, услышанные разговоры гостей в духе «оппозиционного либерализма», домашние преподаватели и няня.

Отмечая ограниченные рамки семейного воспитания, Мариэтта Сергеевна не призывает заменить его работой государственных детских учреждений, а поддержать и дополнить. В книге «Человек и время» автор дает высокую оценку дореволюционным детским садам, ориентированным на «проблемы детей», где без показухи их учили писать, рисовать, изучать иностранные языки воспитатели с университетским образованием, в подлиннике, читающие Песталоцци и тщательно изучающие детскую психологию. В ранние годы советской власти детские садики «были остро нужны, говоря грубо, для родителей в первую голову, а потом уже для детей» [2,91]. Теперь, по мнению М.С. Шагинян, на первый план выдвинулась «проблема детей», постепенно она стала решаться, но избежать показухи так и не удастся. Актуальной эта проблема остается и сегодня.

С точки зрения писательницы, в отличие от семьи большим преимуществом детских образовательных учреждений является достаточно широкое коммуникационное пространство ребенка, где он учится находиться в коллективе, понимать, что «каждый в нем зависит от целого и найти свое место в нем можно только тогда, когда узнаешь и поймешь это целое «все вместе» [2,95].

В ряде произведений Мариэтта Сергеевна неоднократно отмечала особую роль родителей в воспитании детей. В автобиографической повести «О двух сестрах и о волшебной стране Мерце», она описывает интеллигентную семью с классическими признаками семьи традиционного типа, где отец «был доктором, он бывал дома редко, и ему приходилось выслушивать от других, что дети за день сделали и в чем провинились. Выслушав, он наказывал или хвалил, и потому мало-помалу сделался для детей главным лицом в доме» [3,157]. Но при внешней дистанционности от детей, в проблемных ситуациях, когда мать нуждалась в его поддержке, он проявляет черты опытного педагога и психолога.

Мариэтта Сергеевна писала о том, с каким огромным вниманием родители отнеслись к ее первым литературным опытам и

какую воспитательную роль сыграл тот факт в ее жизни. Поддерживая страсть дочери к литературному творчеству, отец подарил ей в восемь лет тетрадь для записей с наставлением: «научись не только придумывать сказочные сюжеты, но наблюдай жизнь, пиши о живых людях, а это куда труднее».

Серьезное восприятие взрослыми ее литературных способностей привело к тому, что «экспансия» стала не забавой, а делом ответственным, приведшим к очень раннему чувству профессионализма. Став известной писательницей, М.С. Шагинян подчеркивала, что профессионализм для нее олицетворяет ежедневный труд, связь с жизнью и постоянную учебу, т.е. все те установки и нравственные ценности, которые в процессе ее воспитания культивировали родители.

Во многих своих произведениях писательница неоднократно обращалась к проблеме воспитания как науке, важнейшим фундаментом которой должен быть принцип «естественности», уважения к природе человека. «Воспитание – это помощь самой природе, а не насилие над ней... ребенок – это человек, и подходить к нему надо как к человеку» [См.:4]. Такой философский подход к трактовке воспитания ребенка подкреплялся у автора описанием конкретных практик его применения. Так, Мариэтта Сергеевна в автобиографической повести «О двух сестрах и о волшебной стране Мерце», дает тонкий психологический портрет своей матери, которая внимательно следит за развитием своих детей, уделяет много времени их образованию. В отличие от отца ее отношения с дочерьми выстраивались совсем по-другому. «Она никогда не судила, никогда не сердилась, а только входила во все детские дела по-товарищески» [3,158]. Мать могла направлять поведение ребенка, стремясь не оказывать на него прямого давления, а подвести к самостоятельному правильному принятию решения.

В качестве примера можно привести из этой же повести М.С. Шагинян сцену встречи в парке матери с двумя детьми, с женщиной, у которой дочка, не умела ходить. Мать объяснила, как взрослым, шести и восьмилетней дочерям, что с этой девочкой произошло несчастье, в результате которого она перестала ходить и предложила поздравить ее с днем рождения, подарив свою любимую куклу. На девочек произвело огромное впечат-

ление то, что мама не заставляет отдать куклу. Но уж лучше б она заставила, тогда проще было бы ее не дать.

Сегодня молодые родители посещают школы обучения родительству. Психологи, педагоги и социологи считают, что прервалась связь поколений, а вместе с ней трансляция культурных и семейных ценностей, т.е. то, что можно назвать *домашней школой*.

Произведения Мариэтты Сергеевны показывают не только своеобразие и уникальность детства для научного сообщества, но могут и выполнять роль советника для родителей по воспитанию детей. Творчество М.С. Шагинян погружает читателя в сложный и чувственный мир детства и родительства, пытающийся сохранить гармонию взаимоотношений, занятый поиском оптимальных путей взаимодействия, минимизированием травмирующих и конфликтных ситуаций.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Мироззрение и мастерство // М.С. Шагинян Собрание соч. 1903-1933. Т. 1. М., 1933.

2. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1980.

3. *Шагинян М.С.* Повесть о двух сестрах и волшебной стране Мерце // М.С. Шагинян Собрание соч. 1903-1933. Т. 1. М., 1933.

4. *Шагинян М.С.* Рождение сына. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.me/books/rozhdenie-syna-read-3795-17.html> (дата обращения: 22.03.2018).

М.С. ШАГИНЯН О ШКОЛЕ КАК БЛАГОДАТНОМ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

Школа для всех нас – неотъемлемый отрезок неповторимо яркой жизни, наполненной разными впечатлениями, эмоциональными переживаниями радости и удивлений, открытий, побед и неудач, разочарований и преодолений трудностей, осознания себя, определения места в школьном сообществе, взгляда в будущее – одним словом – это период взросления и обретения личностных позиций, жизненного пути, характера. Каждому из нас жизнь преподносит «подарки-задачи», решая которые открываются способности, обретается жизненный опыт самостоятельности и кристаллизации характера.

М.С. Шагинян в своих раздумьях о школьном периоде жизни взрослеющего человека, становлении его характера, ведет нас к поиску извечного ответа на вопрос о том, как гармонизировать среду, в которой происходит становление личности будущего гражданина. В этот период одним из главных личностных обретений является понимание, что «жизнь есть прежде всего не дар, а задача». Она считала, что цель решения задачи не в знании «житейской арифметики», а в самой сути ее решения. «Решением задачи», по убеждению М.С. Шагинян, является «умение так прожить свою жизнь, чтобы на исходе ее иметь право сказать: ни волоска из отмеренного мне я не погубил и не утаил», сделал все, «чтобы возникла та полнота личных признаков, по которым я емь я, и никто другой не может быть тем, что я емь» [1,10-12]. Следовательно, школьные годы должны быть *благодатным* периодом воспитания мудрости, которая откроет смысл жизни, ее перспективы и непременно приведет к осознанию ребенком и взрослым ответственности не только за себя, но и перед собою. Для выполнения задачи нужно быть человеком, непрестанно помнящим меру и соотносящим свои желания и действия соответственно с этой мерой. Можно смело утверждать, что Мариэтта Сергеевна Шагинян, как автор размышлений о школе, – наш современник, ибо обозначенная проблема является современной насущной задачей, в первую очередь, для педагога, создающего

среду межпоколенного взаимодействия и взаимопонимания, передачи не только знаний, но и «эстафеты» жизни.

Прежде всего, педагогическая деятельность – это процесс духовно-нравственный. Чтобы он был таковым, непреложным условием является возвращение в педагоге потребности проявления *Любви*, как педагогической категории, заключающейся в заинтересованности в развитии каждого ребенка как личности. Эту потребность в педагоге необходимо культивировать, пробуждать, чтобы он осознавал меру своей ответственности перед растущим человеком и обществом.

Обращаясь к своему опыту, М.С. Шагинян четко определила «временные границы» осознания ответственности самого ребенка и взрослого, т.к. «каждая минута, пусть и незначительная сама по себе, всем своим содержанием и формирует, и проверяет характер ребенка: задает ему известную задачу и показывает, как он с этой задачей справился, изменяя самому себе или в соответствии со своими главными чертами».

К.Д. Ушинский говорил, что мастерство педагога заключается в том, что бы найти «веревочку» к колокольчику, при помощи которой колокольчик зазвонит своим неповторимым звуком... Поиск индивидуальной «веревочки» у каждого ребенка (да и у педагога) или «веревочки» для хора (коллектива) независимо маленького или большого – суть планирования педагогической деятельности, как прокладывания пути к созданию условий для новых встреч с детьми и взаимодействия с ними: зачем, для какой цели, и каким способом я введу их в ситуацию, в которой они сделают свои собственные открытия, и какими гранями каждому из них откроется сегодняшний мир, и что он оставит в его взгляде на мир, в душе каждого? Вопрос не праздный: а много ли таких педагогов, которые идут от ребенка? И все ли понимают ценность и смысл идей образования?

В основном, весь педагогический процесс направлен на обучение, на познание внешнего мира, на то, чтобы ребенок знал, а останется ли в его багаже это познанное и нужно ли оно ему, и чего он хотел бы сам, мало кто задумывается – важно, что надо нам взрослым, что мы считаем нужным, иногда для престижа, иногда от непонимания, а чаще всего – механически – так устроен мир! Увы, в большинстве своем, все благие намерения то-

нут в водовороте формализма и механического построения педагогического процесса: успеть во времени выполнить программу, провести занятия или уроки, чтобы сформировать учебные навыки, знания, для будущих ВПР, ЕГЭ. А каков смысл постигаемого, в чем ценность, во имя чего ребенку необходимо их постигать, и, немаловажно: оставляют ли они должный след в непосредственной его деятельности, в мыслях, в душе? Открываются ли в процессе школьной жизни значимость и смыслы экзистенциальных ценностей, как ядра личности, – *Любви, Красоты, Добра*, поиска *Истины*, которые являются основанием жизненных взглядов, позиций, отношений, человеческих качеств – это остается вопросом вопросов?...

Ребенок со своей потребностью любить и быть любимым, понятным значимыми взрослыми, со своими внутренними эмоциональными переживаниями остается один-на-один с непонятными ему требованиями, замечаниями, навязанной сверху деятельностью, с неразрешенными внутренними противоречиями и переживаниями, которых не меньше, чем у нас взрослых, потребностью беседовать, задавать вопросы и вместе искать на них ответы и, вообще, узнать, зачем люди приходят в этот мир и многое другое. И кто его спрашивает, как он прожил этот день, чему радовался, чем огорчился, кого ненароком, может, обидел сам, как вышел из этого положения, что сделал, что увидел, чем был удивлен? Так образуется слой в душе для будущей черствости, неуважения к другим, к их труду, пренебрежение и многие другие качества личности, доставляющие и ей самой и другим людям массу дискомфорта в будущей жизни.

Одна из основных причин – механицизм, а ребенок – живой, он растет (и физически, и духовно) каждую минуту, по своему видит окружающий мир, поступки сверстников и взрослых, у него вырабатываются свои умозаключения, и ему нужны именно те условия, которые дадут ему возможность адаптироваться на Земле, в обществе, в культуре, чтобы реализовать в будущем свой потенциал, воплотить в творческом проявлении свои собственные задачи, с которыми душа пришла в этот МИР, чтобы состояться как Человек.

Что же может повернуть педагогический процесс к ребенку? Во-первых, нацеленность педагога на взаимную совместную и

творческую деятельность с детьми. Во-вторых, умение видеть эмоции, реакцию, способность вовремя и умело направить, мотивировать, подбодрить, вызвать интерес и желание познавать, говорить о своих проблемах и переживаниях, разговаривать со сверстниками, выполнять правила общественной жизни, уметь договариваться, приходить на помощь друг другу, учиться жить в согласии с другими людьми и т.д. Следовательно, педагог должен «творить» пространство совместной творческой деятельности, создавать условия, в которых ребенок захочет идти по «дорожке», предложенной педагогом, или найденной совместно, или открытой им самим. Без творчества педагогической деятельности грош цена!

Мысли М.С. Шагинян обращены к педагогу, который оставляет неизгладимый след в душе каждого ребенка. Она считала, что «плох тот учитель, кто идет в класс с наличием только того знания, какое нужно для проведения данного урока» [1,216].

Педагогический процесс, как условие развития должен быть лишен механистического подхода, а термин «механизм» не может быть применяемым к сфере становления человеческого в развивающейся личности! Это и есть самая главная МЕРА ответственности педагога!

Время не прощает поверхностных знаний значимости закономерностей анатомо-физиологического, психологического развития, непонимания необходимости построения среды как пространства культуры. М.С. Шагинян писала: «Учитель должен научиться видеть явление во всех его опосредствованиях, во всех связях с окружающим миром, а не односторонне» [1,249]. В результате механичности алгоритма педагогического процесса возникают сбои и появляются «тормоза», приводящие к «ступору», а не развитию комфортной педагогической среды, как для ребенка, так и для педагога. Механичность неизменно автоматически ведет к формализованным методам в организации учебной деятельности, сухости, потере человечности и уважительности в отношениях и т.д.

Творчество же требует полета, а значит преобладания положительного и уравновешенного эмоционально-психологического состояния. Это эмоционально-психологическое состояние должно быть обеспечено условиями деятельности, в которых

педагогическое взаимодействие с ребенком нацелено на развитие творческих способностей и дает возможность ощущать радость жизни в совместном общении, играх, познании, собственных открытиях, творчестве, преодолении трудностей, т.е. в малых и больших успехах своих достижений.

Формирование, как процесс, приемлем и необходим в овладении ребенком навыками, тем, что становится «автоматическим внутренним багажом», и в совокупности действий – умением применить эти навыки в разных видах деятельности. Все остальное и вся жизнь – это творческий процесс становления и развития личности, ее профессионализма, которому нет предела, и созидания своего собственного образа Я – духовного (внутреннего) мира и отношения к себе самому (а это процесс духовный, требующий работы души и разума в единстве); и внешне-го, носителем которого является Имя человека – оно обрамляет образ и представляет его в социуме. Вот одна из главных задач *ОБРАЗования–творения* образа человека и человечности в его душе.

Движение к этим целям не может быть быстрым. Ничто не прорастет и не даст плодов, если не будет питательной среды и крепких корней. В человеческом плане – нужны условия и время для изменения сознания педагога, освобождения его от механичности, для перестройки видения им ребенка, как будущего творческого человека, достойного гражданина страны, и значимости самого педагогического процесса, как благодатной духовно-творческой питательной среды жизни. Это предполагает работу души и разума, осознанной мотивации, а как целостный результат – понимание миссии педагога, которая предполагает ответ самому себе: зачем я иду к детям, что я им могу дать, открыть, чем одарить, какова мера моей ответственности перед ребенком, как перед Вселенной? Вызовы современности требуют осмысления педагогом значения ценностного развития личности ребенка, обретения им смысла деятельности, жизни, что предполагает поиск ответа на извечный вопрос: зачем он пришел в этот мир. Для настоящего педагога не существует второстепенных проблем в воспитании и образовании. Его интересуют личностные взгляды, то – кем мечтают стать его воспитанники, каковы их интересы, каким они хотят видеть себя и мир, в

котором будут жить они, их родители, дети? (а это очень важно для каждого и данную перспективу даже под сомнение никто не ставит). Педагог-«робот» такие вопросы себе никогда не задаст!

М.С. Шагинян убеждала нас своим видением и опытом, что все происходящее вокруг находит отклик в детской душе, оставаясь в эмоциональной памяти, порой на всю жизнь; и как важно не спасовать, быть честным перед собой. Но, если ребенок был недолюблен, был унижен, над ним совершали насилие, – обеспечено развитие личностных комплексов и негативных внутренних процессов и черт характера. В то же время, педагогическое пространство, как пространство сотворчества, вызывает, продуцирует и умножает множество «бифуркационных точек» в каждом. Творчество берет свое начало в развитии воображения, способности видеть образы, одухотворять их. В этом плане огромное значение М.С. Шагинян придавала работе с книгой, умению вхождения в содержание, работе чувств и мысли, проживанию ребенком художественных произведений. Вот там-то и рождаются вопросы, появляются личностные смыслы ценностей, из которых возвращается собственная Мера, понимание жизни, как творческого пути. Она своими воспоминаниями подтверждала, что каждого ребенка волнует философская картина, которая дает ориентир душе – *что такое любовь, что красиво, а что безобразно, где добро, а где живет зло, как решить жизненно важные задачи с позиций человечности?*

В учебе М.С. Шагинян отдавала предпочтение развитию самостоятельности мышления. Познание наук строится не на механическом запоминании, а на размышлении, удивлении ребенка новым знанием, наблюдении, преодолении возникающих трудностей. В современных условиях мастерство педагога должно быть направлено на создание таких условий, в которых каждый ребенок, подросток, юноша может достигать успеха, открывая научные законы, философские смыслы, мир для себя самого. Мастерство педагога проявляется в творчестве, а оно, как маятник: чем больше диапазон его колебания, тем выше охват вовлечения детей в пространство сотворчества и пробуждения в каждом «вдохновения к творчеству». В арсенале весь пласт культурного наследия и современных вызовов, традиционных и нетрадиционных форм организации: встречи с учены-

ми, искусством, диалоги с людьми его создающим; экспериментирование, проблемные ситуации, авторские и коллективные проекты, в которых разрешаются коллизии, применяя не только опыт, имеющийся в арсенале памяти и конкретных практических умениях, но возможные виртуальные способы решения проблем, открываются смыслы ценностей...

Этому надо постоянно учиться, нужен внутренний поиск, мотивацией для которого является потребность развития каждого ребенка. В своей статье «Об учителе» М.С. Шагинян тепло вспоминая своих педагогов, как бы подвела черту под значением образа учителя, от которого во многом зависит, станут ли детские школьные годы благодатным периодом жизни для каждого ученика? Она лаконично аргументировала ответ на вопрос: почему: потому, что в памяти взрослых людей о своей школе встают не здание, классы и программы уроков, а образы учителей, любимых и нелюбимых, хороших и плохих [1,86].

Литература

1. *Шагинян М.С.* Проблемы образования и воспитания. Ростов-на-Дону, 2018.

**РОЛЬ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.С. ШАГИНЯН
В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ
(на примере «Шагиняновских чтений»)**

Задаче нравственного воспитания и образования молодежи во все времена отводилось большое внимание. Наши предки понимали, что от уровня нравственного воспитания и образования молодых людей зависит процветание и благополучие нашей Родины, мир и дружба в нашем многонациональном стране.

Как известно, 2012 год в нашей стране был объявлен годом Российской истории.

В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» констатируется, что «обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации».

В этом нелегком деле первостепенное значение отводится образовательным учреждениям. Одна из важнейших задач педагогических коллективов, современной школы – это краеведческое и патриотическое воспитание детей и молодежи. Однако в наше время в духовно-нравственном воспитании молодежи многое упущено. После перестройки в стране произошли большие изменения, и в образовании наша молодежь своевременно не получает те уроки наших знаменитых предков, которые необходимы в нравственном воспитании и образовании.

В творческом наследии Маризэты Сергеевны Шагинян мы находим немало интересных публикаций, посвященных воспитанию детей. Статья «Мальчики и девочки» написана как будто о нашем времени: «Будущее России – эта не Европа, не надо смотреть под ноги англичанам, в спину французам, под каску немцам. Будущее России – это наши дети. А какие они сейчас? Что читают? Чему учатся? Все у них с чужого плеча. Они мало умеют сами и виноваты в этом мы, так как уделяем молодежи мало внимания. У взрослых выскочил какой-то гвоздик из голов в наш «нервный век».

Не случайно, что интеллигенция более старшего поколения нашего города также ставит перед собой задачу решения проблем нравственного воспитания и образования молодого поколения через изучение и приобщение к наследию отечественной культуры прошлых лет.

В 2013 году в серии «Жизнь замечательных нахичеванцев» в Ростове-на-Дону вышла в свет книга «М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве». В 2014 году у нас состоялись первые «Шагиняновские чтения». За ними последовали вторые (2015), третьи (2016), четвертые (2017) и в 2018 году уже пятые, юбилейные, посвященные 130-летию со дня рождения Мариэтты Сергеевны Шагинян. Отрадно, что «Материалы Шагиняновских чтений» публикуются. На «Шагиняновских чтениях» принимает участие и молодежь Ростовской области: старшеклассники школ Мясниковского района, МБОУ лицея № 13, МБОУ Гимназии № 14, школы № 80 Ростова-на-Дону, СОШ № 4 города Аксая и др. Содержательные сообщения школьников свидетельствуют о том, что первое же знакомство с жизнью и творческой деятельностью Мариэтты Сергеевны Шагинян заинтересовывают их, а изучение ее творческого наследия стало необходимым в духовно-нравственном воспитании нового поколения. Некоторые школьники принимают участие в «Шагиняновских чтениях» уже неоднократно. К ним в течение года подготавливаются содержательные доклады, школьники участвуют в художественном чтении ее стихов, представляются рисунки, картины и другие формы творческой работы, посвященные изучению огромного наследия знаменитой писательницы.

Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян – удивительное явление в отечественной литературе XX века. Советская писательница армянского происхождения была многожанровой писательницей: и прозаиком, и поэтом и т.д.

За свою долгую творческую жизнь М.С. Шагинян встречалась со многими известными и интереснейшими людьми XX столетия: как на родине, так и за границей. Она написала немало произведений, полюбившихся советскому и зарубежному читателю, постоянно стремилась быть в гуще жизни. В своих книгах она затрагивала многие проблемы нравственного воспитания детей и молодежи, которые и сейчас актуальны.

Литературной деятельностью М.С. Шагинян стала заниматься с 1903 года с символических стихов. Ее первый сборник стихов «Первые встречи» издавался 1906-1908 гг. Опубликованы книги рассказов «Узкие ворота» (1914), «Семь разговоров» (1915). Мариэтта Сергеевна опубликовала свыше 70-ти книг: романов, повести, рассказов, очерков, стихов. На протяжении долгих лет М.С. Шагинян создавала литературные портреты тех людей, с которыми встречалась, общалась. Особое место в творчестве М.С. Шагинян занимала биографическая проза (очерки о С.В. Рахманинове, В.Ф. Ходасевича, У. Блейке, Г.Б. Якулове и др.) и монографические работы о Т.Г. Шевченко, И.А. Крылове, «Этюды о Низами» и личности Гёте. Повести М.С. Шагинян «Перемена» и «Приключение дамы из общества» публиковались в 1922-1923 годах, в 1923-1925 годах вышла в свет и имела большой успех серия агитационно-приключенческих повестей «Месс-Мэнд».

В богатейшем творческом наследии М.С. Шагинян большое место занимает изучение как древней и средневековой истории Армении, так и Советской Армении. Огромная любовь и интерес Мариэтты Сергеевны Шагинян к своему народу, к его жизни и культуре отражаются в ее содержательных очерках, где о трудах армянских классиков она писала с большим уважением, симпатией и любовью. Ее перу принадлежат статьи о создателе армянской письменности Месропе Маштоце «И горы наполнились письменами...», о гениальном романе Хачатура Абяна «Раны Армении» и его жизни, о выдающихся поэтах Ованесе Туманяне, Егише Чаренце, Аветике Исаакяне. о классиках армянской драматургии А. Ширванзаде и Г. Сундукяне. Начиная с 1927 года, пять лет она прожила в Армении, была на строительстве ДзораГЭС, после чего появился ее роман «Гидроцентральный» (1930-1931). Ее перу принадлежат очерки «Зангезурская медь» (1927), «Советское Закавказье» (1931), «Путешествие по Советской Армении» (1950), «Зарубежные письма» (1964), переводы с армянского языка Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна, книга «Об армянской литературе и искусстве» (1961).

В конце своей жизни ею написаны мемуары «Человек и время. История человеческого становления», где она рассказала о своей жизни, о своем ближайшем окружении, о встречах, о тех

условиях, в которых происходило ее становление, как человека, как писателя. Сестры Шагинян сочинили «Первую большую игру – о лучезарной стране Мерце». Спустя полвека Мариэтта Шагинян назвала ее «Повестью о двух сестрах в волшебной стране Мерце». Эту детскую повесть она начала писать в Новой Нахичевани в 1918 году, а закончила и опубликовала ее спустя полвека, в 1980 году.

Шагиняновские герои – это, прежде всего, личности творческие, олицетворяющие прогрессивные силы истории, всю свою жизнь посвятившие «работе на будущее».

Изучая ее творческое наследие, человек размышляет о событиях, о характерах людей, которые жили, боролись за становления достойного, порядочного, воспитанного, культурного человека, личности. Творческое наследие М.С. Шагинян – это глоток чистой освежающей воды для современного человека. Она оставила людям богатое литературное наследие, которое учит правильно жить и любить жизнь, воспитывать и образовывать молодое поколение. Так, в конце книги «Перемена» (1949) она отмечала: «...жить, чтоб делать, чтобы познавать, чтоб бороться. Жить, чтоб взойшли на земле семена окрыленной мечты человечества о справедливости. Жить, чтоб своими руками из камня и стали строить то, что мерещилась в думах, записано в книгах...»

М.С. Шагинян волновали проблемы образования и нравственного воспитания подростков. Она писала о значении детской книги в воспитании подрастающего поколения, рассматривала книгоиздание (в том числе и выпуск литературы для бедных слоев населения) наиважнейшим делом, рассматривал вопросы культуры в контексте национальных проблем большой, многонациональной страны. В статье «Культура и курятник» она вот что писала о нации: «...национальность определяет не фамилия, а душа. Национальный характер вскармливается, проникнут... единством духовного опыта... Есть русский армянин, русский немец...».

Хотелось бы еще процитировать некоторые высказывания Мариэтты Сергеевны Шагинян:

О культуре человеческого общения: «Переживали ли Вы когда-нибудь, читатель, особое счастье от общения с человеком, который, Вы чувствуете, подошел к Вам с тем выражением ра-

венства, когда его «я» ощущает реальное бытие Вашего «ты»? Это не так уж часто бывает на земле. Люди разные во всем – не только по внешнему положению в обществе, но и по уму, по характеру, по возрасту, по степени внешней привлекательности. Но в одном они равны абсолютно. В том, что они реально существуют».

О нравственном воспитании детей: «Воспитание человека в духе нравственности состоит именно в том, что поступки, полезные обществу, становятся для него инстинктивной потребностью».

О педагогической работе: «Изучать детей, воспитывая и обучая их, с тем, чтобы воспитывать и обучать, изучая их, таков путь единственной педагогической работы и наиболее плодотворный путь познания психологии детей».

О работе журналиста: «Нас окружает новый мир. «Готовым» – в руки он не дается никому. Получить его, не познав его, нельзя. А познать его, не участвуя в его делании, невозможно. Написать очерк – значит: увидеть, познать, пережить, осмыслить и перенести пережитое в форму общения с читателем».

О труде: «Труд лечит и выправляет души людей». Писательница всегда восхваляла значение ремесел: «Одно осталось нам в удел: учись ремеслам и науке».

В своем романе-хронике «Первая Всероссийская» М.С. Шагинян высказала мнение о жителях села Чалтырь: «... я уже успела заметить, что крестьяне очень умны и наше городское представление о них – старое, как о детях малых, глубоко невежественно... Как открытие для меня, была их своеобразная интеллигентность, не похожая на нашу».

В девятитомном собрании сочинений Мариэтты Сергеевны Шагинян современный читатель находит блестящие знания истории, искусства, литературы, глубокое проникновение в тайны человеческой психологии. Ее творчество привлекает своей гуманистической направленностью, постоянным утверждением высокой роли человека на земле.

Ее легендарная творческая жизнь: тяга к учению, неиссякаемая жажда познания, трудолюбие, смелость, порядочность в общении с людьми, любовь к исторической Родине, а также за-

замечательные произведения воспитывают и обучают читателей, особенно молодежь.

Роль творческого наследия М.С. Шагинян, как одна из ветвей нравственного и образовательного воспитания молодежи неоспорима.

Надо отдать должное тем организаторам, которые проводят замечательные дни «Шагиняновских чтений», – составляют программы, организуют и проводят научные конференции, издают сборники материалов «Шагиняновских чтений» и т.д., – что этим самым они открывают современной молодежи и в душах новых читателей мир Красоты, Гуманности, Добра и света.

**РОЛЬ «ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ»
В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ
ДОНСКОГО КРАЯ**

2 апреля 1888 года, 130 лет тому назад, родилась Мариэтта Сергеевна Шагинян – талантливая писательница, мыслитель, человек высокой гражданственности, последовательный приверженец светлых идеалов человечества. Ростовские ученые вот уже в пятый раз проводят «Шагиняновские Чтения». За эти годы интерес к личности и творчеству Мариэтты Сергеевны Шагинян значительно расширился. Если на первые «Шагиняновские Чтения» в Ростов-на-Дону из Чалтыря приехали два-три докладчика, то в этом году оргкомитет организовал специальную секцию, на которой с докладами выступили несколько преподавателей школ села в Чалтырь и более десяти выступлений учащихся школ Мясниковского района. Вырос и уровень докладов школьников. Если раньше это были просто школьные сочинения, то в этом году на секции были представлены настоящие исследовательские работы, которые включены в публикуемый Сборник докладов. В этом году оргкомитет отказался от присуждения мест школьникам за их доклады. Всем участникам «Шагиняновских Чтений» вручены Почетные грамоты «за активное участие в подготовке и проведении V юбилейных Чтений, посвященных 130-летию со дня рождения Мариэтты Сергеевны Шагинян».

За значительные заслуги в популяризации творчества М.С. Шагинян памятные медали «130-летие Мариэтты Шагинян» были вручены Р.В. Бзезян – начальнику отдела образования Мясниковского района, А.С. Дагдзян – директору историко-этнографического Музея с. Чалтырь, Е.А. Паламарчук – профессору РГУЮ, А.А. Сурмалян – Председателю правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», Г.М. Багдыкову – донскому краеведу, И.Г. Шкриль – учителю лицея № 13.

Второй день «Шагиняновских Чтений» традиционно проходил в Музее русско-армянской дружбы, филиале Ростовского Музея краеведения. Отмечу, что и здесь, наряду с выступления-

ми профессоров и преподавателей ЮФУ и ДГТУ, прозвучали десять докладов учащихся школ города Ростова-на-Дону и Ростовской области, по признанию корифеев шагиняноведения, весьма интересных и значимых по форме и содержанию.

Необходимо подчеркнуть, что в юбилейный год 130-летия со дня рождения Мариэтты Сергеевны Шагинян на Дону не ограничились только проведением «V-ых Шагиняновских Чтений». В рамках празднования «Шевченковской весны-2018» был подготовлен и проведен «круглый стол» по книге советской писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян «Тарас Шевченко». Переиздана и сама книга советской писательницы. Ее имя вспоминали и в Донской Академии наук юных исследователей, где в рамках очередной весенней научной конференции школьников Ростовской области творчеству М.С. Шагинян была посвящена работа целой секции. И на студенческом вечере в ДГТУ, где один из его участников Кирилл Тихомиров исполнил фортепианные произведения Сергея Рахманинова, столь любимые Мариэттой Сергеевной. С большим чувством прозвучали стихи поэтессы М.С. Шагинян «Молитва к Армении» и «Воскресенье» в исполнении Марии Вартеванян и Анны Скобенко.

Практическим воплощением любви к творчеству Мариэтты Сергеевны Шагинян можно считать концепцию экскурсионного маршрута «По местам жизни и творческой деятельности М.С. Шагинян в селе Чалтырь», разработанную учителем Чалтырьской школы № 1 Соней Егияевной Экизян, на материалах доклада ученицы 9 класса этой школы Виктории Ширинян «Гений места – Мариэтта Шагинян». Ученица 9 класса школы № 16 хутора Недвиговка подготовила видеофильм «Донские места жизни М.С. Шагинян», он ценен своей наглядной информативностью. Этот фильм будет интересно посмотреть ученикам всех донских школ.

Участники пятых «Шагиняновских Чтений», профессора и доценты Южного федерального университета предложили факультативное изучение произведений Мариэтты Сергеевны Шагинян в школах Мясниковского района. Методические рекомендации вполне по силам составить местным учителям русского языка и литературы – Ю.В. Карташян (село Чалтырь, школа № 2) и В.В. Артеменко (хутор Ленинован, школа № 13), пред-

ставившим свои замечательные доклады. Председатель оргкомитета «Шагиняновских чтений» Николай Степанович Авдулов отметил необходимость предложения Министерству образования Ростовской области включить в учебный план донских школ, как региональный компонент, изучение творческого наследия Мариэтты Сергеевны Шагиняной, т.к. подобного рода решение входит в компетенцию Министерства образования Ростовской области. Молодое поколение жителей Донского края должно знать своих выдающихся земляков.

«V-ые Шагиняновские Чтения» в этом юбилейном году были посвящены проблемам образования и воспитания молодого поколения. Писательницу интересовали все аспекты этих процессов, но более всего воспитание трудом и творчеством. Этот интерес в те годы был связан с построением нового социалистического общества, с возникновением новых человеческих отношений. К юбилейным «Шагиняновским Чтениям» оргкомитет подготовил к переизданию и выпустил в свет сборник основных статей М.С. Шагиняной по этим темам (М.С. Шагиняной Проблемы образования и воспитания. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – 316с.). Ценность работ М.С. Шагиняной по этой проблематике в том, что исследуемые ею проблемы актуальны и сейчас, на очередном «переломе времен».

**ТЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ
В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ И ЕЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ
В КНИГЕ М.С. ШАГИНЯН
«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ»**

Для творчества видной советской писательницы, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Сталинской премий Мариэтты Сергеевны Шагинян тема человеческого становления в революционную эпоху всегда была главной – причем в книгах разных жанров. Это и художественная проза, и публицистика, и книги-биографии, и – уже в конце жизни – знаменитые мемуары «Человек и Время», в которых слова «История человеческого становления» стали подзаголовком. Практически в любом произведении М.С. Шагинян ставила перед собой задачу – показать то, как меняется человек в революционную эпоху, как – отнюдь не без сложностей – приходит он к пониманию необходимости революционных преобразований и в итоге принимает революцию всей душой. Причем это касалось практически всех главных героев ее произведений – от простых рабочих-строителей, возводящих в Армении одну из первых гидроэлектростанций (в романе «Гидроцентральный») – до Владимира Ильича Ленина в повестях «Семья Ульяновых», «Первая Всероссийская» и в публицистической книге «Четыре урока у Ленина». Наконец, это касалось и главной героини мемуаров «Человек и Время», т.е. самой Мариэтты Сергеевны, поскольку мемуары пишутся о себе.

За цикл книг о Ленине Мариэтта Сергеевна получила в 1972 году Ленинскую премию. А за 21 год до того, в 1951 году, ей была присуждена Сталинская премия по литературе (высшая тогда литературная награда) – за полузабытую теперь публицистическую книгу «Путешествие по Советской Армении».

Мариэтта Шагинян родилась в Москве, в подростковом возрасте жила и училась в гимназии в Нахичевани-на-Дону, затем снова жила в Москве, сотрудничала в различных газетах, в том числе и в ростовском «Приазовском крае». И лишь в 1917 году,

после февральской революции, в возрасте 29 лет, впервые приехала в Армению.

Строго говоря, при всей удивительной истории этой древней страны, Армении как таковой тогда не было. Была Эриванская губерния России, лишь частично в границах совпадающая с сегодняшней Арменией. Даже самого эта слова – Армения – тогда не было среди названий административных регионов Российской империи.

Проведя в Эривани (так тогда назывался Ереван) и в других городах губернии некоторое время, Мариэтта Шагинян влюбилась в землю своих предков, начала ее познавать. Однако жизненные обстоятельства вынудили ее вернуться в Нахичевань-на-Дону. И только в 1922 году ей снова удалось побывать уже в Советской Армении, в качестве специального корреспондента газеты «Правда», и опубликовать в ней свой первый очерк об Армении – «История одного канала». В следующем году молодая журналистка центральной партийной газеты издала небольшую книгу «Советская Армения» с приложением протоколов Первого сельскохозяйственного съезда Армении, которые Мариэтта Сергеевна вела лично. В 1926 году теперь уже известная писательница М.С. Шагинян (автор понравившейся Ленину книги «Перемена») в результате новой поездки – уже не только в Армению, но и в Грузию и Азербайджан – создала ряд публицистических очерков о начале социалистических преобразований в закавказских республиках. Характерными были названия очерков М.С. Шагинян в новой ее книге – «Советское Закавказье», вышедшей в 1926 году: «Зангезурская медь», «Нагорный Карабах», «Ткварчельский уголь», «Ночь в Джульфе». Главной темой этих очерков было становление нового человека, живущего и работающего в условиях социалистического общественного строя и социалистической экономики. Даже из приведенных названий ясно, что Мариэтта Шагинян, работая над книгой, побывала во всех трех республиках Закавказья. Ну, а то, что очерки об Армении получились в этой книге наиболее душевными, легко понять: голос крови был тут естественным.

В 1927-1930 гг. писательница жила в Армении, изучая материал для написания одного из первых в советской литературе «производственного» романа «Гидроцентральный» – о строитель-

ве ДзораГЭС на севере Армении. Для М.С. Шагинян почти четыре года на стройке были временем познания новых людей – строителей ГЭС. Это были люди, не похожие на привычный для нее ранее мир рафинированных интеллигентов. Но именно это и было интересно писательнице. Еще до выхода романа она публиковала в газетах очерки о строителях электростанции – недавних крестьянах, которые строили здесь не только ГЭС, но и себя, свою новую жизнь.

Очерки М.С. Шагинян об Армении того времени стали в определенной степени этюдами для будущей книги «Путешествие по Советской Армении», собравшей весь опыт поездок писательницы по различным районам Армении в 1920-х и 1930-х гг., а также в 1944 году. Незадолго до Победы Мариэтта Сергеевна пришла к мысли, что настало время обобщить свои впечатления от Армении, добившейся за двадцать с небольшим лет громадных достижений на пути социалистического строительства. Одна из самых экономически отсталых национальных окраин Российской империи (даже в сравнении с Грузией и Азербайджаном), Армения шагнула настолько далеко вперед, что взгляд публициста требовал осмыслить эти достижения и попытаться понять, за счет чего такое стало возможным?

Часть очерков из будущей книги были заранее «обкатаны» в газетных и журнальных публикациях. Отдельным изданием «Путешествие по Советской Армении» впервые вышло в издательстве «Молодая гвардия» в 1950 году. После присуждения Мариэтте Шагинян Сталинской премии третьей степени за эту книгу издательство «Советский писатель» выпустило в 1952 году ее второе, расширенное издание. Пожалуй, главную мысль книги-путешествия раскрывает эпиграф, вошедший в первые издания книги – 1950 и 1952 гг. Это слова И.В. Сталина: «Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления».

Постараемся дать этому произведению жанровое определение. Официально это (согласно постановлению о присуждении Сталинской премии) – *книга очерков*. Однако такое определение выглядит достаточно формальным и не показывает реальной специфики этой книги, тяготеющей к книге-путешествию, или, лучше сказать, к *путевым очеркам*. Чем хорош этот жанр? Пре-

жде всего – свободой изложения материала. Человек едет или идет, смотрит вокруг, думает о том, что видит, с кем-то о чем-то говорит, спорит... Жанр допускает любые повороты в изложении. И это российские и советские писатели прекрасно понимали – задолго до Мариэтты Шагинян. Яркие образцы жанра «путешествия» оставили многие писатели-классики, в числе которых – Александр Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву»), Александр Пушкин («Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»), Николай Карамзин («Письма русского путешественника»), Иван Гончаров («Фрегат «Паллада»»), Антон Чехов («Остров Сахалин»), Максим Горький («Город Желтого дьявола»), Владимир Маяковский («Мое открытие Америки»), Илья Ильф и Евгений Петров («Одноэтажная Америка»).

Весьма существенный, хотя и спорный момент, если говорить о советском периоде развития нашей литературы, заслуживает, на наш взгляд, спокойного к нему отношения. Это – яркий показ наших достижений даже в том случае, если показываемое – пока еще только исключение, отдельные факты, еще не ставшие массовыми. Таким был тогдашний «социальный заказ». Принцип социалистического реализма требовал показывать жизнь в ее революционном развитии. Это фактически означало, что на примере лучших, хотя, быть может, пока еще единичных фактов надо учить народные массы поступать так же. Не вижу в этом никакого греха: людей всегда воспитывают, как известно, на лучших примерах. И тогда есть шанс, что это лучшее будет расти и множиться.

Перелистывая «Путешествие по Советской Армении», читатель встречает десятки имен деятелей науки, культуры, производства, которые выглядят своеобразными «людьми из будущего». Вот, скажем, романтическое описание архитектурных шедевров армянских зодчих и самих этих зодчих, построивших фактически заново столицу Армении – Ереван. Понятно, что побывавшие в то время в Ереване гости видели там далеко не только шедевры архитектуры, но и огромное количество барачков, деревянных домишек, оставшихся от старой Эривани, замусоренных дворов, разбитых дорог. Надо ли было о них писать? Для Мариэтты Шагинян это являлось непростым вопросом. Отвечала она на него в духе «социалистического реализма», под-

черкивая в своей книге наши бесспорные достижения и пригласывая многие недостатки и проблемы. Такое было время. Исходить тут надо не от наших сегодняшних взглядов, а от того, что и как было *тогда* было принято, а в чем-то и необходимо. Люди ждали после тяжелой кровопролитной войны чего-то особо светлого и радостного.

При всем ее литературном таланте и глубоких знаниях, Мариэтты Шагинян, приехав на достаточно длительный срок в Советскую Армению, многое познавала впервые. О чем-то она раньше и сама не все знала. Например, о древней истории армянских государств, которая в первые советские десятилетия была мало известна не только рядовым гражданам, но даже ученым-историкам. В том объеме, который был возможен в книге-путешествии, М.С. Шагинян делала короткие отступления и сообщала читателям информацию, которую они, скорее всего, не знали, да и автор книги сама лишь недавно узнала, работая в Матенадаране – хранилище древних рукописей – уникальном научном учреждении Еревана. Будучи журналистом-профессионалом, Мариэтта Сергеевна понимала, что объем отступлений от главной темы книги-путешествия не может быть слишком большим, иначе будет потеряна нить основного повествования. А сказать хотелось о многом. И тогда было принято оригинальное решение, повлиявшее на структуру книги. М.С. Шагинян включила в нее в качестве приложения в конце основного текста две дополнительные главы общим объемом 24 книжные страницы: «Краткий очерк древней и средневековой истории Армении, отраженной в памятниках литературы» и «Археологические прогулки». Именно тогда в книге М.С. Шагинян были впервые приоткрыты для общесоюзного широкого читателя сведения о выдающихся памятниках древней архитектуры Армении – в Гарни, Гегарде, Эчмиадзине, на берегах Севана, а также в древней столице Армении – Ани, оказавшейся в результате бурных событий начала XX века на территории Турции. Можно быть уверенным, что эти страницы советские читатели изучали тогда с особым интересом, ибо они в подавляющем большинстве этого просто не знали. Чтобы сделать чтение книги еще более удобным, для особо внимательного и квалифицированного читателя были включены в нее объемные (50 стра-

ниц) авторские примечания, выведенные за пределы основного текста и набранные мелким шрифтом со ссылками в конце книги. Тут сказалоь то, что Мариэтта Сергеевна была не просто журналистом и писателем, но и ученым, доктором наук, привыкшим работать с документами. Превращать книгу-путешествие, рассчитанную на массового читателя, в научную работу автор не хотела, поэтому пришлось искать нестандартные решения, и она их нашла. В результате наиболее дотошные читатели получили из этой книги больше, чем другие. Такая структура книги стала ценным открытием автора.

Стоит подробнее рассказать о структуре основной части книги-путешествия. Оно имеет отличительные признаки не только путевого очерка, но и своеобразного путеводителя по региону, включая информацию для тех, кто, быть может, последует примеру автора и вслед за прочтением этой книги тоже предпримет путешествие в те уникальные края. Структура книги интересна и тем, что главы расположены в основном в том порядке, в котором путешествовала сама автор. (Хотя логически можно было предположить, что откроется книга главой о столице Армении – Ереване). Прибыв в Армению поездом из Тбилиси, М.С. Шагинян рассказала в книге об увиденном из окна вагона – об особенностях рельефа, климата, экономической географии республики, не обходя и практических вопросов – например, как лучше всего добраться до Армении из центра страны.

Последующие главы показывают читателю основные географические и экономические зоны Армении. Что интересно – некоторые из этих глав носят названия исторических регионов Армении, к тому времени полузабытых и замененных мелкими районами, получившими тогда в значительной части имена партийных деятелей и революционеров (к примеру, А.И. Микояна). Для всесоюзного читателя, особенно молодого, названия «Зангезур», «Айоц-Дзор», «Лори», «Ширак» были к моменту выхода этой книги практически неизвестными. Мариэтта Сергеевна «вытаскивала» эти названия из забвения, и это стало тогда смелым поступком, возвращающим читателя к древней истории Армении, в которой были свои герои, свои победы и выдающиеся достижения. Очень интересно рассказано и об удивительной природе горной республики в главах «Восхождение на Арагац»,

«Озеро Севан», «В долине Арарата». Сочный стиль описания красот природы буквально завораживает читателя.

Отдельные главы посвящены второму после столицы по своему значению городу Армении – Ленинану (ныне Гюмри), а также Аштараку, Эчмиадзину (ныне Вагаршапату), Кировакану (ныне Ванадзору), индустриальным городкам Кафану (Капану) и Алаверди, где добывают и перерабатывают медные руды, живописным курортным городкам Дилижану и Джермуку. В каждом из этих городов – больших и совсем маленьких – острый журналистский взгляд Мариэтты Шагинян нашел то, что делает их особо интересными для путешественника, и при этом в центре внимания автора – то, что происходило в этих городах за тридцать советских лет.

Наиболее характерен в этом смысле раздел книги, названный по имени древней, но одновременно практически заново построенной столицы Армении – Еревана. Состоящий из семи небольших главок, этот раздел наиболее «фактурен», ибо естественно, что в столице грандиозные изменения в жизни Армении были заметны в наибольшей степени. Сильно уступавший ранее по своему архитектурному облику признанным центрам Закавказья – Тбилиси и Баку, еще недавно маленький провинциальный город (с населением перед революцией всего лишь 30 тысяч жителей!) – к 1936 году, когда он стал именоваться Ереваном превратился в настоящую столицу. Произошло это благодаря героическому труду его жителей, талантливым армянским зодчим, приехавшим сюда из Москвы и Ленинграда, а также умелому партийному и государственному руководству.

Давайте прочтем названия главок раздела «Ереван»: «Город с балкона», «Выросла своя интеллигенция», «Прогулка по городу. Наука в Армении», «В верхней части города. «Матенадаран», «Выставки и музеи Армении», «Сталинский район», «Розы и песни». Даже до прочтения этой главы, по одним только названиям главок можно предположить: М.С. Шагинян смотрела на Ереван взглядом восхищенного человека. А когда прочтешь этот раздел, поймешь: да, так и есть. Дело не только во внешних впечатлениях от ставшего другим, гораздо более красивым и цивилизованным, города. Дело, прежде всего, в живущих в этом

городе людях, которые создали ему новую красоту и славу, не жалея для этого сил, времени и творческого порыва.

Тему человеческого становления М.С. Шагинян прослеживала в биографии и делах людей. Немалая часть этих людей – уже отнюдь не молоды, они стали взрослыми еще в предреволюционные годы. Но именно революция круто изменила их судьбы, помогла раскрыться талантам, нашла для этих талантов новые сферы деятельности, о которых они подчас и мечтать не могли.

Вот только несколько неординарных личностей, о которых рассказано в книге. Мартирос Сарьян, наш земляк из Нахичевани-на-Дону, талантливый художник. Не без влияния хорошо знакомой ему Мариэтты Шагинян, с которой он познакомился и даже некоторое время совместно работал в Нахичевани, Мартирос Сергеевич принял принципиальное решение – уехать в молодую Советскую Армению на постоянное место жительства. И именно там талант М.С. Сарьяна достиг небывалых высот, потому что была найдена тема, которая, собственно, и сделала М.С. Сарьяна всемирно известным художником: поразительные по сочетанию красок пейзажи Армении, каких нет больше нигде. Для того чтобы их создать, надо было жить там, вглядываться и в природу, и в людей, в новые человеческие отношения, в которых на первый план вышло именно созидание. Портреты этих людей также стали для М.С. Сарьяна любимым жанром.

Архитектор Александр Таманян – памятник ему (как, кстати, и М.С. Сарьяну) стоит ныне на живописном ереванском бульваре. Уроженец Екатеринодара, он – также по зову крови – приехал в новую Армению из Санкт-Петербурга. Совместно с зодчим из Нахичевани-на-Дону Марком Григоряном и с рядом других коллег они создали удивительные по своей гармонии архитектурные ансамбли Еревана – площади Ленина (ныне площади Республики), проспекта Ленина (ныне проспекта Месропа Маштоца), здания театра оперы и балета, Матенадарана и многие другие истинные шедевры. Можно не сомневаться в том, что именно Советская Армения самым фактом своего существования дала мощный толчок развитию их таланта. Они мечтали построить новую столицу для новой Армении – и они это сделали.

Приехал в Армению работать уроженец Тифлиса Президент Академии наук Армении В.А. Амбарцумян – физик и астроном.

Он создал в горах уникальное научное учреждение – Бюраканскую астрофизическую обсерваторию. Подобрал талантливые молодые кадры и создал научную школу мирового уровня.

Обо всех этих людях рассказывает в своей книге Мариэтта Шагинян, и мы видим, слышим и чувствуем ее восторг перед тем, о чем и о ком она писала. В перечне наиболее достойных людей Советской Армении – еще десятки фамилий и имен. К примеру, это искусствовед с мировым именем И.А. Орбели, певица Гоар Гаспарян, ученый-химик, профессор Аракс Бабалян, начинавшая со скромной должности руководителя химического кружка Ереванского Дворца пионеров... Немало в книге и имен простых городских и сельских тружеников, вроде бывшего крестьянина-бедняка, а теперь строителя электростанции Шакара, добившегося удивительных достижений в работе и кардинально изменившегося даже внешне.

Имевшая до революции скромные зачатки промышленности – незначительную прослойку ремесленников – Советская Армения в считанные годы благодаря своему трудолюбивому и жаждавшему деятельности народу создала современную экономику. Впечатляют две страницы из книги, в которых дается перечень новых промышленных предприятий республики в самых разных отраслях – машиностроении и химической промышленности, электроэнергетике и производстве стройматериалов, цветной металлургии и приборостроении, ковроткачестве и виноделии, кожевенно-обувном и коньячном производствах. Армения открылась сетью вполне достойных для того времени автомобильных дорог, появились новые железные дороги, связавшие Армению с Азербайджаном, а также озеро Севан с центром региона, а город медных приисков Кафан (Капан) – со станцией Мегри. Добиться столь существенных успехов помогло и то, что Армения выделилась среди всех республик СССР высоким процентом въехавших в нее из-за границы граждан – армян по национальности, увидевших шанс для себя – принять личное участие в строительстве новой Армении. Об этом тоже с нескрываемым восхищением писала в своей книге Мариэтта Сергеевна.

Немало страниц в «Путешествии по Советской Армении» посвящено также теме образования. Армения встретила революцию без единого высшего учебного заведения. Да и обычных

школ имелось крайне мало. Это было нестерпимо обидно для тех, кто мечтал о науке, да и просто о вхождении в культурную среду. И вот в считанные годы, уже к концу 1930-х годов, Армения становится регионом сплошной грамотности. Один за другим открываются вузы и техникумы. Без революции такое было бы невозможно, тем более в столь короткие сроки. Писала М.С. Шагинян и о том, как молодая Советская Армения учила и в чем-то переучивала школьных учителей, которые затем несли знания в массы. Впечатляет в книге тема науки и культуры в Армении. Уже к 1950 году республика обросла широкой сетью академических научно-исследовательских и проектных институтов. Многие из них действуют и по сей день. А подробный перечень музеев Еревана с комментариями автора роднит книгу с хорошим путеводителем.

В «Путешествии по Советской Армении» есть еще одна тема, которая стала новаторской для литературы того времени. Эта тема – экологическая, хотя само это слово в книге ни разу не встречается – его просто тогда не было. Посвятив большую главу озеру Севан, М.С. Шагинян с научной дотошностью описала проекты строительства каскада севанских электростанций, которые должны были дать республике столь необходимую ей электроэнергию. Но какой ценой это хотели сделать? Получается, что ценой сокращения запасов рыбы в Севане, ухудшения климата в регионе, значительного уменьшения объема воды в озере, которое ко всему прочему перестало бы радовать туристов своей первозданной, величественной красотой. М.С. Шагинян поддерживала в споре тех ученых, кто требовал более осторожного подхода к вторжению в природу. Подобный разговор в 1950 году был достаточно необычным на фоне популярной тогда в стране известной фразы И.В. Мичурина о том, что «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Понимание ошибочности такой мысли придет позже, когда часть электростанций севанского каскада построили и увидели, к каким новым проблемам это привело. Тогда, в 1960-1980 гг., пришлось вкладывать большие средства в строительство канала «Арпа – Севан», по которому в озеро теперь текла вода из находящейся за высоким горным хребтом реки, и уровень воды в озере постепенно стал увеличиваться, хотя и не до прежних от-

меток. А от стройки еще двух электростанций на каскаде отказались, найдя другие варианты развития энергетики республики. Вот так, из далекого 1950 года писательница увидела проблемы, которые тогда не заметили или не захотели заметить люди, облеченные властью и возможностью реально влиять на развитие народного хозяйства республики. Севан спасли для новых поколений, и в этом есть заметная доля заслуги писателя, публициста, ученого – Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Путешествие по Советской Армении. М., 1950.
2. *Шагинян М.С.* Путешествие по Советской Армении. Собр. соч. в 6 т. Т. 4. М., 1957.
3. *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. М., 1986-1989.
4. Шагинян Мариэтта Сергеевна. Большая Советская энциклопедия. Изд. 3. Т. 29. М., 1978.
5. Шагинян Мариэтта Сергеевна. Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М., 2017.

НАШИ АВТОРЫ:

Авдулов Николай Степанович – профессор Южного федерального университета

Алексеевко Мария – ученица 11 класса МБОУ СОШ № 27, г. Шахты

Бакулов Виктор Дмитриевич – доктор философских наук, профессор ИФиСПН Южного федерального университета

Балкунова Виктория – ученица 10 класса МБОУ СОШ № 3, с. Чалтырь

Барназян Александра – ученица 8 класса МБОУ СОШ № 2, с. Чалтырь

Беленький Геннадий Леонидович – член Союза журналистов России

Белов Анатолий Викторович – доктор философских наук, профессор ИФиСПН Южного федерального университета

Бугаева Татьяна – ученица 10 класса МБОУ СОШ № 12

Будников Илья – ученик 11 класса МБОУ «Гимназия № 14»

Воробьева Софья – ученица 8 класса МБОУ «Лицей № 13»

Карташян Юлия Владимировна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 2, с. Чалтырь

Карельская Людмила Петровна – кандидат философских наук, доцент ИФиСПН Южного федерального университета

Карнаухова Вера Николаевна – учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 27. г. Шахты

Кибалова Галина Александровна – учитель истории и обществознания, руководитель школьного военно-исторического музея МБОУ СОШ № 80

Ким Мария Николаевна – член Союза журналистов России, редактор газеты «Кобзар-на-Дону»

Контеева Татьяна – ученица 8 класса МБОУ ООШ № 19

Косьяненко Евгения Валерьевна – кандидат философских наук, доцент Донского государственного технического университета

Матвеев Герман Аронович – профессор Южного федерального университета

Осипова Татьяна Осиповна – доцент Южного федерального университета

Паламарчук Евгений Александрович – профессор колледжа Ростовского института юстиции

Савостина Александра Алексеевна – член правления Ростовской региональной украинской национально-культурной автономии

Самарина Наталья Васильевна – доцент Южного федерального университета

Симавонова Виктория – ученица 9 класса МБОУ СОШ № 80

Симовонян Александра Георгиевна – учитель армянского языка и литературы, руководитель музея МБОУ «Гимназия № 14»

Стопченко Николай Иванович – доктор культурологии, профессор Донской Академии Наук Юных Исследователей (ДАНЮИ)

Сурмалян Арутюн Арменакович – председатель правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»

Тикиджьян Руслан Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент Донского государственного технического университета

Тихомиров Кирилл – ученик 8 класса школы № 80

Туманян Ирина – ученица 10 класса Большесальской средней школы № 8 Мясниковского района

Федорова Дарья – ученица 10 класса МБОУ СОШ № 3, с. Чалтырь

Ширинян Виктория – ученица 8 класса МБОУ СОШ № 1, с. Чалтырь

Содержание

Материалы «круглого стола» о книге М.С. Шагинян «Тарас Шевченко», проведенного в рамках «Шевченковской весны». 17 марта 2018 г.

- Осипова Т.О.* Монография М.С. Шагинян о Т.Г. Шевченко – научное исследование или художественная проза?
- Стопченко Н.И., Косьяненко Е.В.* Портрет Тараса Шевченко в монографии М.С. Шагинян
- Савостина А.А.* М.С. Шагинян о многогранном и глубоком смысле творчества Т.Г. Шевченко
- Авдулов Н.С.* М.С. Шагинян о народности художественного творчества Т.Г. Шевченко
- Паламарчук Е.А.* Любовь к жизни и творчеству Т.Г. Шевченко в монографии М.С. Шагинян
- Матвеев Г.А.* М.С. Шагинян о роли Аральской экспедиции в творческой судьбе Т.Г. Шевченко
- Белов А.В.* Апперцепция законов природы через художественный образ
- Самарина Н.В.* М.С. Шагинян о месте и роли природы в творчестве Т.Г. Шевченко

Материалы V Шагиняновских чтений школьников «М.С. Шагинян о проблемах образования и воспитания». Чалтырь. 6 апреля 2018 г.

- Приветственный адрес Председателя правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» А.А. Сурмалян
- Авдулов Н.С.* М.С. Шагинян: Школа призвана учить мыслить
- Контеева Татьяна;* руководитель – *Васильева Алла Николаевна* Переписка М.С. Шагинян и С.В. Рахманинова
- Барнагян Александра;* руководитель – *Плюснина Алина Владимировна* Советы М.С. Шагинян о том, как читать книги?

Туманян Ирина; руководитель – *Кесеян Сусанна Арамаи-совна* Мотив времени в книге М.С. Шагинян «Orientalia»
Ширинян Виктория; руководитель – *Экизян Соня Егияевна* Гений места: М.С. Шагинян в Нахичевани-на-Дону и селе Чалтырь
Картамян Ю.В. Образ человека труда в творчестве М.С. Шагинян

**Материалы V Шагиняновских чтений
«М.С. Шагинян о проблемах образования
и воспитания». Ростов-на-Дону, 7 апреля 2018 г.**

Осипова Т.О. Проблема воспитания и образования в произведениях М.С. Шагинян о семье Ульяновых
Паламарчук Е.А. Проблемы образования в тетралогии М.С. Шагинян «Семья Ульяновых»
Авдулов Н.С. М.С. Шагинян о роли общения в образовательном и воспитательном процессах
Алексеенко Мария; руководитель – *Карнаухова Вера Николаевна* Очерки М.С. Шагинян как источник изучения проблем образования и воспитания в России
Тикиджьян Р.Г., Карнаухова В.Н. М.С. Шагинян о проблемах образования и воспитания в имперской России и СССР
Балкунова Виктория; руководитель – *Хурдаян Людмила Леонидовна* М.С. Шагинян в кругу поэтов Серебряного века
Бугаева Татьяна; руководитель – *Хырхырян Астхик Давидовна* Труд и трудовое воспитание в педагогическом наследии М.С. Шагинян
Будников Илья; руководитель – *Хоций Алла Николаевна* Чему училась М.С. Шагинян у В.И. Ленина?
Воробьева Софья; руководитель – *Шкриль Ирина Григорьевна* Путеводитель по Нахичевани-на-Дону, где бывала Мариэтта Шагинян
Симавонова Виктория; руководитель – *Кибалова Галина Александровна* Роль педагогики в жизни и творчестве Ма-

риэтты Шагинян

Тихомиров Кирилл; руководитель – *Кибалова Галина Александровна* Музыкальный и педагогический опыт
М.С. Шагинян

Федорова Дарья; руководитель – *Хурдаян Людмила Леонидовна* М.С. Шагинян о культуре

Самарина Н.В. М.С. Шагинян о чтении в процессе образования

Стопченко Н.И., Косьяненко Е.В. М.С. Шагинян о роли музыки в духовном развитии личности

Белов А.В. Понятие «образование» в наследии М.С. Шагинян и Ю.А. Жданова

Матвеев Г.А. М.С. Шагинян о личности учителя в образовании и воспитании молодежи

Кибалова Г.А. Педагогические идеи М.С. Шагинян и их место в современном образовательном процессе

Бакулов В.Д. М.С. Шагинян о развитии творческих способностей школьников

Карельская Л.П. Мир детства как отражение мира семьи в произведениях М.С. Шагинян

Савостина А.А. М.С. Шагинян о школе как благодатном времени жизни

Симавонян А.Г. Роль творческого наследия М.С. Шагинян в нравственном воспитании молодежи (на примере «Шагиняновских чтений»)

Ким М.Н. Роль «Шагиняновских чтений» в воспитании молодых жителей Донского края

Беленький Г.Л. Тема человеческого становления в революционную эпоху и ее преломление в книге М.С. Шагинян «Путешествие по Советской Армении»

Наши авторы

Научно-популярное издание

**М.С. ШАГИНЯН О ПРОБЛЕМАХ
ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ**

**Материалы круглого стола», проведенного в рамках
«Шевченковской весны», и V Шагиняновских чтений**

17 марта, 6–7 апреля 2018 г.

Ответственный редактор – *Н.С. Авдулов*
Редактор-составитель и компьютерная верстка – *А.В. Белов*
Фото – *М.Н. Ким*

Сдано в набор 13.06.2018. Подписано в печать 14.06.2018.
Формат набора 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,8. Тираж 550 экз. Заказ № 248

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 111.
Тел. 8-918-570-30-30